

Кир Булычев
Агент КФ

Андрей Брюс – 1

Планета Пэ-У лишь недавно вступила в Галактический центр и ее пока считают отсталой цивилизацией. Здесь все еще существуют кланы и действуют законы кровной мести. Но обитатели Пэ-У не так просты как может показаться. И желание одного из них добиться власти оборачивается захватом космического корабля и полетом к соседней планете, где некогда жили могущественные Ар-Анцы...

Археолог Фотий ван Кун был счастлив. Ощущение счастья не зависит от масштабов события. Много лет ожидаемая победа, завершение бесконечного труда, окончание длительного путешествия могут вызвать усталость или даже разочарование. Неожданная мелочь может переполнить человека счастьем.

Фотий ван Кун шел в гостиницу по улице Трех Свершений. За последние четыре дня этот путь, короткий и прямой, стал ему хорошо знаком и привычен. Десять минут неспешной ходьбы в тени домов, нависающих над пешеходом, как тыквы над муравьем. Генеральный консул Ольсен, маленький, толстый, вежливый эрудит, называл этот город огородом для великанов. «Этот тип жилища, – объяснил он Фотию ван Куну, – сложился здесь исторически. В период клановой вражды. Очень трудно штурмовать яйцо, поставленное на острый конец или поднятое на сваях. Поэтому и окна пробиты на высоте пяти метров, не ниже».

Раньше тыквы ярко раскрашивали в цвета клана, теперь в городах, где понятие клана отмирало, – согласно моде.

Высоко над головой тыквы почти соприкасались боками, и потому внизу, на мостовой, всегда были тень и прохлада. Когда ван Кун попадал на перекресток, солнечный жар ударял в лицо, и, подобно прочим пешеходам, Фотий ван Кун спешил в тень очередного дома. Он

попал в город в самый жаркий период и после прохладной мрачности раскопок на Ар-А никак не мог привыкнуть к пыльной духоте. Особенно тяжело было в гостинице. Гостиница была построена в соответствии с требованиями времени и в расчете на туристов из иных миров. Она казалась чемоданом, забытым посреди арбузов. Кондиционирование в ней не работало, и если в традиционных домах двойные стены сохраняли тепло в холода и прохладу летом, то зеркальные плоскости гостиницы превращали ее в накопитель солнечного тепла. Лучший номер в гостинице, выделенный археологу, был одновременно и самым жарким местом в городе.

Возвращаясь в гостиницу, чтобы переодеться и принять душ перед лекцией, Фотий ван Кун с ужасом представлял себе, как он войдет в раскаленные анфилады залитых солнечным светом покоев, и в этот момент он увидел магазин.

В магазины, как и в дома, надо было забираться по крутой лестнице. Разглядывая вывеску, приходилось запрокидывать голову. И чтобы избавить покупателей от такого неудобства, торговцы выкладывали образцы товаров на мостовую, у основания лестницы. Разумеется, не самые ценные.

Фотий ван Кун уже несколько раз проходил мимо этой лавки. Но раньше он либо спешил, либо был окружен местными учеными, так что, видя образцы товаров, он их не замечал.

А сейчас остановился перед сделанной из папье-маше куклой в старинном костюме из птичьих перьев. Кукла глядела из ярко раскрашенной глиняной вазы. Фотий ван Кун догадался, что в этой лавке торгуют сувенирами. А так как археолог не был лишен любопытства, он поднялся по узкой лесенке, распахнул нависшую над ним плетенную из тростника дверь и ступил в круглое помещение.

При виде гостя хозяин лавки в знак почтения тут же натянул на голову серебряную шапочку и широким жестом сеятеля показал на большую таблицу-разговорник, прибитую к стене. Крайний правый столбец не очень грамотно изображал перевод нужных слов на космолингву.

Кивнув продавцу, ван Кун начал разглядывать товары на полках. Полный набор для охотника за сувенирами. Куклы, горшочки и вазы, игрушки из птичьих перьев, мраморные и аметистовые шарики для гадания, шерстяные циновки и коврики с узорами из бисера, шары, чтобы думать, старинные топоры с некогда ядовитыми шипами, золотые яйца черепах и шлемы из панцирей тех же черепах, шлепанцы для встречи гостей и сандалии для торжественных проводов, сумочки для любовных поэм, хрустальные с нефритовыми зрачками «глаза ласки», наборные посохи, семейка неизвестно как попавших сюда макетиков Эйфелевой башни, коллективные курильницы, схожие с дикобразами... Много из этого ван Кун видел на базаре, куда его за день до того водил консул Ольсен, и, обладая хорошей памятью, запомнил функции этих предметов.

Ван Кун медленно шел вдоль полок, понимая, что раз он заглянул сюда, то должен что-то купить, чтобы не оскорбить продавца (это ему тоже объяснил Ольсен). Иначе продавцу придется делать подарок несостоявшемуся покупателю. Он искал глазами что-нибудь не очень крупное, совершенно необычное и желательно полезное. Ван Кун был рациональным человеком.

И тут на нижней полке он увидел игрушечных солдатиков. И в этот момент Фотия ван Куна охватило ощущение счастья.

Улетая много лет назад с Земли, он оставил там большую, одну из лучших на Земле коллекцию игрушечных солдатиков. С тех пор ему не удавалось побывать дома, потому что жить приходилось в Галактическом центре, оттуда и летать в экспедиции – Земля слишком далека от Центра, и если ты избрал своим ремеслом космическую археологию, то на Землю ты, вернее всего, попадешь лишь к пенсии. Но страсть к собиранию солдатиков у ван Куна не проходила. К сожалению, искусство изготовления игрушечных солдатиков слабо развито в Галактике, и даже на весьма цивилизованных планетах о них и не подозревают. Ван Кун научился отливать их из олова и раскрашивать. Он проводил немало времени в музеях и на

военных парадах, фотографируя и рисуя. Если на раскопках попадалось погребение воина, вызывали ван Куна. За двадцать лет его новая коллекция достигла тринадцати тысяч единиц, и если воссоединить ее с той, что осталась на Земле, то, безусловно, Фотий ван Кун стал бы обладателем самой представительной в Галактике коллекции солдатиков.

И вот, прилетев на несколько дней на Пэ-У с раскопок на Ар-А, планете в той же системе, будучи бесконечно занят, Фотий ван Кун заходит в лавку сувениров и видит на полке отлично исполненных солдатиков.

Скрывая душевный трепет, Фотий ван Кун подошел к таблице-разговорнику и провел пальцем от слов «Сколько стоит?» к соответствующей фразе на местном языке.

Продавец ответил длинной тирадой, из которой Фотий ван Кун не понял ни единого слова. Тогда ван Кун нагнулся, взял с полки солдатика и показал его продавцу. Продавец крайне удивился, словно никто из приезжих никогда не покупал солдатиков в его лавке, и, взяв с полки блестящий, переливчатый «шар, чтобы думать», протянул его ван Куну, полагая, что лучше покупателя знает, что тому нужно.

Ван Кун отыскал в таблице слово «нет».

Продавец с сожалением положил шар на место, подошел к таблице и показал на цифру в левом столбце. Ван Кун проследил глазами ее эквивалент в правом столбце и понял, что солдатик стоит дорого. Восемь элей. Столько же, сколько коврик из птичьих перьев или обед в приличном ресторане. Он очень удивился, но потом рассудил, что ценность вещи определяется сложностью ее изготовления. А солдатик был очень тщательно сделан. Он был отлит из какого-то тяжелого сплава, а размером чуть превышал указательный палец. Его латы были изготовлены из кусочков медной фольги, плащ сшит из материи, а на маленьком личике и обнаженных руках тонкой кистью была наведена боевая татуировка. Ван Кун мысленно прикинул, сколько у него с собой денег. В конце концов, они ему не нужны. Завтра должен прилететь «Шквал» из Галактического центра с оборудованием и припасами для экспедиции. По крайней мере, мрачный представитель Космофлота Андрей Брюс твердо заверил, что корабль идет без опоздания. «Шквал» захватит с собой ван Куна и затем спустит его на катере на Ар-А. Неизвестно, побывает ли ван Кун вновь на Пэ-У. Вернее всего, никогда. А солдатики одеты в цвета кланов – это уже история, это уже забывается. Лишь в горных княжествах сохранились такие плащи. Да и традиционное оружие: духовые трубки, топоры с отравленными остриями, раздвоенные кинжалы – все это постепенно переходит в музеи. Или теряется, потому что мы всегда куда лучше бережем отдаленное прошлое, чем реалии вчерашнего дня.

Всего солдатиков на полке было штук шестьдесят. Все разные. Даже солдатики одного клана различались оружием и доспехами. Если взять все деньги, что хранятся в гостинице, то хватит.

Как настоящий коллекционер, привыкший не испытывать судьбу, ван Кун достал кошелек и выяснил, что с собой у него есть тридцать три эля. То есть можно было купить четырех солдатиков.

Ван Кун отобрал четырех солдатиков в наиболее характерной одежде, осторожно отнес их на прилавок и положил рядом тридцать два эля.

Тут он заметил, что продавец явно напуган.

– В чем дело? – спросил ван Кун. Времени у него уже было в обрез. Через полчаса его ждут в Школе Знаний.

Продавец ответил непонятной тирадой, отделил одного из солдатиков, затем взял восемь элей и остальные деньги отодвинул ван Куну.

– Ну уж нет, – сказал ван Кун, который был упорным человеком. – Это честные деньги, мне ничего лишнего не надо. Сейчас вернусь, возьму остальных. – И он показал жестом, что намерен забрать всех солдатиков.

Неизвестно, понял ли его продавец, но в конце концов он забрал деньги, достал коробочку, устланную птичьим пухом, положил туда солдатиков, закрыл сверху бумагой. Он спешил и старался не смотреть на покупателя.

Ван Кун отыскал в таблице слово «спасибо», произнес его и, осторожно неся коробочку, пошел к выходу. От тростниковой двери обернулся и увидел, что продавец уже снял серебряную шапочку и вытирает ею лоб.

– Скоро вернусь, – сообщил ему ван Кун.

* * *

Фотий ван Кун был счастлив.

Счастье коллекционера – совершенно особый вид радости, доступный далеко не всем. Чувство это в чистом виде бескорыстно, так как настоящий коллекционер с одинаковой интенсивностью будет радоваться приобретению грошовому или бесценному – важна не стоимость, а факт обладания. Не так много нашлось бы в Галактике людей, способных разделить радость ван Куна. Но такие люди существовали, хоть и разделенные световыми годами пути. Ван Кун, не замечая пыли, висящей над городом, раскаленных пятен света, встречающих прохожих, глядевших на него как на экзотическое существо, спешил к гостинице. Если бы разумный человек сказал ему, что солдатики, стоящие в магазине, никуда не убегут и их можно отлично купить вечером, а то и завтра, ван Кун бы даже не улыбнулся, и, несмотря на то, что он был нормальным, лишенным излишней мнительности человеком, он бы ускорил шаги, заподозрив вас в желании перекупить солдатиков.

Строя в воображении трагические картины, в которых безликий и безымянный конкурент уже входит в лавку, чтобы скупить солдатиков, ван Кун промчался по холлу гостиницы, пробежал два пролета лестницы вверх (лифт пока не работал), вспомнил, что не взял у портье ключ, вернулся обратно, снова вознесся по лестнице на четвертый этаж, задыхаясь, обливаясь потом, повернул ключ, вбежал в номер, осторожно положил на кровать коробку с солдатиками, начал быстро раздеваться, чтобы принять душ. При этом он продвигался к письменному столу, чтобы достать оттуда деньги.

Он выдвинул верхний ящик. И удивился. Кто-то основательно покопался в ящике письменного стола.

Будучи аккуратистом, Фотий ван Кун принадлежавшие ему вещи всегда раскладывал так, чтобы разделяющие их линии были строго вертикальны. Говорят, что однажды, на межзвездной археологической базе Афины-8, он упал в обморок, потому что на стене, вне пределов его досягаемости, криво висела репродукция с какой-то картины. Полчаса Фотий ван Кун глядел на нее, не отрываясь, все более бледнея, а затем с ним приключился обморок.

Тренированному глазу Фотия ван Куна достаточно было мгновения, чтобы понять: в его бумагах рылись, и некто, складывая их обратно, не смог соблюсти прямых линий между папками и листами. Более того, преступник выкрал бумажник с деньгами и документами археолога. И, что было для Фотия самое неприятное, разворошил и рассыпал заветную коробку с лекарствами.

В иной ситуации Фотий ван Кун внимательно бы изучил, не исчезло ли что-либо еще, вызвал бы администратора гостиницы, позвонил бы по громоздкому синему, похожему на старинную швейную машинку телефону в генеральное консульство. Но в тот момент Фотия ван Куна огорчила лишь пропажа денег и, следственно, провал операции «Солдатики». Фотий ван Кун подумал, не оставил ли он бумажник в куртке, которую надевал вечером, когда было прохладно. Он раскрыл стенной шкаф. Куртка валялась на дне шкафа. Бумажника в ней не оказалось.

Ирреальная надежда найти деньги заставила археолога потерять еще несколько минут, ползая под кроватью, обыскивая ванную и прихожую. Везде он наталкивался на следы неумелого, неаккуратного, спешного, но дотошного обыска.

В конце концов Фотий ван Кун вынужден был отказаться от надежды найти бумажник. Он проклял эту планету, проклял свою страсть к солдатикам и понял, что до начала его заключительного выступления в Школе Знаний осталось всего семь минут.

Фотий ван Кун был пунктуальным человеком и не выносил опозданий. В течение

шести минут ему надо было переодеться (о душе уже и речи не шло), добежать до Школы Знаний и желательно заскочить в магазин сувениров и объяснить продавцу, что завтра же он раздобудет денег и купит остальных солдатиков, так что, «пожалуйста, не продавайте их никому».

Переодевался Фотий ван Кун так быстро, что не осталось времени толком подумать. Правда, ван Кун предположил, что стал жертвой грабителей, которых, как он слышал, здесь немало. Государство лишь сравнительно недавно выбралось из темной эпохи враждующих кланов, а первые заводы, школы, первое централизованное правительство возникли чуть более века назад. Так что планета Пэ-У влетела в космическую эру, еще не успев пережить до конца свое социальное детство. В окружающих столицу горах, на островах в океане, в иных небольших государствах все еще царили обычаи варварства, и стихия первобытных отношений порой, как прибойная волна на излете, хлестала по новому миру городов. Галактический центр отнес Пэ-У к мирам ограниченного контакта, и отношения с планетой должны были строиться крайне осторожно, без вмешательства в процесс ее естественного развития.

Правда, в истории Галактического центра уже не раз возникали сложные коллизии с этим ограниченным контактом. Но панацею на все случаи жизни отыскать нельзя.

Как нетрудно предположить, в сложном немирном организме Пэ-У возникли силы, желавшие добиться преимущества, опираясь на Галактический центр, на его громадные возможности, на достижения его науки и технологии. Этим силам хотелось куда большего участия Галактики в делах планеты. Уже одежды первых космонавтов, прибывших на Пэ-У, уже интерьеры их кораблей, приборы и машины, которыми пользовались пришельцы, давали достаточно пищи для рассуждения и, скажем, зависти. От этого возникала и обида. Когда-то у оставшихся в каменном веке папуасов Новой Гвинеи был странный обряд. Они, памятуя о том, сколько ценных и интересных вещей им удавалось отыскать на упавших во время войны самолетах, уже после нее строили самолеты из дерева и бамбука, надеясь таким образом подманить настоящий самолет.

Фотию ван Куну была известна история, происшедшая лет за тридцать до этого совсем на другой планете. Там местные жители захватили врасплох галактический корабль, перебили его команду и растащили содержимое. Сам же корабль был водружен на постамент в качестве космического божества.

Но чем активнее на планете типа Пэ-У становились сторонники контактов и заимствований, тем энергичнее действовали изоляционисты. Они утверждали, что присутствие людей из Галактического центра таит реальную и неотвратимую угрозу образу жизни, освященному столетиями. И полагали, что если удастся изгнать внешнюю угрозу, то жизнь вернется к законам золотого века. Забывая при этом, что до прилета корабля золотого века не было и что, даже если на планете не останется ни одного человека из Галактического центра, непоправимое уже свершилось: жизнь на планете никогда не будет такой, как прежде. А те, кто стремится к контакту, рано или поздно возьмут верх.

В то время, когда Фотий ван Кун прилетел на Пэ-У, там царило определенное равновесие, поддерживаемое не без влияния Галактического центра. На планете находилось генеральное консульство Центра, было представительство Космофлота и даже космодром. Студенты из Пэ-У учились вне планеты, группа медиков из Центра изучала эпидемические заболевания и обучала коллег бороться с ними... в общем, «ограниченный контакт». В надежде на экспертов и туристов была сооружена громадная кубическая гостиница. Ее единственным жильцом, не считая редких местных туристов, для которых ночевка в гостинице была экзотическим приключением, и оказался археолог Фотий ван Кун. Гостиница была подобна бамбуковой копии самолета – вода в ней текла еле-еле, лифты не работали, из щелей дул горячий ветер, и генеральный консул, милейший Ольсен, предупреждал приезжих, чтобы ни в коем случае там не селились. Обычно его все слушались и останавливались либо в обычной старой гостинице, либо в консульстве. Но Фотий ван Кун был гостем Школы Знаний и личностью настолько видной, что пришлось отдать его на

престижное растерзание.

Фотий ван Кун отлично знал, что в городе обитают не только мирные обыватели, но и воры, разбойники и убийцы, что по ночам у озерных причалов и в темных кварталах, перенаселенных беженцами с гор, сражаются банды и стражники туда не заглядывают. Так что, расстроившись из-за кражи, он не очень удивился и как разумный человек размышлял, у кого бы одолжить денег на солдатиков – у консула или у Брюса?

За две минуты он успел стащить с себя потную, пропылившуюся холщовую куртку, широкие, юбочкой, белые шорты – мода прошлого десятилетия, удобная на раскопках и в жарких местах, легкие золотистые сандалии, купленные на базаре в Паталипутре. Еще минута ушла на то, чтобы достать из шкафа сброшенный грабителем, чуть помятый, но вполне приличный фрак с пышными плечами, серые лосины, матовые черные туфли с чуть загнутыми носками, серебристого цвета сорочку с пышным жабо (официальная мода консервативна). Разумеется, Фотию ван Куну не пришлось в голову тащить с собой на раскопки, а оттуда в Пэ-У вечерний наряд – консул Ольсен выдал ему этот набор вчера. У консула в специальной кладовой стояла длинная, костюмов на пятьдесят, стойка, отчего кладовая была похожа на старомодный магазин. Добрейший Ольсен был блюстителем этикета – не из каприза – в клановом обществе Пэ-У вопросы этикета занимали очень важное место. И профессор из Центра, читающий официальную лекцию в Школе Знаний, обязан соответственно одеваться.

Фотий ван Кун успел взглянуть в кривое, плохо отшлифованное зеркало и показался себе, несмотря на сдержанность тонов своего одеяния, похожим на экзотическую птицу.

Он уже готов был бежать, но вспомнил, что обещал консулу прикрепить к лацкану знак Археослужбы – золотые буквы КАС на фоне серебряного Парфенона. Это заняло еще тридцать секунд. Поиски папки с планами раскопок, оказавшейся под столиком, – еще двадцать секунд. Папка была тоньше, чем утром, но Фотий ван Кун этого не заметил.

Бег вниз по лестнице – тридцать три секунды.

Поскользнулся на пахнущем керосином паркете – балансировал на грани падения – четыре секунды.

Влетел в дверь ресторана и размышлял, где же дверь на улицу, – двенадцать секунд.

Выскочил на улицу, задохнулся от ослепительной жары.

Оранжевое солнце уже садилось и било прямо в лицо, золотя и пронзая столбики пыли.

Фотий ван Кун понял, что забыл накинуть короткий плащ, имевший какое-то символическое значение в лабиринтах этикета, чуть было не кинулся обратно в гостиницу, но удержался. Хотел было остановить парного рикшу – муж крутил педали, жена бежала сзади, держа опахало, но вспомнил, что у него нет денег. Рикша остановился, глядя выжидательно на удивительное существо в черном одеянии, означающем в некоторых кланах смертную месть. Видно, вспомнив об этом, рикша нажал на педали, жена засеменила сзади. Впоследствии рикша внес свою долю путаницы в это дело, показав страже, что Фотий ван Кун был вооружен и совершал руками характерные для мстящего жесты ярости. В памяти рикши образ человека в черном дополнился недостающими, но обязательными деталями кровавого ритуала. Его жена могла бы точнее рассказать о Фотии ван Куне, но ее, разумеется, никто не спрашивал, так как показания простолюдинки юридической силы не имеют.

Разлучившись с рикшей, Фотий ван Кун побежал по улице, стараясь скорее достичь спасительной тени гигантских арбузов. Ему было очень жарко, и он задышался в несколько разреженном по земным меркам воздухе Пэ-У. Шесть минут уже истекли, и он опаздывал.

Еще на секунду Фотий ван Кун задержался у магазина сувениров. Он разрывался между необходимостью спешить и желанием подняться по лестнице и уговорить продавца, чтобы тот не продавал солдатиков до завтра.

Продавец видел Фотия ван Куна сквозь щели в тростниковой двери, но не пригласил покупателя внутрь, потому что был напуган предыдущими действиями ван Куна. Теперь же, увидев его в черном костюме, он быстро отступил назад и спрятался за прилавок.

Поэтому он не увидел того, что мог бы увидеть, останься у двери.

В этот момент Фотий ван Кун находился в глубокой тени под нависшим боком дома-тыквы. Улица была пуста. Предзакатный час – самый жаркий и пыльный в городе, и прохожих на улице не было.

Фотий ван Кун ни о чем не догадался, потому что его ударили дубинкой сзади. Желтой костяной дубинкой, какими обычно вооружены горцы.

Удар был сильным, и Фотий ван Кун ничего не успел понять.

* * *

От агентства до космодрома было чуть больше часа езды. Более-менее пристойный космодром был сооружен лет двенадцать назад, но вот дорогу к нему, что должны были взять на себя городские власти, так и не сделали.

По сторонам, уменьшаясь к окраинам и редая, тянулись полосатые дома-дыни с маленькими треугольниками окошек – будто кто-то проверял, спелые ли дыни. Из окон торчали длинные шесты с развешанным на них бельем. Старый космофлотский фургончик подпрыгивал на кочках, рыжая пыль застилала окна. Торговцы, сидевшие вдоль дороги, были рыжими, и их товар тоже был рыжим.

Чистюля ПетриА задвинула окошко, стало еще жарче, но пыль все равно проникала внутрь и скрипела на зубах.

– Вы обещали вызвать мастера, чтобы починить кондиционер в фургоне, – сказал Андрей Брюс своему заместителю ВосеньУ. – Стыдно перед пассажирами.

– Пускай пришлют новый фургон, – ответил тот. Он сдул пыль с толстого портфеля, с которым никогда не расставался. – Наши мастера ничего не понимают в земных кондиционерах. И вообще в кондиционерах.

– Это неправда, – сказал Брюс, глядя в упор на ВосеньУ, что было по тамошним меркам не очень прилично. Но ВосеньУ всегда буравил Брюса фиолетовыми пятнышками своих зрачков. – В консульстве на той неделе починили кондиционер.

– А ты не спрашивал, – вмешалась ПетриА, чтобы переменить тему разговора. – Что в консульстве говорят о пропавшем археологе?

– Увидим консула на космодроме – спросим, – сказал Андрей. – Пока вроде бы ничего нового.

– Все в городе знают, – сказал ВосеньУ, – что археолог мстил клану Западных вершин.

– Чепуха, – сказал Андрей убежденно. – Археолог здесь четыре дня. Он не знает никаких кланов. Он все время проводил в Школе Знаний. Зачем ему кланы?

– Он продал им свои карты. Но ему не заплатили, – сказал ВосеньУ. – Он потерял честь.

ВосеньУ дунул себе на плечо, на золотое крылышко. Он сам придумал себе космофлотскую форму. Даже в этом мире ярких и разнообразных одежд он умудрился выделяться. Может, потому, что его клан был слаб, почти все мужчины погибли в сварах с Речным кланом, и клан отказался от мести, чтобы выжить, – подобно собаке, которая, проиграв схватку, ложится на спину, подставляя сопернику живот. И тот уходит. Если бы не было такого обычая в яростной борьбе кланов, в сложнейшей системе кодексов чести, жители планеты давно бы перебили друг друга.

Карты археолога пропали. Это было известно. ВараЮ, начальник городской стражи, сказал об этом консулу в тот же вечер. В номере археолога Фотия ван Куна кто-то все перевернул, перевернул, вряд ли это успел бы сделать сам жилец, который, по сведениям портье, был в номере несколько минут. И там не было папки с бумагами, которая исчезла вместе с археологом.

В номере были найдены четыре фигурки, четыре фигурки мести, правда, неразрезанные, но самые настоящие фигурки мести. Клановая вражда никогда не начинается неожиданно. Если ты намерен выйти на путь войны, то по законам чести ты обязан

приобрести специальную фигурку мести – одетого в тряпочки солдатика, которые продаются в специальных лавках, – затем отрезать ему голову и в таком виде выслать или отнести представителю клана, на который ты намерен идти войной.

Самое удивительное в этой удивительной находке было то, что археолог зачем-то приобрел четыре фигурки мести, из трех различных кланов. В том числе одного солдатика из могучего клана Причалов, известного дурной репутацией и настолько сильного и бесстыжего, что даже западные горцы не смели его задеть. Так вот получается, что земной археолог вышел на путь войны сразу против трех кланов. Уму непостижимо. В этом было какое-то недоразумение, ошибка. Но зачем же еще можно покупать эти маленькие фигурки в военной одежде?

Может, просто из любопытства?

К сожалению, эта гипотеза опровергалась всеми остальными свидетельствами.

У археолога было полчаса свободного времени. Он спешил. Ему надо было захватить планы раскопок и переодеться. Ему некогда было гулять по сувенирным лавкам. Да и не было еще в городе сувенирных лавочек, не доросли местные жители до этого. Сувениры – дело будущего, для сувениров нужны туристы...

ПетриА не выносила, когда у Андрея плохое настроение.

Здесь у женщин сильно развита интуиция, это уже не интуиция, а нечто среднее между интуицией и телепатией.

ПетриА положила кончики пальцев на руку Андрея.

– Не волнуйся, – сказала она. – Может, он пошел в вертеп.

Андрей улыбнулся. Раньше, когда он здесь был новичком, такое предположение, тем более из уст молодой девушки, его бы удивило. Солидный археолог пропадает в вертепах. Но для ПетриА это предположение было естественным и никак не порочило мужчину. Еще лет сто назад девушек из хороших, но обедневших семей отдавали на год или больше в вертеп – их там учили танцевать, петь, ухаживать за гостями. И, естественно, общаться с мужчинами. Очевидно, это равнодушие происходило от запутанности родственных отношений, совершенно непонятных приезжему. Клан включал не только кровных родственников, но все в клане считались родственниками. Андрей и не старался разобраться в этой путанице – наверное, из всех землян это мог сделать лишь консул Ольсен, узнавший за двенадцать лет жизни здесь и язык, и обычаи лучше многих аборигенов. Правда, Андрея смущало – и с этим трудно было примириться, – что ПетриА была его дочерью, хотя родилась лет за двадцать до его появления на планете.

Ошибку совершил уже предшественник Андрея, Карлос Перес, который на обеде посадил недавно взятую на работу секретаршу представительства ПетриА между собой и второй (восточной) женой министра Сообщений, а министр Сообщений в то же время был вице-главой клана Западных Ву, что автоматически делало его жрецом святилища Каменного дракона. А так как на том злосчастном обеде присутствовал и отец (настоящий отец) ПетриА, то свидетельство удочерения было отныне нерушимо. Ни ПетриА (которая поняла, что происходит), ни Карлос Перес (который ничего не понял) не придали значения тому происшествию. Когда же Андрей Брюс сменил Переса, то он унаследовал не только контору, но и приемную дочь Переса. И, уж конечно, Андрей не подозревал о том, что вступил в родственные отношения с братом ПетриА, никчемным головотяпом и бездельником, и с мамой ПетриА, ленивой толстой дамой, на которую отныне теоретически распространялись супружеские права.

Все бы шло и дальше, очевидно для одних, незаметно для других, если бы ПетриА не влюбилась в представителя Космофлота Андрея Брюса, а сокращенно агента КФ ДрейЮ, а тот, по прошествии некоторого времени, не ответил бы взаимностью секретарше агентства – смуглой, маленькой, светлоглазой ПетриА.

ПетриА, как было принято в некоторых передовых семьях планеты, в возрасте пятнадцати лет была вместе с тридцатью другими детьми из высокопоставленных кланов отправлена на рейсовом корабле в Галактический центр, в школу для инопланетян, где

проявила себя обыкновенной, не очень талантливой, но в меру умной ученицей. Она вернулась домой через три года, овладев несколькими языками, проглядев миллион фильмов и научившись худо-бедно вести конторское хозяйство – от диктофона до кабинетного компьютера – и оставив в Галактическом центре безутешного поклонника.

... Когда панспермия стала научным фактом, это не приблизило ученых к пониманию причин того, что разумная жизнь в пределах известной нам Галактики возникла на основе того же набора хромосом, что и на Земле. Разумеется, религиозные учения предлагают высший разум как носителя этого единства. Ведь мир неразумный, утверждают они, весьма различен во всех обитаемых мирах. Везде он движется к своей вершине – разуму, везде возникают и отмирают ветви великого дерева зоологии, и везде человек разумный появляется относительно сразу, неожиданно, а недостающего звена так нигде и не найдено. Следовательно, в эволюцию на каком-то этапе обязательно вмешается Провидение, которое осеменяет ту или иную планету согласно единому генетическому коду, и на планете начинает плодиться вид хомо сапиенс. Под влиянием различных условий существования он может быть черным, белым, зеленым, желтым, губастым, плосколицым, высоким, маленьким, курчавым или безволосым, но обязательно принадлежит к одному и тому же виду. От смешения земных и галактических рас возникают гибриды, плодя многообразие галактического человечества. Но при этом оно остается Человечеством.

Иначе рассуждают большинство биологов. Они утверждают, что в живой природе набор хромосомных вариантов ограничен, законы эволюции в определенных природных условиях действуют схоже, и разнообразие внешнее скрывает в себе удивительное внутреннее сходство. И не следует утверждать, что на лестнице эволюции до человека миры Галактики так уж разнообразны – мы можем обнаружить генетические закономерности среди существ, казалось бы, совершенно различных. Драконы с Крайи генетически родственники галапагосских черепах. Так что можно говорить о возникновении жизни как таковой в каком-то едином центре Галактики с последующим распространением ее в виде спор по Вселенной. Но раз уж она утвердилась на планете – далее законы развития неизбежно приведут ее, если не будет губительного катаклизма, к появлению человека. И далее действуют законы конвергенции – подобного развития в подобных условиях. Человек же, отрываясь от природы, переходит под власть законов социальных.

В тот момент, когда Андрей Брюс наконец сообразил, что эта смуглая бесплотная девушка его любит, перед ним встала проблема: имеет ли он моральное право на взаимность? Не следует думать, что взаимности не было. И случись это пять лет назад, не лишенный самомнения бравый капитан Брюс не стал бы скрывать своих чувств. Иное дело, когда ты – жалкая тень самого себя. Обломок, из милости оставленный в Космофлоте, но не в летном составе, а получивший отдаленную синекуру – спокойный пост на полудикой планете. Впрочем, он сам этого хотел. Чем меньше он будет видеть старых знакомых, чем меньше будут сочувствовать или снисходительно посмеиваться за спиной – тем легче дотянуть до конца. Можно было, конечно, вернуться на Землю – маленькую планету в стороне от космических путей, родину его деда (сам Андрей, как и многие галактические земляне, родился на Земле-3, в центре Галактики, откуда Земля не видна даже в сильнейший из радиотелескопов). Вернуться, как возвращаются в старости многие земляне, вдруг ощутившие свою связь с родиной предков, как зверь, идущий умирать в родной лес. Но он был еще молод – сорок лет не возраст для отдыха. Склонности к литературному труду или писанию картин он не испытывал. И был все равно смертельно и до конца дней своих отравлен космосом. Место на этой планете было связано с несбыточной надеждой – может, когда-нибудь он вновь поднимется к звездам, пускай юнгой, третьим штурманом – кем угодно.

А пока он не выходит на улицу после захода солнца. Чтобы не видеть звезд.

Если твоя жизнь фактически завершена и надежды – совсем без надежд не бывает даже висельников – столь туманны, зыбки и неверны, что нельзя в них верить, ты не имеешь права приковывать к своей сломанной колеснице других людей.

Образ сломанной колесницы был литературен, навязчив и банален.

ПетриА сама ему все сказала. Разумно и рассудительно, как и положено девушке из хорошего городского клана.

Они провожали группу экспертов-строителей, которые проектировали плотину в горах, откуда в дождливый сезон на столицу обрушивались грязевые потоки. Эксперты с Фрациолы были длинными, худыми, темнолицыми, молчаливыми людьми. К тому же одинаково одеты – в синие тоги, в черные шляпы с клювом вытянутого вперед поля. Различать их было невозможно, говорить о чем-либо, кроме бетона, почти невозможно. Развлекать, когда они не выражают эмоций, очень трудно. К тому же из-за неполадок в посадочном устройстве корабль задержался с отлетом, и весь вечер пришлось провести на космодроме, вежливо беседуя о бетоне.

Устали в тот вечер они ужасно. И ПетриА, и Андрей. ВосеньУ, разумеется, ушел сразу после обеда, сославшись на хронический насморк.

По дороге с космодрома заехали в контору, чтобы оставить документы. Потом Андрей собирался подкинуть девушку до дома.

Шел теплый мелкий дождь. Андрей подогнал фургончик к самой двери.

Контора была пристроена снизу к дому-тыкве – он казался грибом-дождевиком на стеклянной ноге.

Стена дома нависала сверху, так что у дверей было сухо.

Витрина светилась еле-еле: ее выключали на ночь – очень дорого стоит электричество.

Андрей выскочил из фургончика, протянул руку ПетриА.

На деревьях, устраиваясь на ночь, громко кричали птицы.

ПетриА не выпустила руки Андрея. Она стояла рядом, крепко сжимая его ладонь.

– Ты устала? – спросил Андрей.

– Я тебя люблю, – сказала ПетриА. – Я весь день хотела тебе это сказать.

– Не говори так, – сказал Андрей. Он хотел сказать: «Не говори глупостей», но сдержался, потому что обидел бы ее.

– Я ничего не могу поделать. Я старалась не любить тебя. И это плохо.

– Плохо, – согласился Андрей, не зная еще, что ПетриА имеет в виду их родственные отношения. Он думал о себе. О том, что не имеет права любить ее.

Они вошли в контору.

ПетриА зажгла свет.

Андрей прошел за стойку и открыл дверь к себе в кабинет.

– Скажи, – спросила ПетриА из приемной, – а независимо от закона, если бы ты не боялся, ты бы мог меня полюбить?

– Я думал, что ты догадаешься, – сказал Андрей, отворяя сейф и кладя туда сумку.

Он запер сейф, вышел и остановился на пороге кабинета. ПетриА сидела на низком диванчике, поджав ноги в синих башмаках с длинными загнутыми по моде носками. Она крутила вокруг указательного пальца голубую прядь волос. Лишь это выдавало ее волнение. По обычаю, эмоции здесь отданы на откуп мужчинам. Женщине неприлично выдавать себя. А ПетриА была девушкой из очень знатной семьи.

– Я беру проклятие на себя, – сказала ПетриА. – Ты можешь быть спокоен.

Андрей сел рядом. Что-то было неправильно.

– Я не понимаю, – сказал он, – почему ты должна взять на себя проклятие?

– Я скажу тебе завтра. С твоей точки зрения, это чепуха.

– Мне проводить тебя?

– Я останусь у тебя этой ночью.

– А дома? – Андрей понял, что подчиняется девушке. словно она знает настолько больше его и ее уверенность в том, что все должно случиться именно так, дает ей право решать.

– Дома знают, что я осталась на космодроме. Тебе неприятно думать, что я все предусмотрела заранее? Но я ведь чувствовала твое волнение. Много дней.

Лестница в комнаты Андрея вела из коридора за его кабинетом.

Больше в этой тычке никто не жил. Андрей занимал лишь один этаж.

Верхний этаж был пуст, там гнездились сварливые птицы и по утрам громко топотали над головой, шумно выясняя отношения.

Птицы и разбудили их, когда начало светать.

– Ты сердишься? – спросила ПетриА. – Твои мысли тревожны.

– Ты обещала мне рассказать.

Луч восходящего солнца вонзился горизонтально в комнату, осветил на дальней, округлой стене треугольник окна, задел стол и заиграл золотыми блестками голубого парика ПетриА.

Под париком волосы оказались короткими и шелковыми. Почти черными.

Проследив за взглядом Андрея, девушка вскочила с постели и, подбежав к столу, схватила парик и надела его.

– Еще ни один мужчина не видел меня без парика, – сказала она. – Ты знаешь?

– Без парика ты лучше.

– Когда я буду приходить к тебе, я всегда буду снимать парик. Но жена так делает только наедине с мужем.

– Ты обещала рассказать.

ПетриА сидела на краю постели, закутавшись в халат Андрея, голубой парик казался светящимся нимбом. И она рассказала ему о нечаянном удочерении.

Андрей не стал смеяться и не сказал, что это чепуха. За время, проведенное здесь, он привык принимать незыблемость здешних табу.

– Этот обычай, как бы ты ни думал, как бы я над ним ни смеялась, выше нас. Я позавчера ездила к источнику Святого откровения. Но источник не дал мне знака. И я решила, что пускай будет проклятие.

– Но ты же сама отлично понимаешь, что не можешь быть моей родственницей, тем более по наследству от Переса, которого я в глаза не видел.

– Не надо больше говорить. Это ничего не изменит. Пойми только, что мы не можем никому сказать.

– Но я хочу, чтобы ты жила вместе со мной.

– Я буду приходить к тебе, когда можно.

– Я хочу, чтобы ты была моей женой. У меня нет никого на свете. Только ты. Неужели ничего нельзя сделать?

– Можно пойти к оракулу Перевернутой долины. Туда надо идти три месяца. Через горы. И там сейчас война.

– Тогда я увезу тебя.

– Может быть. Но я думаю, что добрый Ольсен не разрешит. Он ведь боится испортить мир. А наш клан оскорбить нельзя. Он третий клан столицы.

– Я знаю. И все же я тебя увезу.

– Наверное, если я тебе не надоем.

ПетриА вдруг улыбнулась, на мгновение коснулась его щеки ресницами. Она была так легка и бесплотна, что ее боязно было любить, но всегда хотелось опекать.

Месяца через два Андрей снова завел разговор с ней. Может, он пойдет к ее отцу?

– Если он догадается, тебе никогда меня не увезти, – сказала ПетриА твердо. – Меня спрячут в нашу крепость, в горах. Там тебе меня не отыскать, даже если на подмогу тебе прилетят все корабли Галактики. Все твои друзья.

– У меня не осталось друзей, – сказал Андрей.

– А тот капитан, который прилетал сюда на «Осаке»? Он был у тебя. Вы долго говорили. Я спросила его: ты хороший человек? Он сказал, что ты очень хороший человек. Значит, он твой друг?

– Нет, просто мы с ним когда-то летали. Сослуживцы. Космофлот велик.

– Я знаю. У нас есть все справочники.

– Мне нелегко, милая.

– Я тоже хочу жить с тобой. И хочу, чтобы у нас были дети. Только я умею ждать.

Этот разговор был совсем недавно. И после него Андрей решил просить о переводе на другую планету или в Центр. Он понимал, что его заявление кого-то удивит. Но его удовлетворяет. Если будет место. Но послать это заявление означало еще раз признать свое поражение, еще раз не выполнить своего долга. А Андрея Брюса растили и воспитывали как человека долга.

* * *

Оставив ПетриА в единственном небольшом зале космопорта и отправив ВосеньУ на склад узнать, освободили ли место для грузов, Андрей Брюс поднялся на вышку, к диспетчерам.

В стеклянном колпаке диспетчерской было жарко. В открытое окно проникала рыжая пыль.

Оба диспетчера поднялись, здороваясь. Андрей поклонился им. Они были знакомы. Старший диспетчер год назад вернулся с Крионы, где стажировался.

Младший, загорелый, в клановой каске Восточных гор, похожей на шляпу мухомора, взял со стола листок бумаги.

– Корабль второго класса, серии Гр-1, «Шквар», порт приписки Земля, находится на планетарной орбите. Связь устойчивая. Посадка в пределах сорока минут.

«Шквал», – мысленно поправил диспетчера Андрей. В здешнем языке нет буквы «л» и шипящие звучат твердо. Вслух поправлять было нетактично. Тем более горца.

– Кто капитан? – спросил он.

– Якубаускас, – сказал старший диспетчер, включая экран. – Он ждет связи.

Длинные пальцы диспетчера пронесли над пультом, на овальном экране возникло рубленное лицо Витаса.

– Андрей, – сказал Витас, – я рад тебя видеть.

– Здравствуй, – сказал Андрей. – Как полет?

– Лучшая игрушка за последнее столетие. Мне сказали, что ты здесь, и я ждал встречи.

– Через час увидимся.

Андрей Брюс спустился вниз. В зале ПетриА не было. Зал показался пустым, хотя в нем сновали люди: прилет корабля всегда событие, привлекающее любопытных. Прилет корабля собирает больше зрителей, чем птичьи бои.

Некоторые узнавали агента Космофлота. Он раскланивался с ними.

Хорошо, что прилетел именно Якубаускас. Хотя он все знает, он не будет задавать вопросов и беречь раны.

– Скажите мне, – обратился к Андрею репортер одной из двух возникших по примеру цивилизованного мира газет, – вам приходилось летать на гравитолете?

– Нет, – ответил Андрей, не останавливаясь. Он шел к выходу на поле. – Гравитолеты появились только в последние годы.

– Это первый гравитолет в нашем секторе?

– Это первый гравитолет, который опустится на Пэ-У, – сказал Андрей.

В тени здания гудела толпа. Такого Андрей здесь еще не видел. Те, кому не хватило места в тени, расположились на солнце, маялись от жары, но не уходили. Впрочем, их можно было понять. Еще никогда на Пэ-У не опускался космический корабль. Здесь видели лишь посадочные катера и капсулы, внушительные сами по себе, но значительно уступающие кораблям. Сами лайнеры оставались на орбите. Они не приспособлены входить в атмосферу. Гравитолеты же могут опускаться где угодно.

Когда Андрей еще летал сам, они мечтали о гравитолетах. Тогда проводились испытания, и вскоре был заложен первый в серии корабль. Это было чуть больше десяти лет назад. Тогда они летали вместе с Якубаускасом. Он был вторым помощником на «Титане», а

Брюс – старшим помощником.

Рыжая пыль ленивыми волнами ползла над полем. Зрители терпеливо ждали. Тускло поблескивали пыльные шлемы, покачивались модные шляпы-зонты. Пронзительно верещали продавцы шипучки, кудахтали торговцы фруктами, глаза ел дым жаровен. Господин Пруг, наследник витора Брендийского, самый экзотичный тип в городе, стоял на высокой подставке, похожей на шахматную ладью. Когда-то лицо его было обыкновенным, потом широко расплылось, и глаза, нос, рот затерялись в щеках. Его молодцы в голубых, с синим горохом накидках оттесняли зевак, чтобы те случайно не задели столь важную персону.

Наследник увидел Андрея, когда тот был в дверях, и зазвенел браслетами, высоко воздев толстые лапищи.

– ДрейЮ, сегодня у меня ужин! Ты приглашен вместе с капитаном!

Наследник престола хотел, чтобы весь город об этом узнал.

Андрей изобразил на лице светлую радость. Чертов боров, подумал он, сегодня наш с ПетриА вечер. А ты его отнимаешь. Но придется идти, чтобы Ольсен не расстраивался. Мы дипломаты. Мы терпим. Где же ПетриА?

Консула Ольсена Андрей отыскал за углом здания, куда заглянул в поисках ПетриА. Он оживленно беседовал с чином в черной накидке. Лицо чина было знакомо, но должности Брюс разобрать не смог – он так и не научился разбираться в значении кружков, вышитых на груди. Как-то ПетриА потратила целый вечер, терпеливо и вежливо обучая Андрея тому, что знает каждый мальчишка. Но тщетно.

Вдали, у грузовых ворот, стояла пустая платформа. На нее лезли стражники в высоких медных шлемах, рядом сустились грузчики в желтых робах их гильдии. Там же стояла и ПетриА. Каким-то образом она почувствовала взгляд Андрея и подняла тонкую обнаженную руку. Счастливая, подумал Андрей, ей никогда не бывает жарко. И кожа у нее всегда прохладная.

– Все в порядке? – деловито спросил консул. – Ты говорил с кораблем?

– Там капитаном Якубаускас, – сказал Брюс. – Мы с ним когда-то летали вместе.

– Наверное, придет приказ о моей смене, – сказал Ольсен, шурясь. Глаза его были воспалены: у него была аллергия на пыль. – Мы с Еленой Казимировной очень надеемся.

– Будет жалко, если вы улетите, – сказал Андрей. – Я к вам привык.

– Я тоже, я тоже, но ведь двенадцать лет! У меня три тонны заметок! Я должен писать. А я занимаюсь разговорами. Вместо меня прилетит настоящий, энергичный, молодой специалист. Вам с ним будет интересно.

– Во-первых, мне и с вами интересно, – сказал Андрей. – И сомневаюсь, что в Галактике можно отыскать специалиста лучше вас. Во-вторых, я сам собираюсь улетать.

– Ни в коем случае! Вы так мало здесь пробыли.

– Если вы все улетите, это будет значительная потеря для Пэ-У, – вежливо произнес чин в черной накидке.

– Но я же недостаточно инициативен, – сказал Ольсен горько.

Фраза о недостаточной инициативности была вставлена каким-то чиновником в последнее инструктивное письмо. Ольсен его всем показывал. Не будь этого письма, никуда бы он отсюда не улетел. Он был на Пэ-У своим. Даже умудрился получить белую мантию Высокого знания в школе Озерных братьев. При желании он мог бы расшить свой костюм таким количеством кружков и треугольников, что местные генералы лопнули бы от зависти. Все в городе его знали, и он знал всех, кто собой хоть что-нибудь представлял. Его можно было разбудить среди ночи и спросить, кто был Верховным в Интуре, за океаном, триста двадцать лет назад, и он тут же сообщил не только имя Верховного, но и его основные двенадцать титулов, а если нужно, он мог бы назвать и первый клан его главной наложницы.

– Что слышно об археологе? – спросил Андрей, глядя краем глаза, как платформа поползла к месту посадки.

– ВараЮ лучше меня скажет, – ответил консул.

И тут же Андрей вспомнил, кто этот чин, – начальник городской стражи, чей орлиный

профиль он только вчера видел в газете.

– Если это простое ограбление, – сказал ВараЮ скучным голосом, чуть покачивая большой узкой головой, как птица, примеряющаяся клюнуть, – то мы его скоро найдем.

ВараЮ провел ладонью у лица, отпугивая злых духов, и добавил:

– Его труп, вернее всего, всплывет в озере.

* * *

Большое мелкое озеро начиналось на западных окраинах города. Кварталы рыбаков сползали в него с берега, и свайные дома уходили далеко в воду. Между кварталами были причалы. Озеро было грязным, заросло тростником и лишь в километре от берега становилось глубоким, и там в сильный ветер гуляли волны.

– Но откуда взяться грабителям в центре города днем? Разве это обычно?

– Это необычно, – согласился ВараЮ. – Но так проще для следствия.

Он помолчал немного, поглядел на небо, потом сказал:

– Я послал агента в клан Западных Ву. И на озеро, к причалам.

– Почему в клан? – спросил Андрей.

– Не исключено, что он шел мстить этому клану.

– Вы в это верите?

– Я не верю, я проверяю, – сказал ВараЮ. – Для меня это неприятное дело. Я не хочу, чтобы люди из Галактики прилетали сюда вмешиваться в наши дела.

– Он здесь четыре дня, никогда не был здесь раньше. Все время он проводил в Школе Знаний. – Ольсен повторял аргументы Андрея. Ему было жарко. Он вынул платок и вытер лицо. Платок стал рыжим. Ольсен осторожно сложил платок, чтобы рыжие пятна оказались внутри, и спрятал в карман.

– Но он с Ар-А, – сказал стражник.

– Но это при чем? – сказал Андрей.

– Они нашли сокровища гигантов. А это опасно.

* * *

Третью планету (Пэ-У – вторая) археологи называли Атлантидой.

Человеческая фантазия ограничена и питается нешироким спектром легенд и общих мест. Известия о планете происходили в основном из легенд, собранных Ольсеном, который и был инициатором раскопок. Планета была пуста и потому загадочна. И если на Земле в свое время существовали атланты, погибшие при невыясненных обстоятельствах, то на Ар-А жили гиганты, погибшие в таинственной войне.

Ар-А обращается сравнительно недалеко от Пэ-У, она восходит на небе не звездой, а голубым кружком, и если у тебя острое зрение, можно угадать сквозь прорывы в облаках очертания континентов. Разумеется, в поисках ответов на вопросы бытия предки жителей Пэ-У обращали взоры к небу и к постоянному украшению его – планете-сестре, а их воображение населяло ее сказочными существами, гигантами и волшебниками.

Все на Пэ-У верили, что обитатели Ар-А с незапамятных времен прилетали на Пэ-У в железных кораблях. Именно они, светлоликие, научили людей строить дома и считать дни, они дали людям одежду и законы. Непокорных они поражали молниями.

Затем гиганты перессорились между собой, чему виной интриги богини Солнца УрО, не терпевшей конкуренции со стороны смертных. А так как гиганты были разделены на кланы, то началась страшная война, в которой гиганты перебили друг друга, к удовлетворению злобной богини.

В различных легендах, тщательно собранных неутомимым Ольсеном, описывались корабли гигантов, их облик, даже язык их был воспроизведен в древних заклинаниях.

Может, Ольсен ограничился бы записями и создал в конце концов свод легенд, но

однажды он узнал, что в долине, за капищем Одноглазой девицы, есть священное место, именуемое «Небесный камень». И в Школе Знаний Ольсену рассказали, что этот камень – вовсе не камень, а найденный лет двадцать назад охотниками глубоко ушедший в землю корабль гигантов.

Три месяца Ольсен осаждал Школу Знаний с просьбой послать с ним человека в долину, еще два месяца переживал клановую войну, которая кипела в тех местах, затем сломил сопротивление Елены Казимировны и добрался до долины.

Когда же он увидел там разбитый планетарный корабль, то поверил в реальность цивилизации на Ар-А и добился посылки туда археологической экспедиции.

Археологи прилетели на Ар-А полгода назад. Некоторое время они не могли обнаружить ничего, так как умеренные широты и тропики планеты были покрыты густыми лесами. Затем они отыскивали руины города. Затем пошли находки. Одна важнее другой.

По просьбе Ольсена на Пэ-У прилетел археолог Фотий ван Кун, чтобы доложить о находках в Школе Знаний. Три дня он беседовал с коллегами. Но последний, большой, подробный доклад – сенсация в масштабе планеты – не состоялся. Археолог исчез.

* * *

– Разумеется, – сказал ВараЮ, – не исключено, что мы имеем дело с фанатиками.

– Какого рода? – спросил Ольсен, умело обмахиваясь круглым опахалом из черепашьего панциря.

– Когда нельзя объяснить, я ищу необъяснимые версии, – сказал стражник. – Может, среди жрецов... Может, его кто-то счел осквернителем Ар-А. И это предупреждение. Но, вернее всего, виноваты грабители.

– Неужели никаких следов? – спросил Андрей.

– Рикша утверждает, что видел его бегущим по улице в одежде для смертной мести...

– В черном фраке? – вежливо спросил Ольсен. – Одежда для публичных выступлений среди почтенных ученых.

– Почтенный ученый не выступает без лиловой накидки, – сказал ВараЮ.

– А если спешил, не успел надеть? Или просто забыл, не придавал значения?

– Не придавал значения накидке? – ВараЮ был удивлен.

Даже для самого трезвого, объективного человека здесь отсутствие накидки кажется невыносимым. Фрак без накидки? Этого быть не может! Представьте, он приехал бы к нам и ему сказали бы, что его соотечественник выбежал на улицу, забыв надеть штаны.

– Мы будем его искать, – сказал ВараЮ. Голос прозвучал неуверенно. – А он сам не мог быть маньяком?

– Почему? – Ольсен старался скрыть изумление.

– Продавец в ритуальной лавке утверждает, что ваш археолог изъявил желание купить фигурки всех кланов. Продавец решил, что он маньяк, желающий объявить месть всем кланам гор.

– Значит, – сказал Андрей, – ван Кун решил, что это не фигурки для мести. Что это сувениры.

– Невозможно, – сказал ВараЮ.

Но, видно, эта версия при всей невозможности его чем-то обрадовала.

– И есть такой обычай? – спросил он. – Покупать просто так?

– Есть, – уверенно сказал Ольсен. – На память. На память о вашей чудесной планете. В небе, пробив яркой звездочкой пыльную мглу, возник «Шквал».

Андрей догадался об этом, услышав, как изменился гул толпы.

Все смотрели вверх. У некоторых в руках появились подзорные трубки.

Могучие лапы наследника Брендийского поднесли к глазам перламутровый театральный бинокль. Как он мог попасть на планету, в каком антикварном магазине он мог завалиться – необъяснимо.

Звездочка превратилась в сверкающий диск, и тот, падая, постепенно рос и замедлял движение.

Конечно, Андрей мог бы подняться в диспетчерскую. Но диспетчеры сейчас заняты, и им не стоит мешать. И капитан Якубаускас тоже занят. Посадка – дело престижное. Визитная карточка капитана. Тем более если на планету опускается первый гравитолет. Дело агента КФ подписывать протоколы и накладные, встречать, провожать, развлекать и улыбаться. К полетам он имеет лишь косвенное отношение.

Диск «Шквала» мягко опустился на поле, но в этой мягкости была такая мощь, что земля вздрогнула.

Платформа со стражниками и механиками покатила к кораблю. Андрей следил за голубым париком ПетриА.

Из-за угла здания выскочила вторая платформа, маленькая, оранжевая. Посреди нее в оранжевой же тоге и желтой короне стоял карантинный врач. Должность здесь новая, почетная, и на нее устроили шалопая из семьи министра Иностранных дел.

Андрей с Ольсеном прошли вперед, к легкому ограждению, вдоль которого стояли раскаленные под солнцем гвардейцы.

До корабля было меньше километра. Но настоящие размеры «Шквала» стали понятны, когда первая платформа приблизилась к его боку и оказалась ничтожно маленькой рядом со «Шквалом».

Навстречу муравьишкам, соскочившим с платформы, торжественно развернулся серебряный пандус; люк, возникший над ним, показался Андрею похожим на храмовые врата. Какого черта! Он мог бы командовать этой машиной, громадной, тяжелой и невесомой.

Толпа зрителей постепенно преодолела робость перед масштабом зрелища. Голоса зазвучали вновь.

Дальнейшее не представляло большого интереса.

Рейс был экспериментальным. Ни знаменитой видеозвезды, ни важного гостя на борту не было.

Правда, никто не расхотелся. За столь долгое ожидание следовало себя вознаградить. Обсудить, оглядеть, главное – показать себя.

К тому же даже рутина встречи, обычная и отработанная для каждой планеты и в то же время схожая, где бы ни приземлялись корабли Космофлота, была частью зрелища. И в этом зрелище Андрею Брюсу отводилась не последняя роль.

Оправив песочного цвета мундир – белый в этой пыли был бессмысленным, – Андрей оглянулся. ВараЮ остался стоять у стены, Ольсен шагнул к нему. Андрей увидел брата ПетриА. Этот бездельник трудился в газете. Вернее, трудился, когда возникало настроение. Сейчас настроение возникло, потому что его видели двести зевак. Кам ПетриУ изящно откинул голову, прищурился, набрасывая на белой доске, прикрепленной к груди, очертания гравитолета. Он числился иллюстратором.

Андрей шагнул вперед. Завтра в обеих газетах будут помещены отчеты о событии: «Корабль, как всегда, встречал агент Космофлота ДрейЮ, известный нашим читателям по странной привычке бегать по утрам вокруг своего дома. Он был одет в сшитый у мастера Крире-2 изящный форменный костюм песочного цвета с золотыми пуговицами...»

Низкая платформа, которой управлял напыщенный как индюк ВосеньУ, ловко подкатила к Андрею. Тот пропустил вперед Ольсена. Платформа торжественно выехала на раскаленное поле и поплыла к кораблю.

Андрею было видно, как пилоты вышли из люка и остановились наверху пандуса. Андрею показалось, что сквозь густой от жары и пыли воздух до него доносятся слова кого-то из них:

– Ну и жарища...

* * *

Обратно с космодрома возвращались в новой машине консула.

Машина была удобной, чистой, на воздушной подушке, герметизация великолепная – на сиденьях совсем не было пыли.

Ольсен разложил на коленях мешок с почтой и просматривал ее. Андрей решил, что он ищет ответ на свое прошение об отставке.

Витас Якубаускас почти не изменился. У него всегда были светлые, почти белые волосы, и если он немного поседел, этого не заметишь.

Говорили о «Шквале». О перелете. О его ходовых качествах. До воспоминаний дело не дошло, да и не могло пока дойти. Витас был деликатен.

С появлением кораблей класса «Шквал» в жизни Космического флота наступил новый этап. Гравитационные роторы куда проще плазменных двигателей. Они не требуют защиты, совершенно безопасны. Если плазменный лайнер обречен родиться, жить и умереть в открытом космосе, то гравитолеты могут опускаться на любом поле. В худшем случае корабль примет траву.

Предел скорости «Шкала» устанавливался не мощностью двигателя, а конструктивными возможностями самого корабля. Витас сказал, что сейчас строят кремниевую модель. И если человечеству будет суждено добиться мгновенного перемещения, то достичь этого можно лишь на гравитолете.

Наконец Ольсен сложил в мешок письма и кассеты, разочарованно и шумно вздохнул и спросил:

– Вы у нас первый раз, Витас?

– Да.

– Завтра поедем к водопадам, – сказал консул.

Он всегда возил гостей к водопадам.

– У нас всего два дня стоянки, – сказал Витас. – Боюсь, что я завтра буду занят.

Он показал на дыни домов, что пролетали за окнами:

– А из чего их строят?

– Раньше они были глинобитными на деревянном каркасе или каменными. Теперь – бетон, – ответил Ольсен. – Я так и знал, что письма не будет. Но со следующим кораблем прилетает комиссия. Я их не отпущу, пока они не подпишут мою отставку.

– Здесь трудно? – спросил Витас.

Витас умел задавать вопросы таким тоном, будто крайне заинтересован в ответе. Его серые глаза преисполнялись интересом к любому слову собеседника. Андрей раньше подозревал Витаса в лицемерии. Но когда привык, понял, что Витасу и в самом деле не очень интересны чужие дела. Он, как и Брюс, был одинок, замкнут и сдержан, но в отличие от Андрея никогда не позволял себе взорваться, натворить глупостей и даже повысить голос. Лишь в редчайших случаях его пальцы, лежащие сплетенными на коленях, сжимались до хруста.

Ольсен, тронутый интересом Витаса, пустился в длинный рассказ о сложностях консульской жизни на Пэ-У. Андрей рассеянно слушал, глядя в окно. Странно, зачем было археологу покупать эти фигурки мести? Может, он раньше бывал здесь? Надо спросить у Ольсена. Вдруг он не догадался заглянуть в списки приезжих за прошлые годы? ПетриА сказала, что вечером она свободна. Но тут как назло этот обед у наследника Брендийского. И отказаться нельзя. И он не успел сказать ей об этом. Конечно, она будет ждать. Она никогда не упрекает. И ждет. А Ольсен с забавным убеждением в том, что его собеседник обязан разбираться в тонкостях здешних интриг, в которых не всегда разбирался и сам ВараЮ, хотя любил их создавать, пытался доказать Якубаускасу, что в будущем году к власти в Китене обязательно придет Крунь КропУ, и потому брат премьера потеряет портфель министра Развлечений и будет вынужден пойти на союз с Его Могуществом.

Якубаускас слушал, словно всю жизнь мечтал узнать о кознях Круня КропУ.

Машина проезжала мимо базара, былолюдно, прохожие замирали, глядя на непривычную форму повозки. Группа рыбаков с Дальних протоков, видно, впервые

попавших в город, гримасничала, глядя на машину, изображая ритуальные маски презрения. Презрение происходило от страха. И хоть в столице мало кто верил в то, что пришельцы – чудовища, но чем дальше от нее, тем пышнее расцветали слухи о людях со звезд.

В мире, где еще нет средств быстрой связи, обыденность пришельцев воспринимается с недоверием. В конце концов, думал Андрей, слушая, как Ольсен повествует о том, как наложница КропУ умудрилась отравить на званом обеде своих пасынков, когда-то на Земле также полагали, что Неведомое населено чудовищами, которых воображение складывало из кусочков существовавших на Земле зверей. То увеличивало до страшных размеров паука, то приделывало змеиную морду к туловищу медведя. Когда монстрам не осталось места на Земле, так как ее обследовали настолько, что пришлось отказаться даже от морского змея и снежного человека, то воображение нашло себе новую пищу – иные миры. И как трудно было отказаться от чудес, даже когда первые экспедиции достигли звезд. Места обитания чудовищ лишь отодвигались от Земли все дальше, но не исчезали совсем. Всегда находились новые легенды, и не только земные, – галактическое человечество также склонно к чудесам, как их земные кузены. Как раз тот факт, что Галактика оказалась заселенной одним и тем же видом – хомо сапиенс, – и обусловил схожесть образа мышления. Во многом расы Галактики различались между собой, но в одном сходились – в буйной фантазии.

И точно так же, как необычный след облака будил в воображении жителя Швейцарии или Казахстана образ летающего блюдца, так и в воображении горца с Озерных протоков зеркальная, загадочной формы машина галактического консула населялась тут же коварными чудовищами.

Андрей поглядел на своих спутников. Ольсен в зеленом костюме с кружком Озерной школы на груди и вытянувший длинные ноги капитан Якубаускас в повседневном мундире Космофлота – очень обыкновенные люди очень обыкновенно рассуждали о совершенно необыкновенных вещах. А за тонкой стенкой машины мир продолжал упрямо тикать по своим неведомым законам. А мы и есть, думал Андрей, та тонкая ниточка, что связывает Галактику с этой планетой, с этими горцами и торговцами, дети и внуки которых полетят к далеким звездам и будут строить гравитационные станции. И этот переход случится куда быстрее, чем на Земле, – нам ведь пришлось самим расти до космической эры. И неизвестно порой, что лучше. Ведь хотим мы того или нет, но само существование ниточки между планетой и Центром неотвратимо и даже жестоко разрушает ткань этой жизни, какими бы мы ни были порядочными, разумными и гуманными. Конфликт существует внутри людей. И если ВараЮ смог преодолеть его в себе, осознать неизбежность перемен и даже приветствовать их, то тот же ВосеньУ хоть и побывал в Центре, даже научился летать на планетарных машинах, но психика его определяется не столько знаниями и пониманием могущества будущего, сколько травмой, вызванной тем, что клан его мал, слаб и подвластен Брендийскому клану, – это унижение важнее, чем все корабли, прилетающие с неба. ВосеньУ придет домой, снимет попугайский мундир, совершит вечернее омовение и, если его очередь, омоет ноги дряхлой старухе – главе клана и провалится до следующего утра в паутину законов и правил, которыми определяется его маленькое существование, правда, чуть более высокое, чем ему принадлежит от рождения, так как он работает у пришельцев.

– Вы где будете ночевать? – услышал Андрей голос Ольсена. – В нашем доме для приезжих?

– Витас останется у меня, – сказал Андрей. – Тем более что нам с ним сегодня идти на прием.

– Куда? – удивился Витас.

– На ужин к наследнику Брендийскому.

– Кстати, он не является сыном Брендийской вдовы, – сказал Ольсен. – Любопытно отметить метод усыновления...

– Нильс, – сказал Андрей, – у нас всего три часа до ужина, а Витас устал. Если завтра вы повезете экипаж к водопадам, то Витасу, после того как он встретится с наследником, будет куда интереснее тебя слушать.

– Правильно, мальчики, – сдался Ольсен, – отдыхайте. А я помогу ПетриА разместить экипаж.

– Если она задержится, – сказал Андрей, – предупредите ее, пожалуйста, что я сегодня на ужине.

– Разумеется, – сказал Ольсен, открывая дверь машины. – Чудесная девушка. И очень интеллигентная.

Андрей и Витас вышли из машины. Ольсен сказал вслед:

– Тебе пора подумать о семье, Андрюша. Одному жить вредно. Елена Казимировна того же мнения.

– Спасибо, – сказал Андрей.

* * *

Умывшись и переодевшись, Витас улегся на диван, покрытый желтой шкурой гремы, надел видеоочки и принялся смотреть любительские фильмы, которые Андрей делал во время поездок по стране.

Андрей позвонил вниз, в агентство. Никого не было. Он позвонил на космодром. Там сказали, что ПетриА увезла в консульство экипаж корабля, а ВосеньУ заканчивает разгрузку.

– Знаешь, что приятно? – сказал он.

– Что?

– Что окно открыто, а в него ветер залетает.

– Тут жарко, – сказал Андрей. – Вот на водопадах воздух настоящий, хрустальный. Может, я сам с вами съезжу. Уговорю ПетриА и съезжу.

– Кто она? – спросил Витас.

– Моя помощница.

– Ольсен хочет тебя на ней женить?

– Ему бы работать свахой, – сказал Андрей с некоторым раздражением. – Он отлично знает, что я не могу на ней жениться.

Витас не стал спрашивать почему. Он никогда не задавал лишних вопросов. А Андрею не хотелось объяснять. Витас может подумать, что Андрей благополучно прижился на этой планете и доволен тихой, болотной жизнью. А впрочем, если ему хочется так думать, пускай думает.

– На Землю не собираешься? – спросил Витас, поняв, что Андрей не хочет говорить о ПетриА.

– Пока нет. Ты голоден?

– Жарко, – сказал Витас. – Потом.

Андрей приготовил фруктовую смесь со льдом. Витасу смесь понравилась.

– А что там нашли на Ар-А? – спросил он.

– До Центра уже донеслось?

– Галактика невелика, – сказал Витас. – И событий не так много. А мы, пилоты, разносчики новостей.

– И сплетен, – сказал Андрей.

– Правда, что там жила раса гигантов?

– Хочется сенсации?

– Хочется.

– Планета мертва. Галактический патруль отнес ее к ненаселенным.

– Пустыня?

– Нет, там все есть, но нестабильная атмосфера, сильные климатические возмущения. Небогатая флора и фауна.

– Резерв колонизации?

– Резерв колонизации с перспективами заселения в пределах системы.

– А сейчас?

– Сейчас они откопали много всего интересного. И если бы не пропал Фотий ван Кун, у нас были шансы вчера вечером услышать много интересного из уст очевидца.

– Очевидца?

– Сюда прилетел один из археологов. Вчера вечером он должен был читать в Школе Знаний доклад о раскопках. Сенсация номер один. Вся знать обулась в сапоги и нацепила перья. Представь себе, что на Землю двадцатого века прилетает археолог с Марса с сообщением, что там открыты следы атлантов.

– И почему лекция не состоялась?

– Потому что Фотий ван Кун вышел на тропу мести.

– Андрюша, понятнее!

– Я сам ни черта не понимаю. Никто ни черта не понимает. В любом случае археолог пропал без следа. В центре города, в двух шагах от Школы Знаний. И местные шерлоки холмсы убеждены, что он вместо Школы Знаний отправился воевать с каким-то местным кланом.

– А в самом деле?

– В самом деле его должны были охранять. В конце концов, если вы считаете себя цивилизованным государством, то надо как-то этому званию соответствовать. Его могли похитить для выкупа, могли убить, чтобы поживиться содержимым его карманов. Может быть, это какая-то акция изоляционистов. О них много говорят, но никто толком ни черта не знает.

– Ты говоришь, что могли ограбить. Или убить. Куда же делось тело?

– Не знаю. И надеюсь, что он жив. И завтра в консульство придет невинный молодой человек и оставит послание на палочке.

– Какое послание?

– По ритуалу, если совершено похищение, то похитители подкидывают родственникам красную палочку с зарубками – цифрами выкупа. Ты не представляешь, как здесь хорошо развита система безобrazий.

– Ты раздражен?

– Мне хочется отсюда уехать. Здесь ничего нельзя! Даже жениться на любимой девушке я не могу, потому что она моя дочь по наследству! Я не буду объяснять – просто еще один идиотский ритуал.

– Может, тебе вернуться в Центр?

– Где каждый второй будет смотреть на меня и думать: ага, это тот самый Брюс!

* * *

В шесть – как раз стемнело – Андрей с Витасом поехали на ужин к Пругу Второму, наследнику Брендийскому. Это был официальный прием, и не посетить его означало нарушить сложную систему этикета. Витас не скрывал, что ему интересно побывать на ужине. Андрей был раздосадован, что ПетриА все еще не вернулась из космопорта.

Пруг прибыл в город в прошлом году и поселился в пустовавшей дыне – клановом доме.

Все подъезды к дому были заняты экипажами знати, и пришлось поставить космофлотский фургончик за углом, в переулке.

Дом Пруга был окружен зеленой изгородью по грудь высотой, в ней напротив входа был широкий проем, по сторонам которого стояли каменные колонны с гербами владения Брендийского на верхушках: человек, пронзенный копьем. Существовала старинная легенда о том, как много лет назад брендийский герой, пронзенный копьем насквозь, умудрился перебить сотню врагов и отстоять клановую твердыню. От колонн к лестнице тянулись в два ряда пятиножки с факелами. В смолу факелов был добавлен сок горных растений, и оттого они пылали зловещим фиолетовым пламенем. Горцы в коротких кольчугах и высоких шлемах, с копьями и автоматами в руках охраняли вход. У наследника Брендийского было

немало врагов.

Они шли вдоль изгороди. Было почти темно. До освещенных колонн оставалось шагов пятьдесят, когда Андрей почуял что-то неладное. Жизнь в столице, где улицы ночью небезопасны, где с темнотой воцаряются законы мести, а наемные убийцы организованы в гильдию, не менее легальную и почтенную, чем гильдии ювелиров и астрологов, научила его осторожности. Конечно, как агент Космофлота, Андрей не имел клана и не подчинялся законам мести, но в темноте возможны недоразумения.

То ли черная тень шевельнулась за изгородью, то ли в воздухе вдруг воцарилась неестественная тишина, центром которой были Витас и Андрей, но Андрею вдруг стало холодно.

Неожиданно для самого себя он сделал быстрый шаг вперед, поставил ступню на пути Витаса, толкнул его и упал с ним рядом на булыжную мостовую.

Хотя Витас был моложе и тренированнее, он от неожиданности не успел среагировать на нападение.

– Что за черт! – Витас рванулся, отбросив Брюса. – Ты спятил?

– Извини, – произнес Андрей, тяжело поднимаясь. Он ушиб локоть.

Витас не услышал, а Андрей услышал, потому что прислушивался, как за изгородью пробегали быстрые шаги – мягкие кошачьи шаги человека, обутого в толстые вязаные сапоги. Витас не слышал, но Андрей услышал, как взвизгнула комаром в воздухе тонкая отравленная стрелка. И звякнула почти беззвучно о стекло стоявшей сзади машины.

Андрей помог Витасу подняться.

– Андрей, ты можешь объяснить...

– погоди, – сказал Брюс.

Он вытащил из кармана фонарик и посветил в сторону машины. Светить за изгородь не было смысла – там пусто.

Стрелка лежала на камнях возле машины. Наконечник был разбит о стекло. По стеклу тянулась струйка яда, желтого и густого, как мед. Стрелка была тоненькой и безвредной на вид. Андрей поднял ее. Витас молча наблюдал за ним. Он был сообразительным человеком. Как только понял, что странные действия Брюса имели смысл, он замолчал. Он ждал объяснений.

Андрей посветил на стрелку. Каждая стрелка имеет на древке клеймо. Такие стрелы – ими стреляют из духовых трубок – популярное оружие для сведения счетов в тайных войнах и при смертной мести. Но по законам чести нельзя стирать с древка клановый знак. Даже гильдия наемных убийц имеет свое клеймо.

Но на этой стрелке клеймо было соскоблено. Значит, покушение не имело отношения к кровной мести и не было делом чести.

– Пошли, – сказал Андрей.

Они дошли до колонны. Там стояли охранники Пруга. И стражник, который, конечно, ничего не заметил.

При свете факелов Андрей увидел, что его белый мундир испачкан. Мундир Витаса тоже пострадал.

– Ничего, – сказал Андрей. – Здесь это предусмотрено.

Он поднял руку, и к ним подбежал один из слуг. По движению руки – язык жестов здесь развит и даже изыскан – он понял, что нужно гостям. Он вытащил из ящика, висевшего через плечо, влажные щетки. Они впитывали рыжую пыль. Неподалеку с помощью другого слуги приводили себя в порядок две знатные дамы.

– Я не знаю, кто стрелял, – сказал тихо Андрей Витасу. – И не знаю даже, в кого из нас. И тем более не понимаю почему.

– У тебя отменная реакция. Я ничего не услышал.

Они вошли в вестибюль, к которому вела неширокая крутая лестница.

Вестибюль был круглым залом, занимавшим второй этаж тыквы. Из него наверх вели две винтовые лестницы. Там, на верхнем этаже, было приготовлено угощение.

Посреди вестибюля на троне с резной спинкой восседал Пруг Второй, наследник Брендийский, знатный изгнанник. Его рыхлое, грузное тело выплескивалось из пределов трона, обвисало по сторонам. Голову наследника украшал трехрогий колпак, символизирующий три самые высокие горы во владении Брендийском, тело было прикрыто несколькими разноцветными короткими плащами, и оттого он был похож на очень крупного младенца, одетого сразу в несколько распашонок. Каждый из плащей означал власть над тем или иным кланом. Сходство подчеркивалось тем, что толстые ноги наследника были обнажены и заканчивались золотыми башмаками.

За спиной Пруга стояли два телохранителя с ритуальными двойными копьями.

Гости подходили к хозяину и осведомлялись о здоровье.

Андрей с Витасом встали в очередь.

Впереди стоял министр Знаний с обеими супругами. Но пока гости не поздоровались с хозяином, этикет не позволял им узнавать друг друга.

Андрей оглянулся в поисках Ольсена. Тот стоял у стены и разговаривал с ВараЮ. Елена Казимировна на прием не пришла. Она не выносила необходимости подчиняться этикету.

Красочная толпа, медленно текшая по кругу, центром которого был трон – стоять на месте неприлично, – заслонила их от Андрея. Андрей провел ладонью по карману. Стрелка там.

– Я не ожидал такого счастья! – воскликнул с преувеличенной, как положено, радостью Пруг. – Покровители небесных кораблей почтили нашу жалкую хижину!

– Покровители небесных кораблей осчастливили нас! – громко повторил герольд, стоявший сбоку.

Андрею показалось, что толстяк чем-то встревожен. Его черные мышинные глазки сустились, убегали от взгляда, жирные пальцы дергались, перстни отбрасывали лучи.

– Как ваше драгоценное здоровье? – спросил Андрей.

– Я покорно приближаюсь к концу своего жалкого пути, – ответил Пруг, как того требовал этикет.

– Надеюсь, что смерть не придет за вами в ближайшее столетие, – ответил как положено Андрей.

– Моя единственная надежда – увидеть вас на моих похоронах, – сказал горец.

– Я не допускаю такой мысли, – сказал Андрей. – Умереть раньше – моя мечта.

Андрей встретил взгляд наследника Брендийского.

Непрозрачные глазки вонзились в его лицо.

Случайности здесь быть не могло, думал Андрей. Спутать нас с кем-то невозможно. Никто, кроме нас, не наденет мундир Космофлота. И нас ждали. У самого дома. И именно в нужный момент.

Конечно, оставалась и другая версия. Кто-то из родственников ПетриА догадался, увидел, вычислил. И старается оградить честь семьи. Но даже беспутный брат никогда бы не упал до того, чтобы стереть клеймо на древке стрелы. А может быть, ты, Андрей, сказал себе агент КФ, нажил себе врага, не догадавшись об этом?

Витас тем временем также ответил на все вопросы. Из уважения к редкому гостю Пруг говорил на космолингве. Наследнику Брендийскому никто не посмел бы отказать в редком уме и редкой для этого мира образованности. Хотя, насколько было известно Андрею, толстяк никогда не покидал Пэ-У.

Дождавшись, когда Витас освободится, Андрей медленно повел его вокруг зала так, чтобы догнать Ольсена и ВараЮ. ВараЮ единственный в этом попугайном мире позволил себе прийти в дневной тоге. Если бы это сделал кто-то иной, это считалось бы смертельным оскорблением дому. Но ВараЮ показывал этим, что остается на службе. И если он обидел этим хозяина дома, то не дал ему формального повода обидеться. Знатные дамы перешептывались, щеголи морщились, но власть этого тихого, худощавого, очень спокойного человека была настолько весома, хоть и неочевидна, что вокруг него всегда

образовывалось пустое пространство. Андрей знал, что ВараЮ незнатен и лишь силой незаметной настойчивости превратил столичную стражу в реальную, лишь ему подвластную силу.

Раскланявшись с полицейским и Ольсеном, пилоты пошли рядом. Они были центром внимания всего зала.

– Есть новые сведения, – сказал ВараЮ. – Наш осведомитель говорил с бродягой, который видел, как вчера вечером у Дальних причалов остановилась машина. Из нее вытащили завернутое в ткань тело. Тело сбросили с пирса в воду. Там глубоко, и на дне много коряг. Сейчас там мои водолазы.

– Почему вы думаете, что это связано с археологом? – спросил Ольсен.

– Клановой войны сейчас нет. Грабители не будут везти к озеру тело в машине. И не будут пользоваться стрелами.

– Чем?

– Отравленными стрелами. Это не оружие грабителей. А у стрелы, что нашли на пирсе, странная особенность...

– У нее стерто клеймо, – сказал неожиданно Андрей.

ВараЮ остановился. На него натолкнулся кузен премьера. В толпе произошла заминка. Пруг Брендийский резко обернулся.

– Простите, – сказал ВараЮ кузену премьера. – Я задумался.

Они шли молча. Может, минуту. Главный стражник молчал. Потом тихо и настороженно спросил:

– Почему ты сказал о стрелке?

– Потому что такая стрелка, со стертым клеймом, лежит у меня в кармане. В нас стреляли. Здесь, рядом с домом наследника.

Андрей осторожно, скрывая движение от любопытных глаз, вытащил из кармана стрелку и вложил в протянутую ладонь стражника. Стрелка тут же исчезла. Даже Ольсен этого не заметил.

– Почему они не попали? – спросил ВараЮ задумчиво.

Он был прав. Воины стреляли такими из духовых трубок без промаха. Этому учатся с детства.

– Я почувствовал, – сказал Андрей, – и упал.

ВараЮ кивнул. Он верил в интуицию.

– Ты упал? – услышал Ольсен. – Почему?

– Улицы плохо освещены, – сказал ВараЮ. – Очень плохо. Надо строго говорить в городском управлении.

– Да, – согласился Ольсен, – освещение никуда не годится.

ВараЮ пошел чуть быстрее, обгоняя Ольсена. И шепнул Андрею:

– Это была ошибка. Я уверен.

– Возможно, – сказал Андрей. – У меня нет врагов.

* * *

Пруг поднялся с трона. Мягко, но звучно шлепнул в ладоши.

– Мои слуги и жены, – произнес он, – приготовили недостойное гостей угощение. Мне вредно много есть, и я умоляю сжалиться надо мной и разделить со мной ужин.

В зале сразу стало шумно. Многие пришли сюда, чтобы полакомиться. Дом наследника Брендийского славился своими экзотическими блюдами.

Гости расступились, пропуская наследника.

Он резко повернулся, и в разрезах многочисленных распашонок сверкнула кольчуга. Случай невероятный – хозяин дома в кольчуге. Андрей взглянул на ВараЮ. Тот смотрел на наследника. Он тоже уловил блеск.

Появление столь знатного эмигранта добавило хлопот стражникам. Эмигранты с гор

несли в город ярость клановых схваток, от которых за последние десятилетия в городе уже начали отвыкать.

Но и отделаться от Пруга было невозможно. Он принадлежал к одному из самых знатных семейств планеты, он происходил от расы гигантов, что прилетали в незапамятные времена с Ар-А. Он приходился племянником верховному жрецу богини УрО. Его следовало терпеть и ждать, пока он не падет жертвой очередного заговора или не вернет себе трон и благополучно отбудет бесчинствовать в горные долины.

Гости поднимались по лестницам, которые, кружа вдоль стен, вели на верхний этаж, где был сервирован низкий кольцеобразный стол.

Гостей встречали многочисленные слуги и вели их к местам.

Андрей видел, как Пруг быстрыми движениями дирижера подгонял слуг.

Андрея посадили в стороне от остальных землян. Зачем-то Пругу так было нужно. Витас тоже оказался в окружении чужих людей.

Внутри, в круге стола, расположились музыканты и танцоры. Танцоры передевались, причесывались, музыканты ели и настраивали инструменты.

Одна из танцовщиц подошла к столу и взяла из вазы голубоватое шершинское яблоко.

Она улыбнулась Андрею. Это была очень известная танцовщица, он видел ее на десятке приемов.

Хрустя яблоком, танцовщица спросила у Андрея, кто этот красивый офицер. Она имела в виду Витаса. Андрей сказал ей, что красивый офицер через два дня улетает. Танцовщица сказала, что двух дней бывает достаточно для любви.

Пруг сидел напротив Андрея. Его стул был выше других, и потому он казался гигантом. В ожидании, пока рассядутся гости, он чистил серебряным кинжальчиком ногти. Он чуть наклонил голову, чтобы танцовщица не мешала ему наблюдать за агентом Космофлота. Он легко улыбался Андрею, покачивая головой, как китайский болванчик. Интересно, думал Андрей, кому же все-таки выгодно меня убить? Ему не было страшно. В следующий раз нужно быть осторожнее. Может, изоляционисты решили перейти к действиям? Но что это изменит? Агентом Космофлота больше или меньше – на жизни Галактики это не отразится. Нельзя спрятаться от собственного будущего. Стрелка со стертым клеймом, отвергая версию о кровной мести, оставляла одну версию – политику. Политика обходится без кланов. Политика на этом уровне – аморальна. Срезать клеймо – аморально. Следовательно, стрелка – оружие политической борьбы. Жаль, что рядом нет ВараЮ, он бы оценил этот силлогизм.

Слуги внесли блюда с густой похлебкой из дичи. Всем известно, что лучшая в городе похлебка из дичи подается в доме наследника Брендийского.

На столе появились горящие курильницы с хмельными благовониями. Некоторые гости принялись прикладываться к ним, и голоса зазвучали громче.

Похлебка была, как всегда, чудесной, но от благовоний Андрея мутило. Им овладевало ощущение неустойчивости. А Андрей не выносил неустойчивости.

Танцовщица начала медленно крутиться под рокот бубнов.

Она двигалась все быстрее.

ВараЮ сидел с каменным лицом. Видно, ждал, когда можно будет уйти. Его люди сейчас ныряют в озеро. Вода под светом керосиновых фонарей кажется черной и маслянистой.

Танцовщица закончила танец и остановилась, раскинув руки. Кисти рук чуть дрожали, колокольчиками звенели браслеты. Все тише и тише. И все тише рокотали барабаны.

Пруг глядел на Ольсена, который поднялся со своего места. Это было нарушением этикета. Никто не имел права вставать раньше хозяина, но Пруг промолчал, потому что признавал, что консул на службе и потому не подчиняется этикету. Тем более что Ольсен догадался обойти стол и, приблизившись к хозяину, в самых изысканных выражениях попросить прощения за уход, сославшись на приступ желудочной боли. Это был допустимый ход, и Пруг, широко улыбнувшись, пожелал консулу скорейшего выздоровления, не

преминув, как и положено, пригласить его на собственные похороны. Затем он взял со стола кусок пирога и протянул консулу. Если у гостя несчастье и он вынужден покинуть пир, хозяин должен дать ему символическую пищу в дорогу.

Андрей вдруг понял, что единственная причина, могущая заставить Ольсена уйти, – это археолог. Значит, его нашли. Или нашли его тело.

И, конечно, в тот момент ни Андрей, ни Ольсен не знали, что, когда под светом переносных фонарей консул нагнется над телом человека, одетого во фрак и земные башмаки, он поймет, что этот человек – не археолог Фотий ван Кун, а неизвестный ему житель Пэ-У.

Но до того мгновения пройдет немало времени, потому что в пути неожиданно сломается автомобиль ВараЮ, затем улица, ведущая к причалам, окажется перегорожена большой повозкой, груженной мешками с зерном... Когда Ольсен вернется глубокой ночью, уже будет поздно.

Слуги разносили блюда со сладкими овощами, а Андрей думал о том, что археолога убили такой же стрелкой, что предназначалась и для него.

Андрей почувствовал взгляд. Как будто кто-то стучался ему в спину. Здесь развивается интуиция. Андрей оглянулся.

Сзади стоял один из воинов Пруга, могучий желтоволосый смуглый мужчина с узкими веселыми глазами. Поверх кольчуги была накинута туника цветов Брендийского союза, за широким поясом три ножа. Он молча смотрел в затылок Андрею.

– Как твое имя, отважный воин? – спросил Андрей. Лицо его было ему знакомо.

– ДрокУ, мой господин, – ответил тот. – Прикажете что-либо, благородный господин со звезд?

– Я тебя раньше видел.

– Я всегда стою по правую руку знаменитого владельца Пруга, – ответил воин, не отводя взгляда.

Андрей заставил себя жевать сладкие овощи.

Перед глазами снова крутились жонглеры с раскрашенными волосатыми лицами. Танцовщица сидела в центре круга, посасывая благовония из курильницы.

Витас не ел, он смотрел на танцоров. Он был напряжен.

Наследник Брендийский поднялся со своего места и сказал гостям, чтобы они ели, пили и наслаждались жизнью.

Пруг направился на третий этаж дома. Такой маневр был допустим и предусмотрен. Хозяин давал возможность гостям посудачить, не опасаясь его обидеть. Наступила минута злых языков.

Слуга дотронулся до плеча Андрея.

– Вас к телефону, звездный господин, – сказал он.

Андрей сразу поднялся из-за стола. Кто мог сюда позвонить? ПетриА вряд ли станет нарушать вечер. Если, конечно, не случилось чего-то особенного. Вернее всего, это Ольсен.

Слуга шел впереди. Они спустились по лестнице в холл, оттуда по другой, более узкой лестнице в основание тыквы, в подвал.

Там было полутемно. Богато украшенная инкрустациями трубка лежала на столике рядом с аппаратом, похожим на швейную машинку. Андрей взял трубку.

В трубке стрекотал кузнечик – линия разъединена.

– Не дождались? – спросил слуга.

– Откуда звонили? – спросил Андрей.

– Не знаю, властитель неба, – сказал тот.

Андрей не знал, что делать – то ли ждать, пока позвонят снова, то ли подняться наверх.

В мозгу, набирая силу, затикал сигнал тревоги. Осторожно, Андрей, опасность...

Андрей быстро оглянулся.

В подвале было немало людей, но сразу не разглядишь – кто-то спал на полу, другие сидели вдоль округлой стены. В каждом патриархальном доме ошивается немало челяди,

родственников, приживальщиков. Андрей был в центре внимания. Это хорошо, что не один. Хотя свидетелей, конечно, не будет...

Андрей быстро вынул из кармана золотой шарик. Слуга, судя по всему, не был горцем. Вернее всего, его позвали из ресторана. Так делают, когда много гостей, а твои собственные подданные полагают ниже своего достоинства прислуживать за столом.

– Кто звонил? – спросил Андрей тихо, чтобы голос его не долетал до стен.

Слуга провел рукой над ладонью Андрея, и монета пропала.

– Женщина, – сказал он одними губами. – Молодая женщина. Она очень волновалась.

Тут же слуга отвернулся и отошел.

Андрей снял трубку и начал крутить ручку вызова. Мягкая, пышная, тяжелая ладонь легла на рычаг.

– В момент веселья, – сказал наследник Брендийский, – нельзя отвлекаться. Не забывайте об обычаях дома.

Пруг улыбнулся, но глаза были мутными – он накурился. Распашонки его распахнулись, и кольчуга поблескивала в полутьме.

– Ты останешься с нами до конца, – сказал Пруг, – танцовщицы ждут тебя на верхнем этаже, повелитель неба.

– Гость дома может не бояться угроз, – сказал Андрей.

Пруг оттеснил его от телефона.

– Андрей, ты здесь? – На лестнице стоял Витас Якубаускас.

Космофлот никогда не оставит в опасности.

– Мы уходим, – сказал Андрей. – Нам пора уходить, дома у нас больные.

– Мы не выпустим вас, гости, – сказал Пруг. – Праздник еще не кончился.

Андрей понял, что теперь можно обойтись без этикета. Неожиданно для Пруга он бросился к лестнице.

Андрей был убежден, что Пруг сделает все, чтобы они не вышли из дома. Почему-то Пругу нужно, чтобы он остался здесь. И он был почти убежден, что звонила ПетриА.

Андрей успел подняться до середины лестницы, прежде чем наследник Брендийский крикнул:

– Остановите его!

Люди, жавшиеся к стенам, вскочили. Кто-то побежал к лестнице.

Путаясь в распашонках, Пруг начал вытаскивать метательный нож.

– С дороги! – рычал он.

Но Андрей с Витасом уже были в нижнем, ярко освещенном, полном гостей зале...

Гости уже начали расходиться.

У выхода стоял министр Жреческих забот с худой злой женой.

– Почему вы уходите так рано? – спросил он, улыбаясь тонкими губами. – Нет ли несчастья в вашем доме?

– Есть болезнь! – почти крикнул Андрей, отстраняя министра.

– Они плохо воспитаны, – услышал он голос жены министра.

– Вам понравился вечер? – крикнул вслед им министр, который предпочел ничего не заметить, так как был известным в столице блюстителем этикета.

* * *

Они пробежали между колонн – дальше была темнота, они нырнули в нее как в воду, и Андрей потянул Витаса в сторону, подальше от изгороди.

Через две минуты, повернув за угол, они добежали до фургончика. Погони не было. В тихом ночном воздухе далеко разносились оживленные голоса хмельных гостей.

Фургончик стоял, чуть покосившись. Андрей зажег фонарик. Правое переднее колесо было сорвано с оси. Железный лом – орудие бесчинства – валялся на мостовой. Кто-то очень хотел, чтобы Андрей не уезжал.

Сразу выключив фонарик, который мог привлечь нежеланных ночных бабочек, Андрей отступил в темноту.

Он вел Витаса в обход, глухими переулочками. Засада, вероятнее всего, будет ждать на кратчайшем пути. Андрею сослужила хорошую службу любовь к одиноким прогулкам. За последние месяцы он исходил центр города и узкие закоулки плато – зажиточного спокойного района.

Минут через десять они остановились, чтобы передохнуть, на углу освещенной улицы Благополучного Правления. Как раз напротив тепло светила витрина небольшой курильни. Там должен быть телефон.

В курильне было пусто, лишь на дальних диванчиках дремали последние клиенты. Андрей подошел к стойке. Витас остался у входа. Андрей положил шарик на деревянную блестящую доску между глиняных незажженных курильниц. Он попросил у хозяина разрешения позвонить.

Хозяин курильни долго вертел шарик, будто сомневался в его подлинности, потом спросил, откуда пришли гости и хорошо ли себя чувствуют. Андрей понял, что своей поспешной прямоотой он нарушил этикет и хозяин пытается вернуть отношения в правильное русло.

– Простите, – сказал Андрей, – но моя дочь больна, и потому я позволил себе нетактичность.

– Разумеется, я сочувствую, – с облегчением сказал хозяин, снимая кожаный фартук и ведя Андрея за стойку, где стоял телефон.

Андрей позвонил в агентство. Телефон звонил долго. Никто не подходил. Может, ложная тревога? Может, ПетриА звонила из его дома? Андрей бросил трубку.

– Спасибо.

Он побежал к выходу.

Завтра хозяин курильни будет рассказывать знакомым, какие все-таки варвары эти пришельцы со звезд!

* * *

В агентстве горел свет, и отсвет падал на нависающие круглые бока дома, оттого дом казался грибом на светящейся ножке. В витрине на тонких нитях висела модель лайнера на фоне звезд.

Андрей рванул дверь. Она была открыта.

В зале для посетителей было пусто.

– ПетриА! – окликнул он почему-то тихо, будто боясь спугнуть девушку. – Ушла, – сказал Андрей, успокаивая самого себя. Он уже знал, что надо сделать два шага дальше, за высокую стойку, где стоял ее стол и телефон.

Витас понял, что страх остановил Андрея и не дает ему сделать эти последние шаги. Он первым подошел к стойке, открыл в ней деревянную дверку и шагнул внутрь. Андрей, недвижимый, видел, как Витас наклонился, что-то увидев на полу.

Андрей знал, что он трус. И понимал, что, наверное, любой человек в Космофлоте знает, что он трус. За что он и был исключен из списков летного состава Космофлота.

Голова Витаса исчезла за высокой стойкой.

Андрей слышал, как Витас отодвинул стул.

– Иди сюда, – сказал он.

Андрей покорно зашел за стойку.

ПетриА лежала на полу, возле стола, свернувшись калачиком, как ребенок, который почему-то решил заснуть в таком неудобном месте.

Витас осторожно приподнял ее голову. Голубой парик соскользнул с черных волос, будто не хотел служить неживой хозяйке.

Андрей стоял, опустив руки, смотрел на темное пятно на ее груди и мысленно умолял

Витаса сказать, что ПетриА жива, что она потеряла сознание.

– Она умерла, – сказал Витас.

– Нет, – сказал Андрей, который знал, что она умерла, с того момента, как они вошли в агентство. – Она звонила, она просила приехать. Сколько времени прошло, а мы все не ехали.

Витас бережно, словно боялся разбудить, положил голову ПетриА на пол. Мягкие волосы покорно рассыпались по плиткам пола. Витас поднялся, шагнул к столу, к пишущей машинке.

Движение его удивило Андрея. Он тупо смотрел, как Витас пытается вытащить из машинки нижнюю половину листа, грубо и неровно оборванного сверху.

– Как это делается? – спросил Витас.

Андрей подошел к нему, освободил держатель.

Лист бумаги выскочил из машинки. Это была машинка с местным шрифтом.

– Здесь нет «Скорой помощи», – сказал он, протягивая лист Витасу.

– Поздно, – сказал Витас. – И на Земле бы ничего не смогли сделать. Погляди, что здесь. Это она печатала, когда они пришли.

– Они?

– Прочти. Возьми себя в руки!

– «Оставляю на ваше усмотрение отправку этих контейнеров. Остаюсь преданный вам ДрейЮ Брюс, агент КФ».

– Что это значит? – поинтересовался Витас.

– Ничего не значит. Она писала письма нашим заказчикам. Обычные письма.

– Здесь ничего обычного, – сказал Витас. – Стреляли в тебя тоже обычно?

– Я ничего не понимаю, честное слово.

– Кому надо сообщить? Кому здесь сообщают?

– В стражу нельзя, – сказал Андрей. – О смерти имеют право сообщать только близкие родственники. Иначе бесчестье.

– Ты лучше знаешь.

– Я позвоню ее брату. Он художник.

Витас ничего не ответил. Он присел на корточки за столом, там, где лежал упавший стул. Витас медленно двигался вдоль стены, разглядывая пол.

Андрей повернул ручку телефона.

Он вызвал дом ПетриА.

Подошел ее отец. Андрей извинился за поздний звонок и сказал старику, что ему надо поговорить с братом. Он побоялся сказать старику, что случилось. Старик удивился и спросил, почему задержалась ПетриА. «Извините, – сказал Андрей, и это было невежливо, – я очень спешу». Старик пошел звать сына. Андрей ждал, пока подойдет брат, и смотрел на ПетриА. У нее были очень мягкие волосы. Они всегда были теплыми и пахли горной травой. Она их мыла настойкой из горных трав.

Голос Кам ПетриУ был сонным. И раздраженным. Из всей спесивой знатной семьи, косо смотревшей на то, что богатая наследница занимается не подходящим для такой девушки делом, он был лояльней других к Андрею. Он сам собирался улететь в Галактический центр.

– Здравствуй, – сказал Андрей. – С ПетриА несчастье. Я не сказал твоему отцу. Ты можешь сразу приехать в агентство?

– Сейчас. – К счастью, брат не задал ни одного вопроса.

Положив трубку, Андрей стал на колени рядом с ПетриА, поднял ее холодную кисть. Он старался уловить пульс.

– А что там? – услышал Андрей голос Витаса.

Тот стоял перед закрытой дверью.

– Мой кабинет, – сказал Андрей. – Там заперто.

Витас толкнул дверь.

Дверь открылась.

– Замок взломан, – сказал Витас.

Внутри тоже горел свет. Андрей, не поднимаясь, увидел, что шкаф, стоявший напротив двери, раскрыт. И пуст. Но не сразу сообразил, что же там должно быть. Потом сообразил и удивился: в шкафу висел его повседневный мундир песочного цвета!

– Что было в шкафу? – спросил Витас.

– Ничего интересного, – ответил Андрей. – Повседневный мундир.

– Кому-то это было интересно, – сказал Витас. – И взломан стол. Что было в столе?

– Ничего интересного, – повторил Андрей. Все это не имело никакого отношения к нему. И к ПетриА.

Он смотрел на руку девушки. Ее пальцы покорно лежали на его ладони. Он вдруг понял, что два ее ногтя обломаны. И под ними белое. ПетриА – такая аккуратистка.

Андрей заинтересованно, будто это могло помочь девушке, поглядел вокруг. И понял – краска на стене. ПетриА старалась выцарапать что-то на стене. У нее не было сил подняться, но она старалась что-то сделать.

«Шква...» – было выцарапано у самого пола... От последней буквы шла полоса вниз, к плинтусу.

Это было важно. Почему-то это было важно. Она уже умирала, она не смогла подняться, но считала важнее всего написать это странное слово «Шква...».

Витас, выйдя из кабинета, увидел, что Андрей держит ПетриА за руку, и сказал:

– Не надо, Андрей. Мы ей не поможем.

– Ну что ты меня уговариваешь! – вдруг взорвался Андрей. – Я знаю! Я все знаю!

Входная дверь распахнулась от удара. Вбежал брат ПетриА.

Он налетел на стойку грудью, как на барьер, который собирался преодолеть, но в последний момент не решился. Перегнувшись, он увидел ПетриА.

– Кто это сделал? Ты? Кто?

– Не знаю, – Андрей осторожно отпустил руку девушки и поднялся. Ему было неловко перед Кам ПетриУ.

– Почему она лежит здесь? Почему?

Он обежал стойку.

Витас попытался остановить его.

– Нельзя трогать, – сказал он. – Приедет полиция, они узнают, кто это сделал.

– Плевал я на вашу полицию!

Кам ПетриУ подхватил девушку на руки и понес ее в кабинет. Там положил на диван.

И сразу успокоился.

Мертвый не должен лежать на земле, вспомнил Андрей. Злые духи войдут в него.

– У нас нет кровников, – сказал брат. – Никто не хотел ее крови. Я знаю. Это твои кровники.

– У меня нет кровников, – сказал Андрей. – Ты знаешь. Я здесь чужой, у меня даже нет клана.

Короткая тога Кам ПетриУ была подпоясана плетеным ремнем, на нем висел двойной нож. Разговаривая, брат держал ладонь на рукоятке ножа. Он был неплохим, но беспутным, ленивым парнем, рисовал в газете, делал вид, что страшно прогрессивен и завтра улетит в Галактический центр, где все оценят его таланты. Безвредный парень. Но сейчас он не думал о Галактическом центре. Наверное, и не помнил о его существовании. Он не столько был потрясен смертью сестры, сколько обстоятельствами ее. Сестра могла погибнуть – в этом мире погибнуть нетрудно. Но всегда находится объяснение смерти.

– Может, это были грабители, – сказал Витас. – Они взломали кабинет и унесли вещи.

– Это кто? – спросил брат Кам ПетриУ. – Что он говорит?

– Мой друг говорит, что это могли быть грабители.

– Грабители? Зачем они стали бы убивать сестру? – удивился Кам ПетриУ. – Они дождались бы, пока она уйдет. – Он был прав. – А он? Я его видел. Он прилетел со звезд?

– Он прилетел сегодня. На «Шквале».

И, произнося это слово, Андрей понял, что ПетриА старалась выскрести на стене.

Он молча вышел из кабинета и еще раз прочел слово. Конечно же, ПетриА хотела сказать про «Шквал». И на космолингве. Значит, для Андрея.

Витас вышел из кабинета следом за Андреем.

– Смотри, – сказал Андрей тихо и показал на надпись.

– «Шквал»? – сразу догадался Витас.

– Да. Она хотела нам сказать.

– Ты можешь позвонить в диспетчерскую?

Андрей снял трубку телефона. Там не отвечали.

В дверях стоял Кам ПетриУ. Модная прическа – гребнем – сдвинулась набок. Тога расстегнута. Глаза красные.

– ДрейЮ, – сказал он, – мою сестру убили. Ножом в спину. Как слизняки, которые жалят ночью. Ее кровь – моя кровь.

Слезы текли по щекам. На Пэ-У мужчины не стесняются эмоций, сдержанность – долг женщины.

– Ее кровь – моя кровь, – повторил Кам ПетриУ, поднимая руку ладонью вперед.

Это были слова смертной мести. Брат брал месть на себя. Если бы он считал ДрейЮ близким человеком, он бы сказал иначе: «Ее кровь – наша кровь», приглашая тем самым Андрея к кровной мести и связывая его этой мстью.

Андрей был здесь чужим. И мир этот был ему чужд. И, уж конечно, чужда месть, которая отныне будет править делами и мыслями клана Кам Петри.

– Я не знаю убийцу. Я могу подозревать всех, – сказал Кам ПетриУ. – Могу подозревать тебя, звездный господин. И твоего друга.

– Не надо, – сказал Андрей.

Андрей смотрел через плечо Кам ПетриУ. ПетриА лежала на диване.

Андрей прошел в кабинет, отстранив молодого человека. Тот покорно подчинился. Андрей остановился у дивана. ПетриА лежала, чуть склонив голову набок, ее рука свисала вниз, касаясь длинными пальцами пола.

Так стоять было нельзя. Надо было что-то делать. Она написала о «Шквале». Надо ехать на космодром.

Андрей был совсем один. Снова совсем один. Как человек, который проваливается в черную бездну космоса, чтобы никогда не встретить в своем падении ничего, кроме пустоты.

Андрей услышал собственный голос. И удивился, услышав, какой он хриплый.

– Твоя кровь, – сказал он, – моя кровь.

Это было очень древнее заветное. Он брал месть на себя. Как самый близкий человек. Как человек, имеющий право на монополию мести.

Очень цивилизованный и мирный человек, представитель гражданской космической авиации на планете Пэ-У, объявлял о мести. Это было немыслимо. Если бы кто-нибудь сказал об этом Андрею день назад, он бы засмеялся.

– Я подчиняюсь, отец, – сказал Кам ПетриУ.

Оказывается, он помнит об их родственных отношениях. Андрей сказал:

– Кам ПетриУ, ты вызовешь стражников и все расскажешь. Мы едем на космодром. Нашему кораблю может угрожать опасность. Мы возьмем твою машину.

Он сказал это голосом человека, который имеет право распоряжаться.

– Я все сделаю, – сказал Кам ПетриУ.

Витас не понял этого разговора. Они говорили на языке Пэ-У. И уж тем более он не знал о законах мести.

Андрей склонился и поцеловал ПетриА в висок. Кожа еще сохраняла остатки теплоты.

* * *

Маленькая машина Кам ПетриУ ехала медленно. Паровой двигатель вздыхал, ухал, в нем что-то потрескивало, и Витас, не знавший, насколько такие монстры надежны, беспокоился, доберутся ли они до места. Они, как ни странно, долго разговаривали об этих машинах, может, потому, что Андрею было легче говорить о паровых котлах, чем о том, что случилось.

Надо было позвонить Ольсену, старик знал ПетриА, и они были дружны с девушкой, но Ольсен уехал куда-то с ВараЮ.

Интуитивно Андрей ощущал какую-то связь между покушением у Пруга и смертью ПетриА, но, разумеется, никаких оснований для выводов не было. Просто совпадение по времени.

– С такой скоростью мы доберемся до космодрома к утру, – сказал Витас.

Темные редкие дыны выплывали из темноты, освещенные фонарем машины прятались в столбах дыма, поднимавшихся из их труб, и уплывали назад, солидно и беззвучно.

...Машина ухнула в очередную выбоину, и ее окутало пылью. Когда она выбралась из желтого, подсвеченного фарой облака, впереди возникли огни космодрома. Тусклые дежурные фонари. И люлька диспетчерской на башне.

Ворота на поле были распахнуты, охранника рядом не видно.

Андрей развернул машину и затормозил у башни.

Вокруг было очень тихо. Далеко-далеко за полем были лисы. Стайка летучих крыс пролетела низко над головами, и по коже прошел холодок от крысиного ультразвукового пения.

Витас ничего не спрашивал. Он молча следовал за Андреем.

Они взбежали по лестнице.

Диспетчерская была ярко освещена.

Дежурный диспетчер завалился набок в кресле, голова склонялась к пульту. Он был недвижим.

Андрей приподнял веко диспетчера, пощупал пульс.

– Он жив.

Диспетчер тихо застонал.

Витас прошел к экрану и включил его. Корабль возник на экране. Он был темен и тих. Витас дал увеличение. Люк был открыт, пандус спущен.

– Где вызов? – спросил Витас отрывисто.

Андрей уже вызывал корабль. Корабль не отвечал.

– На мостике никого, – сказал он. Экран связи был пустым.

– Этого не может быть, – сказал Витас.

Андрей обернулся. В открытых воротах космодрома вспыхнул белый круг прожектора. На поле выползла большая военная машина. Из коротких труб белыми столбами рвался пар. Стальной округлый лоб блестел под фонарем. Машина пошла полем к кораблю.

– Что за черт!

Андрей бросился к выходу. Витас за ним. Они залезли в машину Кам ПетриУ. Паровой котел был горячим, и машина почти сразу взяла с места и покатила к кораблю. Они видели, как тормозит боевая машина. Наверху пандуса в открытом люке возникла фигура.

– Кто это? – крикнул Андрей, перекрывая рев парового двигателя.

– Это ты! – закричал в ответ Витас.

Человек редко видит самого себя издали, да и не ожидал Андрей увидеть агента КФ встречающим боевую машину. Но Витас был прав. Человек, стоявший у люка, был одет в песочный мундир Андрея, который исчез из кабинета.

Люки боевой машины раскрылись, и оттуда выскочили воины в черных коротких туниках поверх кольчуг. С копьями, некоторые с автоматами. Затем вылез грузный человек, тоже закованный в латы. Андрей узнал Пруга, наследника Брендийского.

Пруг обернулся, услышал клочкотание двигателя. Он крикнул что-то воинам и быстро побежал наверх к люку. Человек в мундире Андрея Брюса поспешил за ним. Воины

кинулись обратно, прячась за броней боевой машины. Короткая пушка начала разворачиваться в сторону паровичка.

Оставалось еще пятьдесят метров открытого пространства. Андрей понял, что в минуту их разнесут в клочья. Он видел на маневрах эффект от выстрела взрывчатой картечью. Именно из такой пушки.

Андрей резко развернул паровичок и бросил его в сторону, чтобы вырваться из круга света от прожектора боевой машины. Поворачивая, он успел увидеть, как из ближайшего к «Шквалу» люка боевой машины два воина выволакивают еще одного человека, обнаженного и бессильного.

Выстрелила пушка боевой машины. Картечь, взрываясь синими огоньками, фейерверком праздничных шутих высветила небо.

Теперь надо было скрыться за кораблем. В этом было единственное спасение. Башня боевой машины разворачивалась, и Андрей всей шкурой чувствовал, как широкое дуло поймало их машину и ведет ее. Он резко затормозил. Неуклюжий паровичок словно сообразил, что ему грозит, сразу послушался. Витас ударился головой в лобовое стекло.

– Прости, – сказал Андрей.

Струя сверкающих взрывов пролетела перед самым носом паровичка. Полминуты на зарядание пушки. На поле стало светло как днем. Свет прошел сзади. И также пропал, перейдя в грохот. Андрей, оглянувшись, понял, что это взорвалась диспетчерская.

Отравленные стрелы били по боковым стеклам, оставляя на них желтые потеки. Прожектор боевой машины рыскал по полю.

Во всю силу врубился могучий прожектор «Шквала». Поле стало светлым и маленьким – спасительная стена корабля, нависающая над полем, была рядом. Но они не успели достичь ее. Их накрыло следующим выстрелом.

Ударяясь о машину, картечь вспыхивала ослепительно и радостно. Андрею показалось, что он ослеп. Зазвенело разбитое стекло. Ожгло руку. Андрей цеплялся за рычаги управления, стараясь удержать машину, но ее завертело и понесло...

Потом неожиданно наступила тишина. Андрей почувствовал, что тело ему не подчиняется. И прошла секунда, прежде чем искры в глазах погасли и он понял, что на него навалилось тело Витаса. Машина стояла.

– Витас! – крикнул Андрей. – Ты что?

Витас молчал. Дышать было трудно. Кабина наполнялась дымом. От картечи вспыхнула фанерная обшивка паровичка.

Андрей смог открыть дверь. Он понимал, что все неправильно и нереально. Этого не может быть. Он – агент КФ, он занимается полетами, размещением гостей, он сидит в тихом месте на тихой работе. У него нет врагов. Он сейчас вернется и расскажет ПетриА об этом диком сне. Она сидит на диванчике в его доме и ждет.

И еще он понимал, что Витас оказался со стороны выстрела. Андрей вывалился из машины, волоча Витаса. Рука была обожжена, и он на мгновение потерял сознание от боли, но не отпустил Витаса и вытащил его за собой, вцепившись в него, как бульдог. Опять был удар боли, когда рука ударилась о бетон, и сверху мешком свалился Витас.

Дым был ужасен, ни черта не видно, кроме огоньков, пламя разгоралось, чтобы сожрать паровичок. Андрей полз или, вернее, ему казалось, что он ползет, чтобы скорее спрятаться в спасительную тень под кораблем, как будто там его никто не найдет...

* * *

Андрей пришел в себя на корабле. В каюте. Это было странное пробуждение. Ощущение безмятежного детского счастья. Когда нет никаких забот, кроме желания еще понежиться в постели, потому что все на свете замечательно. Просыпаясь, но еще не вернувшись к реальности, Андрей понимал, что возвратился на свой корабль. Сейчас тихий зуммер вызовет его на вахту...

Андрей сделал движение, чтобы откинуть одеяло, но даже самое начало этого движения вернуло все на свои места и отогнало сладкие иллюзии.

Рука, запеленутая и тяжелая, не подчинилась ему, и звонок тревоги в мозгу начал безжалостно будить клетку за клеткой, и, пробудившись окончательно, Андрей замер от масштабов тревоги, а затем – горя.

Не было ни детства, ни вахты. Была смерть ПетриА. Ночной космодром. Звезды картечи. Ослепительный взрыв паровичка.

И Андрей не пытался больше подняться. Он замер. Он тщательно и почти спокойно прокручивал в голове ленту событий, вчерашних – или, может быть, уже давних? Сколько он провел времени в беспамятстве? Где он? На корабле.

Корабль был в полете.

Ни один звук, ни одно движение не выдавало этого, но Андрей – на то человеку и дается космический опыт – отлично знал, что корабль в полете: микроскопические вибрации и неуловимые шумы, неразличимые и непонятные для непосвященного, сразу рассказали ему обо всем.

Это был гравитационный корабль, на котором ему не приходилось еще бывать. Явно гравитационный, потому что не хватало глубокого и почти беззвучного шипения плазменных двигателей.

Значит, мы на «Шквале». Далее, есть две возможности. «Шквал» удалось отстоять, и Андрея, тяжело раненного, взяли на корабль, чтобы доставить в Центр. Или Пруг захватил корабль, и тогда Андрей – пленник. Но кто-то забинтовал ему руку. Значит, на корабле врач.

Следующий шаг надо сделать обдуманно. Сначала выясним, как сильно нас покалечило. Рука повреждена, обожжена. А что еще? Андрей подвигал ногами. Ноги были послушны. Теперь правая рука. Правая рука откинула одеяло и поднялась в воздух. Андрей поглядел на нее, как на живое существо, ему не принадлежащее.

Он легко сел на кровати. Голова закружилась. Ноги сделали привычное движение – так они делали уже много лет, – чтобы надеть шлепанцы. Пятки скользнули по полу. Андрей сосчитал до двадцати, голова перестала кружиться. Он поднялся. Рука в упругой эластичной повязке легла вдоль бока. Было больно. Интересно, чем же кончилась эта история с нападением?... А Витас?

Именно беспокойство за Витаса заставило Андрея стряхнуть оцепенение. Андрей дотронулся до кнопки двери. Дверь должна была отойти в сторону. Дверь не шелохнулась. Сначала ему даже не пришло в голову, что дверь может быть закрыта. За годы жизни на кораблях Андрей еще не сталкивался с такой ситуацией – двери не должны запираются. За исключением одного случая – если нарушена герметичность.

Андрей шагнул обратно, к койке, нажал на столике вызов интеркома. Слава богу, хоть вызов работает. Экран как бы нехотя ожил, пошел зелеными полосами. Вспыхнул белым. Андрей вызвал отсек управления.

На экране был ВосеньУ. Не просто ВосеньУ. Его не узнаешь с первого взгляда. Костюм ВосеньУ был ему велик. Разумеется, велик, потому что Андрей выше его и шире в плечах.

Значит, это ВосеньУ надо было, чтобы его приняли за Андрея. Зачем? Чтобы захватить корабль. И за мгновение, прежде чем он увидел знакомую ухмылку ВосеньУ, Андрей уже все понял. «Значит, – подумал холодно Андрей, утопая в ненависти, – значит, это ты, мой скромный помощник, убил ПетриА. Она помешала тебе, и ты ее убил».

– Ее кровь – моя кровь, – сказал Андрей, глядя на ВосеньУ.

– Что? – ВосеньУ ожидал все, что угодно, только не этих слов, сказанных на языке города.

Но он был сообразительным. И сообразил.

– Это неправда, – сказал он. – Я ее не убивал. Клянусь богиней УрО. Я никого не убивал.

– Где Витас Якубаускас? – спросил Андрей. Он был совершенно спокоен.

– Болеет.

- Кто у вас главный?
- Нас ведет Пруг Брендийский.
- Вызови его.
- Я не знаю, захочет ли он с тобой говорить.

На экране возник Пруг Брендийский. Он, видно, не знал, как переключается связь, и потому попросту оттолкнул ВосеньУ.

Наследник Брендийский был в боевом наряде и высоком шлеме. Полосы боевой краски на надутых щеках, подсиненные, заплетенные в косички усы. И настороженные черные глаза.

- Ты хотел говорить со мной? – сказал он. – Говори.
- Что произошло?
- Ты сам пришел к нам, – сказал Пруг. – Мы тебя не звали.

Он смеялся. Добрые лучики веером разбежались от уголков глаз, крепкие желтые зубы открылись за лиловыми губами.

- Я требую... – Голос звучал неубедительно. И Андрей оборвал фразу.
- Понял? – спросил Пруг. – Не надо требовать. Надо благодарить. Теперь ты нам совсем не нужен. Даю тебе слово. А мы тебя не бросили. Мы тебя подобрали, пожалели.
- Зачем все это нужно?
- Приведите его ко мне, – приказал Пруг.

* * *

Ситуация была неординарной, тревожной и грозила дальнейшими бедами. Очевидно, корабль оказался в руках людей, которым не положено командовать космическими кораблями. Корабль движется в неизвестном направлении с неизвестной целью. Однако цель эта должна быть достаточно серьезной для тех, кто захватил «Шквал». Нападение – не наскок под влиянием момента, а запланированная акция. Наследник Брендийский решил сам подняться в космос. Не Галактический же центр они намерены завоевать.

Андрей ждал. Дверь отъехала в сторону. ВосеньУ стоял напряженно, будто готов был в любой момент отпрыгнуть в сторону. Но сделать это было бы нелегко, так как два горца в кольчугах, с ножами в руках стояли вплотную за ним.

Андрей понял, что ВосеньУ очень боится его, даже раненого, но и боится выглядеть смешным. И потому кажется смешным. Чужой костюм сидел на нем криво.

Андрей понял, что, привыкнув к ВосеньУ, он никогда к нему не приглядывался. А теперь вдруг увидел: худой человек ниже среднего роста, нестарый еще, узколобый, с тщательно проведенным пробором, прямой нос кажется продолжением пробора, а остальное несущественно.

Андрей сделал шаг к нему, не отпуская взглядом зрачков.

ВосеньУ отпрянул. Натолкнулся спиной на воинов. Те не шевельнулись. Воины были похожи, один постарше. Наверное, братья – одинаковая клановая татуировка на щеках.

Андрей спросил:

- Куда идти?
- Направо, – сказал ВосеньУ с облегчением.

И пошел по коридору первым, склонив голову набок и вывернув назад, чтобы не выпускать Андрея из поля зрения.

- Я тебя убью, – повторял Андрей, глядя ему в спину. – Я тебя убью, подонок.
- Пруг Брендийский ждал в кают-компании. Он занимал половину дивана.
- Рука, – спросил Пруг, – не болит?
 - Я хочу видеть капитана Якубаускаса, – сказал Андрей.
 - Я думал, – сказал Пруг и снял парик: голова под париком была совсем лысой, – ты будешь спрашивать о более важных вещах...
- Пруг не скрывал, что у него отличное настроение.

Рука ныла, как будто в нее воткнули гвоздь и медленно поворачивали. Даже подташнивало от боли. Еще не хватало упасть перед ним в обморок.

Андрей опустился в кресло напротив Пруга. Тот приподнял кустистую бровь. Охранник, вошедший за Андреем, хотел было помешать тому, но Пруг поднял руку:

– Пускай сидит. Он слаб. Люди неба хороши, пока вокруг них много приборов и штучек. Когда они голые, в них нет силы.

– Где Витас? – сказал Андрей упрямо. Не будет же он спорить сейчас с горным князьком, в лапы которому попал новейший звездолет Галактики.

– Я отвечу, – сказал Пруг, – твой Витас жив. И не нужен мне, как не нужен ты. Но жив. Где доктор?

– Сейчас, – сказал ВосеньУ.

Стараясь не проходить рядом с Андреем, ВосеньУ добрался до экрана у рояля. В кают-компании был рояль. На корабле Андрея не было рояля. За роялем молча стоял ДрокУ. Желтоволосый воин, которого Андрей видел в доме Пруга.

– Медотсек слушает, – раздался голос. Голос возник чуть раньше, чем изображение доктора. Интересно, сколько человек оставалось на «Шквале»?

– Скажи ему о капитане, – произнес Пруг на космолингве.

Доктор смотрел на Андрея.

– Как ваша рука? – спросил он. – Я хотел бы, чтобы вы зашли ко мне. Вам надо сменить кокон и сделать обезболивание.

– Я тебе задал другой вопрос, – сказал Пруг. – На мои вопросы надо отвечать сразу.

Доктор пожал плечами. Он был уже немолод, худ, сутуловат. И растерян, хоть и пытался это скрыть.

– Не надо пугать меня, – сказал доктор. – Я не играю в разбойников. Капитан Якубаускас в тяжелом состоянии. Я поместил его в ожоговую камеру. Он спит. Прямой опасности для жизни нет, но требуется покой и длительное лечение...

Андрей смежил веки. Тошнило от боли.

– Почему ты не задаешь вопросов? – спросил наследник Брендийский. – Я рад тебе ответить. Ты мой гость в этом большом доме.

– Зачем вы это сделали? – спросил Андрей. – Вы же понимаете, что вас обязательно поймают.

– Я могу ответить, – сказал наследник Брендийский. – В этом теперь нет тайны. Мы летим на Ар-А.

– Зачем? – Андрей был удивлен, но не поражен этим известием. Это объяснение, по крайней мере, имело хоть какой-то смысл.

– Мы летим на родину моих предков, – сказал Пруг. – На родину гигантов.

– Посетить любимые могилы? – вдруг не удержался Андрей. Ирония здесь улавливалась лишь теми, кто знал местные обычаи. Посещение любимых могил некогда было торжественным обрядом – долгим путешествием к легендарному кладбищу на плато Любимых. Там, по слухам, лежали останки героев, павших в битве на Краю пустыни. Со временем это долгое путешествие, которое кончалось грандиозными пирами и смертоубийством, было запрещено, но, разумеется, не пресечено.

– Ты не зря прожил у нас столько времени, ДрейЮ, – сказал Пруг беззлобно. – Но ты не прав. Я не из тех, кто проводит жизнь в пирах и забавах. И я хочу, чтобы ты это понял и запомнил. Я очень просто устроен. Мне нужна власть и слава. Как и каждому благородному воину. Я был предательски лишен власти, которая причитается мне по праву. Я был изгнан и вынужден жить среди слизняков вонючего города. Многие думали, почему же столь славный и великий вождь живет столь пусто, как человек, отказавшийся от борьбы? Но у меня давно была мысль вернуться к себе победителем. И не только победителем. Великим победителем, о котором давно мечтал мой народ и все народы.

Пруг Брендийский перестал улыбаться.

– Ты чужой, ничего не понимаешь. А если понимаешь, то думаешь просто. Все люди

думают так, как их учили. Только великие люди умеют думать так, как хотят. А я думаю выше, чем вы, обыкновенные люди. Я думаю о том, как поднять честь. Я лечу на Ар-А! Побуждения мои благородны, цель высока, и я не хочу никому зла. Поэтому ты жив, и твой капитан жив. И те, кто был на корабле, тоже живы. Мне не нужна кровь и месть. Мне нужна лишь справедливость.

– А ПетриА? – спросил Андрей. – Она погибла.

– ПетриА из клана Кам Петри? Где погибла она? Почему мне никто не сказал?

– Спроси у своего сообщника, – сказал Андрей.

– ВосеньУ, что знаешь ты скрытое от меня? – спросил Пруг.

– Кто-то убил ПетриА, – сказал ВосеньУ. – Когда я был в агентстве, чтобы взять полетные документы и его одежду, я увидел ее мертвой. Вернее всего, это совершил ДрейЮ. У них была связь, и он боялся, что о ней узнают.

– Если ты прав, ВосеньУ, – сказал Пруг, – мы будем вынуждены жестоко наказать ДрейЮ. Ибо никто не смеет поднимать руку на девушек наших славных кланов. Кто же взял на себя месть?

– Ее кровь – моя кровь, – сказал Андрей.

– Ты не можешь это сделать, ты чужой. И ты болен. Отведите его к доктору. Я не люблю мучить людей, а наш гость ДрейЮ ранен и обожжен. Прежде чем он выйдет на тропу мести, ему надо окрепнуть. – Пруг рассмеялся.

* * *

Воин толкнул Андрея в спину. Тот с трудом удержался на ногах. Дверь сзади затворилась. Охранники остались в коридоре.

Медицинский отсек был ярко освещен. Обычный медицинский отсек. Амбулатория и белая дверь в госпиталь.

Доктор поднялся навстречу.

– Здравствуйте, – сказал он. – Меня зовут Мишель Геза. С вами я немного знаком. По крайней мере, вы со вчерашней ночи мой пациент.

– Витас спит?

– Спит. Ложитесь. Сначала займемся вами. К сожалению, поврежден мой компьютер... – Доктор смущенно улыбнулся. – Когда они ворвались, у меня с ними получился... буквально конфликт.

Он показал в угол. Там лежала сметенная груда осколков стекла, мелких деталей, словно кто-то дотошно выпотрошил «живую куклу». Несколько лет назад была мода на «живых кукол» – они были фантастически умелы: ходили, бегали, пели, капризничали, просыпались ночью, плакали и просились на горшок... И дети разламывали этих кукол, обязательно разламывали. И оставалась куча мелких деталей: куклы были буквально напичканы этими деталями.

– Простите за беспорядок, – сказал доктор. – Мне некогда было убрать. Рука болит?

Он быстро обработал раны. Боль возникла, заставила сжать зубы, но тут же отпустила.

– Расскажите, – сказал Андрей, – что у вас произошло.

– Я думал, вы больше меня знаете, – сказал доктор.

– Считайте, что мы оба мало знаем.

– Я не поехал в город, – сказал доктор. – Полежите немного, сейчас пройдет. Я немного простудился и думал, что выйду на второй день, потом. На корабле нас осталось двое. Я и второй пилот Висконти. Мы занимались своими делами. Потом поужинали... Висконти был на мостике. Потом он включился и сказал, что приехал агент Космофлота, что-то случилось. Мы ничего не подозревали. И когда Висконти пошел к люку, я тоже пошел: отчего-то встревожился. Может, несчастный случай, я понадоблюсь. Было темно. Я увидел служебную платформу, а на ней стояли вы.

– Как вы меня узнали?

– Форма. Форма представителя Космофлота.
– Это был мой помощник ВосеньУ.
– Там был еще один, водитель. Вы подняли руку. Висконти открыл люк. Они подошли поближе. А мы не знали вас в лицо. И впустили в корабль. Но поймите, мы же на цивилизованной планете...

– Вас никто не винит.
– Дальше все было неожиданно. Мы не успели сообразить. Они оба вошли и приказали нам лечь. Висконти спохватился первым. Он вахтенный, он был вооружен. Он пытался достать пистолет...

– И что?
– Они закололи его. Понимаете, все произошло очень быстро. Я буквально опешил. Висконти вдруг упал. А меня свалил первый. Остальные, наверное, скрывались у корабля. Или лежали на платформе. Я слышал шаги, голоса. Они ворвались на корабль. Меня буквально перетащили в кают-компанию. Там их было несколько человек. Мне сказали, что корабль переходит во владение какого-то Берендея. Человек в вашей одежде хорошо говорил на космолингве.

– Да, – сказал Андрей. – У него диплом штурмана. Но он предпочел работать у меня в агентстве.

– Он сказал, что я должен выполнять приказания, иначе меня убьют, как Висконти. И я понял, что он не шутит.

Доктор подошел к столу, стал перебирать на нем какие-то бумажки. Руки его чуть дрожали.

– Простите, – сказал он, – я до сих пор не могу пережить...
– Я бы тоже испугался, – постарался успокоить его Андрей.
– Вы не понимаете, я не могу пережить унижения. Это унижительно. Отвратительно. Буквально у меня на глазах убивают человека. Я смотрю на эти лица – совершенно спокойные лица... Я не могу сказать, что не рассуждал. Я рассудил: на корабль напали грабители. Если мы сейчас бросимся на этих людей, они нас убьют. Может, им даже удобнее нас убить. Я надеялся, что буквально через минуту поднимется тревога, и все кончится. Даже когда этот ВосеньУ сказал, что «Шквал» должен готовиться к отлету. Я чуть не улыбнулся. Я вспомнил давние времена самолетов, может, помните, если вы учили историю, когда-то водились террористы, которые захватывали самолеты? В воздухе.

– Помню. Читал.
– И я старался говорить с ними мягко, ну как с сумасшедшими. Я стал его уговаривать одуматься. А он смеялся, а потом меня ударил. Буквально ударил по лицу. Вы можете поверить?

– Могу.
– Остальное вам известно. А я буквально в тупике. Ведь мы летим? Но куда летим? И совершенно нечего есть. Как вы думаете, они нас накормят?

– Не знаю, – сказал Андрей. – Они утверждают, что летят на Ар-А.

– Простите, я не знаю, что это такое.

– Другая планета в той же системе.

– Это еще зачем? Она населена?

– Нет. Там только археологическая экспедиция.

Беседуя с доктором, Андрей представлял себе примерно, каким образом было осуществлено нападение на корабль. События, которые казались еще недавно не связанными между собой, случайными и даже загадочными, обретали простые объяснения. Кому и почему надо было покушаться на Андрея и Витаса? Кому они мешали? Мешали они Пругу, мешали потому, что, оставаясь на свободе, они были опасным фактором, они могли сорвать захват корабля. Их надо было убрать со сцены. Просто и понятно. Даже понятно, почему Пруг не был настойчив в попытках убить их. Он действовал по старинной поговорке: «Лучше живой враг, чем мститель за мертвого». Вот они с Витасом и живы. Пруг опасался,

что убийство капитана и агента Космофлота заставит Галактический центр вступить на путь смертной мести. Если можно этого избежать, тем лучше. Пока покушения на Андрея и Витаса производились на темной улице убийцей со стертым клеймом на стреле, Пруг мог откреститься от участия в этом. На корабле же иначе...

Но путешествие к предкам, желание приобщиться к величию гигантов... уж очень несовременная причина для такого вполне трезвого политика, как Пруг.

Ответ на этот вопрос материализовался в образе долговязой, растерзанной, полуголой фигуры, влетевшей в неожиданно раскрывшуюся дверь.

– Фотий ван Кун, археолог, – произнесла фигура, почти церемонно кланяясь. – У меня страшно болит зуб.

– Археолог? Это вы пропали позавчера?

– Никуда я не пропадаю. Меня похитили. Где у вас обезболивающее?

– Спокойно, – сказал доктор. – Садитесь сюда, и давайте поглядим, что у вас произошло.

– Только попрошу без этих «спокойно» и «садитесь». Я этого достаточно наслушался в вашем бандитском логове, – заявил Фотий ван Кун. – Я не намерен разговаривать ни с кем из вашей банды, и можете катиться ко всем чертям. Мне ясны ваши замыслы и махинации, и вы еще даже не представляете, что я с вами сделаю.

Во время этого бешеного по скорости и напряжению монолога Андрей успел разглядеть археолога. Очевидно, в нормальном состоянии он был обыкновенным человеком, его не различишь в толпе. Но сейчас его редкие волосы стояли дыбом, лицо было перемазано, от одежды оставались лишь странные и неполные детали нижнего белья. Как часто бывает у рыжих, у него было мучнисто-белое лицо, усыпанное веснушками. Зеленые глаза лихорадочно блестели.

– Я убежден, что вы заблуждаетесь, – сказал доктор. – Мы не имеем буквально никакого отношения к тем людям, которых вы именуете бандитами.

– Нет никаких оснований вам доверять, – ответил археолог. – Меня тут уже обманывали.

– Тогда сядьте и откройте рот.

– Ничего подобного. Вы не знаете о моих болезнях, а я знаю. Я простужен. Понимаете, я зверски простужен, и простуда у меня всегда выражается в зубной боли. Если бы вас держали часами на сквозняке, вы бы не рассуждали так спокойно.

– Доктор, – сказал Андрей, – я полагаю, что нам следует подчиниться. Дайте ему обезболивающее, а осмотрите его в следующий раз.

– Наконец-то разумный человек. Я вспомнил! Вы агент Космофлота! Я вас видел у консула. Значит, вы, вернее всего, не бандит.

Фотий ван Кун залез в аптечку, вытащил оттуда тюбик с обезболивающим, выдавил себе на щеку, растер, затем стал вытаскивать другие лекарства и пытался рассовать их по несуществующим карманам. Лекарства сыпались на пол.

– Это грабеж, – заметил доктор.

– Нет, это не грабеж. При моем состоянии здоровья я вообще никогда не выхожу из дома без аптечки. И совершенно неизвестно, когда в следующий раз я смогу ее пополнить. Дайте мне коробку!

Доктор растерянно поглядел на Андрея. Тот пожал плечами.

Доктор достал из стола пластиковый пакет. Фотий ван Кун сердито ссыпал туда конфискованные лекарства. И, видно, это его примирило с доктором и Андреем.

– Вас тоже похитили?

– Да.

– А вы-то им зачем?

– Мы еще не знаем.

– Чепуха, – заявил Фотий ван Кун. – Вы отлично знаете. Им нужен корабль. Чтобы добраться до сокровищ Ар-А. Ясно как день.

– Сокровища Ар-А? – спросил Андрей. – Это что-то новое. И, наверное, это может нам самим многое объяснить. Что вы имеете в виду?

– Я бы мог вам дать тезисы моего сообщения... – Фотий ван Кун потер лоб. – Но они утащили все мои записи и схемы. Все утащили.

– Тогда мы имеем право узнать об этом из ваших уст, – сказал Андрей, – раз мы лишены возможности прослушать вашу лекцию.

– Работа еще не завершена, есть только самые предварительные результаты. Там масса интересного для археолога. Но для бандита – куда меньше. Да, там есть пушки и всякие пулеметы. Но они же ржавые!

Дверь открылась, и ВосеньУ, не рискуя войти внутрь, сказал:

– Уважаемый ван Кун, вы просили ужин. Ужин готов.

– Не нужен мне ваш ужин. У меня и без вашего ужина начинается гастрит.

И с этими словами археолог направился к двери.

Дверь закрылась.

– Еще один кусочек мозаики, – сказал Андрей. – Можно, я зайду к Витасу?

– Заходите, – сказал доктор. – Станный тип этот ван Кун.

– Его похитили за день до нас. Все думали, что его убили. Они инсценировали ограбление и даже убедили стражу, что грабители утопили его в озере.

Доктор открыл дверь в госпиталь. Там в ванне с физиологическим раствором лежал Витас.

Андрей подумал, как меняется человек, когда он находится в неестественном состоянии. Ты смотришь на него и понимаешь, что это должен быть Витас Якубаускас. А видишь куклу, муляж, потому что мышцы лица расслаблены, чего не бывает даже в глубоком сне, от этого лицо становится неживым.

– Что ж, – сказал Андрей, – надо отдать им должное. Они провели свою операцию безукоризненно.

– Что же делать? – спросил доктор. Они стояли рядом с Витасом, словно приглашая его участвовать в разговоре.

* * *

Наследник Брендийский, в ближайшем будущем также господин планеты Ар-А, потомок гигантов, пригласил к обеду агента КФ Андрея Брюса.

Кают-компанию переоборудовали. Предусмотрительный наследник притащил с собой любимые вещи. Например, кресло. Может, не то, что стояло в его доме, но достаточно солидное кресло, чтобы вместить тушу наследника.

Стол был накрыт скатертью цветов клана. Никакой уважающий себя властитель не будет жрать на какой-нибудь тряпке.

Два воина в парадных туниках и шлемах стояли по обе стороны кресла, сверкая обнаженными клинками. В косицы усов были вплетены цветные ленточки.

– Мне тут нравится, – сказал Пруг. – Садись и поешь со мной. Не считай себя моим кровником. Это заблуждение. Смерть уважаемой ПетриА была следствием ошибки. Мы ее не убивали. Даю слово горца. Так что отведай моего скромного угощения.

Вдруг Пруг Брендийский засмеялся:

– Второй день подряд у меня в гостях! Этой чести позавидовал бы любой министр. Да садись же! Мы с тобой вожди двух кланов. Ваш клан побежден, но в честном бою.

Воины внесли блюда с настоящей горской пищей. Значит, и об этом Пруг позаботился.

– Доктор голоден, – сказал Андрей.

– Я уже распорядился. Ему понесли пищу.

Андрей не мог отделаться от ощущения, что напротив него за столом сидит очень хитрый и хищный кот. Теперь многое зависело от того, что удастся узнать о намерениях и возможностях врага.

Странно, подумал Андрей. За всю мою не очень удачную жизнь мне не приходилось еще сталкиваться с человеком, которого я мысленно называю врагом. А этому я враг.

– Я не считаю тебя врагом, – сказал Пруг, перегибаясь вперед и накладывая с подноса мешанку в миску Андрея. – Мне ничего от тебя не надо. Я своего уже добился. Дикий горец захватил корабль. Почему? Потому что вы избалованные люди. Вас защищает не ваше истинное могущество, а страх других перед вашим могуществом. Это и есть ваша слабость. Могущество рождает самоуверенность. И вот результат: мы летим, куда я хочу. И вы мне помогаете и будете помогать.

– Что вы этим хотите сказать?

– Да очень просто. Горец, дикий человек, слабый перед природой и господами, никогда бы не сел за один стол с убийцей. Он бы умер от голода. Он бы бросился на нож. А ты такой могущественный, что не считаешь для себя унижением сидеть со мной. Ты думаешь, что перехитришь меня. А ведь человеку трудно перехитрить гиену, хоть он и умнее, и сильнее. Гиена – первобытное существо. Даже твой неверный помощник ВосеньУ – первобытное существо. Вы его научили летать в космосе, считать на компьютере, показали ему, как вы живете, вызвали в нем постоянную зависть и озлобление против вас. Внутри он остался таким же диким, как и до встречи с вами. Ты когда-нибудь был у него дома? Ты знаешь, с каким упрямством и почтением он выполняет все ритуалы первобытной жизни? Я это сразу проверил, как только замыслил великое дело. Я знал, что должен использовать вашу слабость – ваше могущество. Я стал следить за ВосеньУ и, узнав, что он внутри остался первобытным, начал прикармливать его.

Пруг Брендийский извлек толстыми пальцами кусок мяса со дна миски и подержал в воздухе, будто намереваясь положить его в тарелку Андрея. Однако, видно, решил, что честь слишком велика, и вместо этого отправил кусок себе в рот. Андрей подумал, что неправильность лица Пруга именно во рту. Рот слишком мал и тонкогуб, будто снят с другого, маленького личика.

– Признай, что в моих словах есть истина.

– Есть, – согласился Андрей. – Мы были доверчивы. В результате убита ПетриА, убит пилот Висконти, тяжело ранен капитан корабля. И боюсь, что это не последние жертвы.

– Желания убивать у меня нет, – сказал Пруг Брендийский. – Не превращай меня в убийцу. Кстати, ты забыл сказать о себе, ты тоже ранен, и о неизвестном человеке, которого пришлось убить вместо археолога. Я понимаю, что тебе смерть неприятна. Ты чураться ее оскаленной морды. Но если бы ты начал проповедовать миролюбие среди моих людей, тебя бы не поняли. Ты не знаешь войн, а мы живем войной. Мы с вами на войне, и я награждаю тех моих воинов, которые убили врага. Этим они спасли и славу клана.

Принесли пирог с ягодами, кислый, свежий, остро пахнущий лесом и смолой. Пруг отломил кусок и положил Андрею.

– Мы никогда не были вашими врагами, – сказал Андрей. – Даже по вашим законам нельзя нападать, не объявив об этом заранее и не бросив вызов. Это считается подлостью.

– Не учи меня, что подло, а что хорошо. Ты здесь чужой. Мир подл. Другого я не знаю. Старые законы заржавели. Как только я решу действовать, как положено благородному вождю, правительство вышлет меня из города или подстроит мою нечаянную смерть. Можно ли сочетать правила благородной чести и городскую стражу с радиопередатчиками? Я стараюсь сохранить благородство в главном. Я должен возвратить себе престол в горах. Это благо для моих подданных. Ради этого блага я позволю себе презреть некоторые устаревшие правила благородства. А как только вы встали на моем пути к великой благородной цели, вы стали моими врагами, хотите вы того или нет.

Вошел ДрокУ. Он нес серебряный таз для омовения рук. Простому воину такая честь не дозволена.

Пруг Брендийский вымыл пальцы в тазу. Потом ДрокУ поставил таз перед Андреем.

– Я не согласен с вами, – сказал Андрей Пругу.

– Меньше всего я нуждаюсь в вашем согласии. Я пригласил тебя не для того, чтобы

оправдываться.

– Зачем же тогда?

– Чтобы объяснить то, чего ты не понимаешь. Тебе нет смысла сопротивляться. И не замышляй каких-нибудь фокусов. Потому что эти фокусы приведут к твоей смерти.

ДрокУ поставил на пол таз и хлопнул в ладоши. Слуги убрали со стола и принесли курильницы.

– Я мог бы схитрить, – сказал Андрей, поднимаясь. – Я мог бы притвориться покорным и в тишине планировать, как освободиться от вас. Но мои собственные понятия чести не позволяют мне этого сделать. Вы были правы, говоря, что нам дорога любая жизнь. Убийство и честь несовместимы. Я буду бороться с тобой, Пруг Брендийский, пока ты не будешь обезврежен.

– Для этого тебе придется меня убить, а убивать ты не хочешь. Так что ты бессилен, господин неба. И твой галактический клан бессилен. Когда мне нужно убить, я убиваю, а ты рассуждаешь. Иди рассуждай, я тебя не боюсь. Ты даже не сможешь отомстить за свою женщину. Я в презрении плюю на тебя. Уходи.

По кают-компании раскатился громкий, утрированный смех Пруга.

– Я отведу его? – спросил ДрокУ.

– Нет, мне надо с тобой поговорить, пускай его ответит КрайЮ.

Пожилой одноглазый горец с седыми косами усов, свисающими на грудь, вывел Андрея в коридор.

* * *

Андрей понял, что его ведут в каюту. Это его совсем не устраивало. В каюте он был бы изолирован.

Он сморщился, схватился за руку. Прислонился к стене, изображая крайнюю степень страдания. КрайЮ подтолкнул его в спину, и Андрей издал громкий стон.

– Больно, – сказал он, – надо к доктору.

– Слизняк, – заметил презрительно горец. Это было оскорблением. Андрей стоял у стены, полускрыв глаза. КрайЮ сплюнул, потом подошел к нише, в которой таился экран интеркома, и нажал на кнопку. Поглядел на Андрея не без гордости – Андрей понял его. Любопытно, подумал Андрей, как воины Пруга освоились на корабле. Может быть, они тоньше организованы, корабль скорее подавил бы их, изумил, испугал. Воины Пруга восприняли корабль как захваченную крепость. Концепции космоса, вакуума, бездонного пространства были для них абстракциями. И если при нажатии кнопки на экране появилось лицо вождя – значит, так надо.

Пруг Брендийский сидел за столом, разложив перед собой какие-то бумаги. Рядом стоял ДрокУ. Когда раздался сигнал вызова, он почему-то накрыл эти бумаги лапами.

– Господин неба говорит, что ему больно. Он хочет к доктору.

– Пускай идет, – сказал Пруг. – Только смотри за ним. И как только доктор даст ему лекарство, пускай идет к себе в каюту. Запомни: они должны быть поодиночке.

Что ж, в отличие от нас его не обвинишь в легкомыслии, подумал Андрей.

* * *

Андрей не знал, как отделаться от КрайЮ, но тот сам не пошел в кабинет. Медпункт был неприятным местом. Любой доктор – колдун. Чужой доктор – опасный колдун.

– Времени у меня немного, – сказал Андрей. – Я разговаривал с Пругом, и он показался мне серьезным противником.

– Я это понял раньше вас, – проворчал доктор.

Перед ним стояла миска с недоеденной похлебкой.

– Уговаривать его и учить гуманизму бессмысленно.

Но в этот момент экран загудел и включился. На экране был Пруг Брендийский. Он вновь улыбался. Висячие усы шевелились как змеи.

– ДрейЮ, – сказал он, – я хотел проверить, не провел ли ты меня. Ты осторожен и потому опасен.

– Вы для этого меня вызывали?

– Я хотел сказать тебе другое – опасайся ВосеньУ. Он маленький человек, и ты его напугал. И твоя жизнь ему совсем не нужна. Понимаешь, совсем не нужна. А такие маленькие люди очень опасны. Ты меня понял?

– Понял.

– Тогда лечись. Тебе может пригодиться твоя рука.

И, не переставая смеяться, Пруг Брендийский отключился. А его смех, грудной и глубокий, еще некоторое время звучал в медпункте.

– Это буквально чудовище, – сказал доктор.

– Детище своей планеты, своего времени, своей эпохи. К сожалению, неглуп. Употребил он свои таланты на иное, цены бы ему не было.

– Нелогично, – сказал доктор. – Если он, как вы говорите, детище своей эпохи, то он не мог употребить таланты на другое. Это же очевидно. А чего вы ищете?

– Хочу использовать ваши инструменты не по назначению и переделать интерком. А вы на всякий случай говорите о моих болячках и звените склянками. Наш охранник может подслушивать.

– Зачем вам интерком?

– Мне нужны глаза. Возможность подглядывать в другие помещения, подслушивать. Что главное в войне, если у противника превосходящие силы? Разведка.

– Малая война, – сказал доктор.

– Вопрос не в терминах. В эту войну непосредственно вовлечены лишь несколько человек, косвенно ею задеты многие и многие люди. И даже планеты.

– Вряд ли стоит преувеличивать. Кто знает о наших делах?

Прошло всего несколько часов.

* * *

Если «Шквал» идет к Ар-А, то само путешествие займет около двух суток. Желательно за это время захватить корабль, что малореально. Археологи примут меры.

Андрей строил в воображении картины того, как известия о малой войне распространяются по Галактике. Но на самом деле эти картины были далеки от реальности. Пруг оказался предусмотрительным.

Археологи на Ар-А, ожидая прилета «Шквала» и возвращения Фотия ван Куна, с утра попытались связаться с космодромом Пэ-У, но космодром не отвечал, потому что была взорвана диспетчерская. Они решили, что на планете что-то случилось со связью, и продолжали безуспешно вызывать ее.

Когда утром не вышел на связь «Шквал», в Галактическом центре дежурный сообщил об этом в Космофлот, присовокупив к этому свое нелестное мнение о новых гравипередатчиках. Но так как было известно, что «Шквал» благополучно приземлился на Пэ-У, дежурный по управлению не особенно встревожился и, уходя обедать, попросил вызвать планету. Во время обеда ему сообщили, что планета также не отвечает, и потому он, так и не допив компот, поднялся в центральную обсерваторию, чтобы узнать, какого рода помехи могли возникнуть на линии. Ему сообщили, что из-за вспышки новой ненадежна связь во всем секторе.

Поняв, что во всем виновата новая, дежурный все же вызвал два корабля, которые находились в том секторе. Связь с «Титаном» и «Вациусом» – кораблями в том секторе – была нормальной.

* * *

Андрею в каюту позвонил доктор. Доктора тоже томило безделье.

– Это безделье кролика, – сказал доктор, печально уткнув длинный нос в экран. – Сейчас откроется дверь, и ваш Гаргантюа скажет: пожалуйте, будем вас кушать.

– Ничего странного, – ответил Андрей, которому не хотелось шутить, – ритуальное людоедство зафиксировано у некоторых горных племен. Я думаю, вам интересно будет поговорить об этом с нашим консулом Ольсеном. Большой специалист по части обычаев.

– Лучше я останусь необразованным.

– Как Витас?

– По-прежнему. Дайте мне какое-нибудь задание.

– Почему я?

– Не могу объяснить. Законы, по которым стая выбирает вожака, порой необъяснимы. У вас запах лидера.

– Мне нужно выбраться из каюты.

Андрей понял, что застоялся. В нем всегда тикал какой-то бес движения. Он не мог заснуть, не пробежав перед сном несколько километров. Поэтому он начал ходить по каюте. Четыре шага туда, четыре обратно... Дверь отворилась, и вошел доктор.

– Как вы вышли? – удивился Андрей.

– Они забыли запереть дверь.

– Возвращайтесь к себе.

– А вы?

– Я загляну в отсек связи.

Андрей быстро пошел по коридору. У закругления коридора он замер, прислушиваясь. Потом обернулся. Доктор все еще смотрел вслед. Андрей энергично махнул рукой – уходите!

* * *

Андрей никогда не был раньше на «Шквале», но законы расположения помещений на корабле консервативны. Дорогу к сектору связи Андрей мог бы найти с закрытыми глазами. Он не очень опасался кого-нибудь встретить, полагая, что горцы предпочитают не ходить по кораблю без нужды – все-таки он хоть и завоеванная, но чужая крепость, в которой живут враждебные духи.

Дверь в отсек связи была открыта. Андрей включил свет. Потом включил настройку. Над пультом загорелись два зеленых огонька. Теперь надо найти волну и позывные Центра. Когда-то Андрей знал их наизусть, но прошло несколько лет... К тому же они, вернее всего, изменились. Он включил экран-справочник. Время шло...

Дверь сзади поехала в сторону. Беззвучно, осторожно. Андрей понял, что она открывается, лишь по внезапному движению воздуха. Он обернулся. ВосеньУ держал в руке пистолет.

– Тебя опасно оставлять в живых, – сказал он Андрею.

«Опасайся ВосеньУ. Он маленький человек».

Глаза ВосеньУ казались черными бездонными дырками, как отверстия в белой маске, за которой нет лица. «Такие маленькие люди очень опасны».

Андрей бросился на пол, стараясь дотянуться до ног ВосеньУ. Луч ударил в пульт, расплавив экран. Андрей успел подумать: вот сейчас перед моим взором должны пронестись картины детства... а где они? ВосеньУ уже от двери снова поднял бластер, рука его тряслась.

«Дурак, – трезво и спокойно подумал Андрей, – он не поставил его на подзарядку. Выпустил весь заряд... теперь у меня есть три секунды». И он вскочил и шагнул к ВосеньУ так, чтобы за эти три секунды дойти и убить. Он очень хотел убивать этого человека. И ВосеньУ понял это и отпрянул в коридор, забыв о том, что через три секунды бластер будет подзаряжен и готов убить вновь. Но и Андрей не успел дойти до ВосеньУ, потому что за

спиной того уже громоздился слоновьей тушей Пруг Брендийский. Далее ДрокУ... а за ним доктор. И доктор кричал:

– Убийца!

Андрей увидел, как поднимается – быстро и резко – ладонь Пруга и опускается на затылок ВосеньУ, и Андрей пожалел, что не успел к ВосеньУ первым.

ВосеньУ охнул и тихо сел на пол. Бластер отлетел в сторону, и доктор хотел поднять его, но Пруг заметил это движение и отбросил бластер ногой к стене. ДрокУ нагнулся и подхватил оружие.

– Я же предупреждал, – сказал Пруг. – Он очень опасен.

* * *

– Я согласен, что трусливый человек опасен не только для врагов, но и для друзей, – сказал Пруг Андрею.

Они снова сидели в кают-компании.

– Во всем виноваты вы, – сказал Андрей. – Он пешка.

– Нет, я не могу быть виноват. Я выше этого. – Пруг сказал это с глубоким убеждением в своей правоте. – И я предупреждал, чтобы ты был осторожен. ВосеньУ надо убрать. Тем более что он принадлежит к такому ничтожному клану, что его можно вообще считать человеком без клана. Но я не могу этого позволить. Это грустно, но приходится отступать в мелочах, чтобы победить в главном.

– Опять притворяетесь, князь.

– В твоих глазах я делаю неправильные вещи, я плох. В моих глазах я велик и справедлив. И если моя справедливость кажется тебе жестокой, это потому, что у тебя нет своей справедливости.

– На пути к своей справедливости ты уже многих убил, Пруг.

– Может, придется убивать и еще. Может, придется убить тебя. Но славить потом в песнях будут меня, потому что я полетел к гигантам и взял их оружие. Песни поют о великих завоевателях. В песнях нет места тем, кто стоял на пути великих завоевателей. Я вернусь на Пэ-У победителем. Это мой долг.

– Поймите же, все это выдумка. Нет никаких предков, нет никаких арсеналов. Это легенда, которая очень дорого обходится.

– Легенда? Ты мне не веришь? Тогда, может, ты согласишься другому?

– Кого вы имеете в виду?

– Позови гробокопателя, – сказал Пруг воину.

Пока воин отлучился, Пруг сидел почти неподвижно, молчал, он вытащил из стеганой кобуры бластер и положил на ляжку, словно играл в шпионов и разбойников. Андрею казалось, что кают-компания, привыкшая к голосам пилотов и механиков, еще два дня назад уютная и чистая, насторожилась, замкнулась и ее стены, ее вещи смотрят с опаской и недоверием на чужаков – кресло, скатерть, курильницу, лохань, притащенные с Пэ-У. Да и что может быть нелепее, чем толстый человек в латах под рыжей в синих цветах туникой, который обвис в кресле, лишь пальцы настороженно шевелятся, постукивая по рукоятке бластера.

Археолог Фотий ван Кун удивил Андрея. Он уже привык за первую встречу с ним к его агрессивности, громкому бунту и настороженности мальчика, которого обижают одноклассники.

Археолог вошел медленно, прихрамывая, остановился в дверях.

Охранник подтолкнул его в спину.

– Простите, – сказал археолог.

Они с ним поработали так, как и не снилось интеллигентному человеку, подумал Андрей. А археолог к этому не привык.

– Пришел, вот и спасибо, – сказал добродушно Пруг Брендийский. – Ты садись, не

стесняйся.

Он говорил на космолингве с акцентом, мягким, даже приятным. Но по-книжному. Видно, прошел гипнопедические сеансы.

Кровоподтек на скуле, синяк под глазом, вроде бы оцарапано ухо. Рука на боку – вернее всего, археолога били по почкам.

Фотий ван Кун сел бочком, осторожно, садиться ему было больно, но отказаться он не посмел.

– Как себя чувствуешь, не болит?

– Все хорошо, спасибо.

– Такая незадача, – сказал Пруг, не переставая сочувственно улыбаться. – Наш друг не поладил с одним из моих горцев. Оба оказались такими неводержанными... От горцев всего можно ожидать. Но чтобы такой возвышенный, ученый человек так себя вел! Стыдно, почтенный ван Кун.

– Перестаньте... пожалуйста, – сказал ван Кун.

– Вот тут повелитель неба агент ДрейЮ, мой большой друг, интересуется, на что мы можем рассчитывать на Ар-А. Объясни ему, что вы нашли, не спеша, никто тебя не торопит.

– Мне надо к доктору, – сказал Фотий ван Кун. – Расскажите своему другу сами.

Андрей не видел, где у Пруга спрятан хлыст. Он знал о таких хлыстах – бичах справедливости, – но видеть не приходилось. Хлыст был тонкий, из хвоста морской рыбы, с колючим шариком на конце.

Хлыст вылетел откуда-то из кресла, взвизгнул в воздухе.

Археолог сжался.

Хлыст, описав круг, снова исчез. Пруг остановил жестом рванувшегося было вперед Андрея.

– Не надо, – сказал он. – Я только напоминаю. Господин ван Кун недостоин вашей заботы. Он очень боится.

Фотий ван Кун глядел в пол.

Дикая ситуация. Мы забываем о том, что прошлое имеет когти и хлысты, что прошлое безжалостно и ни в грош не ставит человеческую жизнь. Да и нас можно понять – когда и как столкнешься с таким Пругом? Он представил себе негодование, растерянность и боль археолога, когда Пруг и его молодцы решили поговорить с ним на своем языке. Хоть он проштудировал массу исторических сочинений и все знает о Чингисхане или Иди Амине, все это осталось за пределами его практического опыта – ну как человек может предположить, что столкнется с бронтозавром, если бронтозавры вымерли и это научный факт? Или человек остается один на один с бешеной собакой. А как разговаривать с бешеной собакой, его не учили. Он только знает, что, если где-то появилась бешеная собака, на это есть специалисты, которых учили, как отлавливать бешеных собак и изолировать их, чтобы не искушали окружающих. Более того, он уверен, что те специалисты проявят гуманность к бешеной собаке и постараются ее вылечить. Бедняга. Его, наверно, с детства никто не бил, да и в детстве он не лез в драки.

– Возьмите себя в руки, ван Кун, – сказал Андрей. – Все это скоро кончится. Мы их посадим в клетку.

Пруг понял. Пругу это не понравилось. Пруг перестал улыбаться. Пруг решил принять меры.

Андрей был почти готов к этому. Психология Пруга, если с ним немного общался, не представляла глубокой тайны. Андрей прыгнул с кресла в тот момент, когда хлыст взвизгнул, разрезая воздух. Разумеется, он опустился на больную руку, и боль была страшная.

Он со злостью на себя подумал: вот ты, голубчик, и потерял форму. Раньше ты бы успел отпрыгнуть.

Но, к счастью, злость и боль не замутили сознания. Здоровой рукой он успел схватить за конец хлыста и вырвать его. Он тут же отпустил хлыст, потому что колючий шарик

распорол ладонь – этого еще не хватало, но и Пруг потерял равновесие, тяжело вывалился из кресла вперед.

Воин выхватил нож. Андрей замер. К счастью, Пруг быстро соображал.

Он отмахнулся от воина, сам подтянулся сильными ручищами, втащил себя в кресло и сказал:

– Молодец.

Но смотрел при этом на археолога. Археолог глядел в пол.

Ему сейчас кажется, что все это дурной сон, подумал Андрей. Ничего, было бы желание проснуться.

– Если вы еще раз поднимете хлыст на равного, то вам придется убить меня, – сказал Андрей. – Честь не терпит скотства.

– Ну ладно, ладно, – сказал Пруг, – я пошутил, и обиды нет.

– Кнутом не шутят.

Андрей говорил на языке Пруга. Он знал, что Пруг перешел грань дозволенного в отношениях между свободными людьми. Перешел ее не случайно. Успех с археологом, которого удалось сломить, дал надежду, что это же пройдет и с Андреем. Археолог был чужаком. Андрей же, которого Пруг принимал в своем доме, был благородным. Иначе терял лицо Пруг – кого же он приглашал и кормил? Раба, которого можно хлестать?

– Я погорячился, – сказал Пруг.

Андрей больной рукой достал платок, прижал его к ладони. Он не хотел показать, что ему больно.

– У вас идет кровь, – вдруг сказал брезгливо археолог, как будто все это его совершенно не касалось.

– Ничего, – засмеялся Пруг. Он предпочел забыть о маленьком поражении. – Ты лучше повтори то, что рассказал. О планете Ар-А. О ее арсенале. Ты рассказывай своему ДрейЮ, я уже все знаю. Только не лги.

– Я излагал суть открытий в сообщении в Школе Знаний, – тихо сказал археолог. – Вы можете ознакомиться. Бумаги у вас.

– Вот, – обрадовался Пруг. – В Школе Знаний был ДрокУ. Мы давно ждали приезда гробокопателя.

– А что это за история с фигурками мести? – спросил Андрей.

– Что? Какой мести?

– Вы перед самым похищением купили в магазине четыре фигурки воинов. Помните?

– Солдатики? – спросил ван Кун, неожиданно оживая. – Да, я купил. А остальных не успел.

– Точно, – сказал Пруг. – Я его спрашивал, но не понял ответа. Я думал, в этом какой-то смысл. А он мне говорил чепуху.

– Это были солдатики, – сказал археолог. – Неужели вы не можете понять простой вещи? Я собираю солдатиков. Всех стран и народов. У меня коллекция! Понимаете, коллекция!

– Как все бывает просто! – улыбнулся Андрей. – Коллекция. Конечно же, марки, открытки, солдатики...

– Ты понимаешь? – спросил Пруг.

– Некоторые люди собирают много одинаковых вещей – им интересно.

– Ладно, – отмахнулся Пруг. – Ты говори об арсеналах.

– Там была война, – сказал археолог. – Им удалось фактически кончить жизнь самоубийством. Джинн из бутылки.

– Понятнее говори, – проворчал Пруг.

– И без этого понятно, – сказал ван Кун. Он глядел на Андрея, и глаза его были загнанными, усталыми. – Они многого достигли. Даже вышли в космос. По крайней мере, они могли достигать планеты Пэ-У. Технологическая цивилизация. Но они воевали. Убивали друг друга. Отчаянно воевали. И долго. Пока мы можем только предполагать. У них было

бактериологическое оружие. Оно нарушало генетический код. Они не смогли найти противодействия. Очевидно, оружие разрабатывалось в условиях войны и казалось панацеей – одним ударом, как атомной бомбой. А остановить они уже не смогли.

– Ясно, – сказал Андрей. – И не осталось никого?

– Хуже. Когда они поняли, что гибнут, – они в подземельях прятались, они искали противоядие, война уже прекратилась, но они еще старались спастись... Некоторые остались живы, но на ином уровне... У меня с собой были материалы, но их вы украли.

– Ты говори, – ответил Пруг. – Ты скажи об арсеналах.

– Неточное слово. Условность. Это больше чем арсеналы. Они прятали все. Они уже были последними, но сидели в норах и боялись. Может, если бы они объединились, они могли бы выжить.

– Не рассуждай, – сказал Пруг. – Ты говори, что нашли.

– Дикари не учатся на исторических ошибках. Я намерен был подробно рассказать в вашей Школе Знаний. Я думал, что это предупреждение. А это соблазн. Соблазн начать все сначала. Им мало одной планеты!

– Мы все поняли, мой дорогой. Жаль, что ты упрямился. Пришлось тебя наказать. Если люди дружат и помогают друг другу, то нет нужды в наказаниях.

– Меня нельзя было бить, – сказал археолог тусклым голосом.

– Ты стоял на пути благородного дела освобождения моей страны от власти корыстолюбивых и гнусных тварей. Ты стоял на пути освободительных сил, ты стоял на пути моего величия. И ты был наказан. Как и каждый, кто посмеет мне помешать!

– Ему надо к врачу, – сказал Андрей.

– Что? – Пруг не сразу переключился на обыденность. – К доктору? Ну,веди его к доктору. Пускай доктор его лечит. И пускай тебя лечит тоже. Что, болит рука? – Пруг засмеялся. – Я в детстве тоже схватился за хлыст. Меня хотели наказать. Я был гордый, я схватился за хлыст. Скажи доктору, что от шарика получаются занозы, они нарываюут. Не смотри на меня, ДрейЮ, я не дам тебе меня убить. Я убью тебя сам. Не сейчас, а когда мне это будет нужно.

Андрей поднялся и сказал археологу:

– Пошли в медпункт, ван Кун.

«Умение убивать... – думал он. – Мне не приходилось убивать человека... Но зачем ему об этом знать? Наверное, если очень рассердить кролика, он тоже убьет человека».

* * *

– Вы не представляете, – повторял археолог, пока доктор готовил успокаивающие средства, – что это за существа. Им доставляет наслаждение бить. Я сначала этого не понял и довольно резко им отвечал. Скажите, неужели каждого человека можно избить так, что он потеряет человеческий облик?

– А на Ар-А остались люди? – спросил Андрей, чтобы переменить тему разговора.

– Люди? Я же сказал, что их оружие изменяло генетическую структуру. Не только убивало взрослых, но и тех, кто еще не родился, а иногда хуже чем убивало. Знаете, они отняли у меня лекарство, которое вы мне дали. Были люди – стали амляки.

– Разденьтесь, – сказал доктор Геза. – Но сначала выпейте вот это.

– Сейчас, сейчас. – Археолог начал быстро раздеваться, словно боялся ослушаться. Доктор поглядел на Андрея.

Фотий ван Кун залпом выпил лекарство, поперхнулся. Поморщился, хотел что-то сказать, но не сказал. Обнаженный Фотий ван Кун оказался очень худ и весь изрисован синяками и ссадинами.

– Ну и обработали они вас, – сказал доктор. – Придется поработать.

Археолог лежал на смотровой койке. Веки его смежились, он дремал. Видно, доктор накачал его транквилизаторами.

С Андреем доктор Геза возился долго. Оказалось, что и в самом деле ладонь набита маленькими занозами. Каждую пришлось вытаскивать отдельно. Андрей был рад, что археолог заснул, он не слышал, как Андрей стонет.

* * *

К этому времени в Центре знали, что планета Пэ-У не отвечает. Знали, что молчит и «Шквал». В том, что случилось бедствие, уже никто не сомневался. В этом секторе было два корабля: «Титан» и «Вациус». Оба на плазменных двигателях, обоим следовало резко изменить курс и идти к системе, по крайней мере, несколько дней.

После короткого совещания в управлении Космофлота «Вациус» получил приказ идти к Пэ-У. В тот же вечер с орбиты у Сириуса стартовал к Пэ-У патрульный крейсер «Гром» класса «Инвинсибл». Он шел на гравитационных двигателях, но расстояние было очень велико. Он придет позже, чем «Вациус». Такова была ситуация, когда Андрей пошел спать.

* * *

Капитан «Вациуса», милостивый Йнвуке, почти двухметровый сутулый уроженец Крионы, обвел маленькими, в густых белых ресницах глазами собравшихся в салоне пассажиров и членов экипажа.

– У меня серьезное сообщение, и потому прошу всех молчать и слушать внимательно.

В салоне собралось человек шестьдесят. В основном это были соотечественники капитана, с Крионы была и вся команда. Рейс к нескольким звездным системам должен был занять около полугода. В этом секторе звезды собраны куда компактнее, чем там, на окраине витка Галактики, где расположена Солнечная система, так что космические путешествия обычны и будничны.

Капитан оправил парадную форму Космофлота, не очень удобную для него, так как крионцы предпочитают свободные мягкие одежды.

– Гравитолет «Шквал» не выходит на связь, – сказал капитан. – Он в рейсе на планете Пэ-У.

– Милостивый капитан, – поклонился, приподнимаясь, второй штурман, – а что говорит станция планеты Пэ-У?

– С планетой Пэ-У тоже нет связи, – сказал капитан, чуть кланяясь второму штурману.

– Осмелюсь не понять вашу милость, – сказал второй штурман. Он говорил то, что хотели бы сказать и другие члены экипажа, но не имели права, так как только второй штурман, он же сын капитана корабля, имел право спросить. – Как может прекратиться связь и с кораблем, и с планетой, если на них установлены совершенно автономные, галактического типа станции связи?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, – сказал капитан. – Это вся информация, которой я располагаю.

– Однако такого не случилось.

Капитан Йнвуке мысленно отметил, что второй штурман заслужил наказание за открытое сомнение в словах своего капитана, но не сказал об этом вслух, чтобы не компрометировать второго штурмана.

– Если один корабль Космофлота попал в беду, а мы не можем предположить, что две станции случайно перестали работать, то все корабли Космофлота, которые находятся в секторе, идут к нему на помощь. Мы находимся ближе всех к планете Пэ-У.

По салону прошло движение.

– Каково отклонение от нашей цели? – спросил один из пассажиров. Он был землянином и не знал, что ему не положено задавать вопросы. Но капитан, понимая, что обстоятельства сложились исключительные, ответил ему:

– Сегодня же мы меняем курс и идем к цели на максимальной скорости, которая

непереносима для некоторых пассажиров. Поэтому мы предлагаем всем пассажирам перейти на планетарный посадочный катер. Там будет тесно и не очень удобно. Катер пойдет следом. Как только мы закончим нашу миссию, мы вернемся на прежний курс и возьмем на борт планетарный катер. Общая задержка рейса составит примерно двенадцать галактических суток. В случае, если обстоятельства изменятся, то и больше.

Некоторые из пассажиров начали протестовать, так как у них были срочные дела, но с ними капитан даже не стал спорить.

– Что же вы предполагаете? – спросил настойчиво второй штурман.

– Я ничего не предполагаю, – ответил капитан. – Но планета Пэ-У относится к разряду развивающихся планет, еще не готовых к галактическому содружеству. Социальные условия там нестабильны.

Так как Криона была крайне цивилизованной планетой, гордой своим соучастием в основании Галактической лиги, капитан никогда не мог изгнать из своего голоса некоторой снисходительности к иным отсталым цивилизациям.

– Корабль и станция могли погибнуть? – спросил второй штурман.

Капитан вздохнул. Он почти ненавидел второго штурмана, который вел себя как последний пассажир.

– Но почему мы? – спросил пассажир с Земли. – Ведь есть специальные патрульные крейсера. Это их дело, а не Космофлота.

– Космофлот никогда не оставлял в беде своих товарищей, – сказал капитан, глядя на второго штурмана. – Мы будем там на три дня раньше патрульного крейсера.

– Но ведь мы не вооружены!

– Поэтому я и приказываю всем пассажирам покинуть корабль. А также могут покинуть корабль все те члены экипажа, которые считают, что дальнейшее пребывание на корабле может представить для них опасность.

Первым улыбнулся второй штурман. Улыбнулись и остальные члены экипажа, которые принадлежали к гордой и древней расе планеты Криона.

* * *

Консул Ольсен и начальник стражи ВараЮ приехали на космодром.

Само здание почти не пострадало. Взрыв, нарушивший диспетчерскую, лишь выбил стекла и сорвал крышу.

В тени здания, еле различимые за тучей рыжей пыли и сами рыжие, сидели рядом три мрачных инженера из команды «Шквала».

Ольсен поздоровался. Они поднялись. Они уже близко познакомились с консулом за вчерашний день.

– Что-нибудь слышно? – спросил первый инженер Салиандри. Он провел ладонью по плотной курчавой шевелюре, и в рыжей шапке образовалась черная просека.

– Нет, – ответил Ольсен печально.

– Странно.

Салиандри был упрям и отказывался мириться с плохими новостями. Он последним из всего экипажа поверил в то, что двенадцать пилотов и инженеров новейшего гравитолета «Шквал» остались без работы на далекой чужой планете и даже не знают, что же случилось с их кораблем и капитаном.

С ВараЮ, начальником стражи, пилоты были знакомы. Вчера он пытался выяснить, не было ли на борту маньяка из числа экипажа, который мог бы угнать корабль. Может, он сам не верил в такую версию, но держался за нее несколько часов. Уже было известно, что исчез Пруг Брендийский, что убита ПетриА, что Андрей Брюс с капитаном позапрошлой ночью поехали на космодром. Даже был найден паровичок, на котором они приехали. Паровичок был сожжен и изрешечен картечью. Были обнаружены и следы гусениц боевой машины. Все это указывало на то, что похищение корабля – дело рук Пруга, наследника Брендийского, а

начальник стражи продолжал надеяться на то, что исчезновение корабля связано лишь с галактическими делами. Сама грандиозность преступления, невероятность его, а главное – ненужность не умещались в сознании.

Глава города, он же предводитель могущественного клана Синей реки, сразу же задал ВараЮ первый и главный вопрос:

– Какого черта? (В вольном переводе.)

Потом последовали остальные вопросы: а куда ты глядел? Твои стражники куда глядели? Как мы теперь будем все это расхлебывать? А что, если Галактический центр объявит о смертной вражде?

Последний вопрос не был абстрактным. Даже весьма просвещенные властители планеты не исключали такой мысли. Мы не можем не судить о других со своей колокольни. Разумеется, все владельцы знаменитых кланов знали, читали, слышали, что Галактический центр не знает смертной мести. Но они-то еще не полностью отделались от ее власти.

В тот первый, сумасшедший день, когда на рассвете город достигла весть о взрыве на космодроме, когда многие видели, как темной, окруженной голубым сиянием тенью взмыл космический корабль, ВараЮ старался отрицать очевидное.

Он был трезвым человеком, отлично знавшим, что никому на планете не нужен космический корабль. А если какие-нибудь бандиты и позарились бы на его содержимое, они никогда бы не решились поднять корабль в небо. Да и самые бесшабашные бандиты не осмелились бы приблизиться к кораблю, потому что он был Великой тайной.

К вечеру удалось задержать нескольких членов клана, которые участвовали в подготовке захвата корабля. Все арестованные молчали. К тому же сказывались дурные отношения стражи с армией. Командующий отказался допустить агентов ВараЮ в казармы боевых машин, заявив на Совете власти, что сам отыщет виновных.

На космодроме Ольсен обратился к инженерам со «Шквала», которые старались разобраться в остатках диспетчерской:

– Есть надежда?

В глубине души он надеялся, что Салиандри скажет: через день связь будет. В глазах филолога Ольсена инженеры с гравитолета обладали фантастической способностью подчинять себе машины.

– Надежды мало, – ответил Салиандри.

Разрозненные части рации и других приборов, извлеченные из-под развалин диспетчерской, лежали в тени рядом с инженерами. Частей было много. Но это ничего не доказывало.

– Ничего, – успокоил себя Ольсен. – В Центре уже знают. Вот-вот прилетит патрульный крейсер.

Он поглядел на белесое, иссушенное небо, будто крейсер мог возникнуть там в любой момент.

– Лететь далеко, – сказал помощник капитана, имени которого Ольсен не помнил. Он держал на ладони золотистый кристалл с отбитым верхом. Кристалл был жизненно важной деталью рации. Ольсен этого не знал.

Ольсен вытер рыжим платком рыжий лоб.

Вернулся ВараЮ. За ним брел потный стражник.

– Поехали в больницу, – сказал ВараЮ. – Надо поговорить с диспетчером. Если вы не устали.

Ольсен безумно устал, но, конечно, не отказался от поездки. Тем более его машина была самой быстрой в городе.

В больнице были через полчаса.

Они быстро поднялись по лестнице в круглый зал нижнего вестибюля. Там царила суматоха. Стражник и санитар держали за руки мрачного человека в зеленой врачебной тоге. Оказалось, что этот человек десять минут назад проник в палату диспетчера, который пришел в себя, и пронзил его стрелкой без клейма. У Пруга Брендийского остались в городе

верные слуги.

А пока ВараЮ с Ольсеном были в палате, где врачи без особой надежды, скорее в страхе перед ВараЮ, старались оживить диспетчера, убийца успел, хоть его и держали крепко, принять яд.

* * *

Пустота планеты Ар-А была условной. На ней существовали животные и даже потомки людей – амляки. Именно потомки, потому что лучшего слова не придумал.

Это были бессловесные твари, жившие небольшими стаями, почти беззащитные перед крупными хищниками и в то же время сохранявшие какие-то остатки интеллекта, что позволяло им выжить в этом чужом и жестоком мире.

Амляки (а название возникло из-за звукоподражания – существа все время что-то бормотали: ам-ляк-ам-ляк-ам-ляк) не ощущали никакой связи с развалинами городов, но в то же время какие-то инстинкты тянули их к кладовым. Больше того, по скоплениям стай амляков можно было отыскивать кладовые.

Видно, гибель человечества на Ар-А, хоть и была относительно быстрой и необратимой, случилась не мгновенно. Последние разумные жители планеты – вернее, наименее пораженного среднего континента – не только успели спрятать в пещерах наиболее ценные, с их точки зрения, вещи и оружие (никто из них так до конца и не осознал, что они последние свидетели самоубийства целой планеты), но и вели до последнего момента записи, фиксировали события. И ждали. Ждали, когда все это кончится, и, как ни странно, представляли себе окончание смертей и бедствий как победу над врагом. Обе стороны. Возможно, жертвы, принесенные всеми в той бессмысленной войне, были столь велики и непостижимы, что тщетность их оскорбляла сознание более, чем страх всеобщей смерти.

Всеобщая смерть слишком абстрактна. Она даже более абстрактна, чем собственная смерть. Могут погибнуть многие, но не я, могут погибнуть многие, но не все. Так уж устроен человек, в какой части Галактики он бы ни жил.

Средства генетической войны предусматривали полное уничтожение врага. Именно врага. И как всегда бывает на войне, когда средства нападения обгоняют средства защиты, с противоядиями просчитались. Чтобы сделать их эффективными, потребовалось бы еще несколько лет работы. Но ученые и стратеги так спешили уничтожить, что и сами погибли раньше, чем можно было найти спасение. По-настоящему работы над поисками противоядия начали, когда уже было поздно. И какими бы отчаянными ни были эти попытки, они были обречены на неудачу хотя бы потому, что средств на постановку эксперимента не было, да и людей уже не хватало. И с каждым днем ручьи усилий по борьбе с джинном, вырвавшимся из бутылки, становились все слабее. И тогда начали лететь головы тех, кто не мог найти противоядия, ибо генералы подозревали тающую армию ученых в нежелании работать и даже в том, что те уже знают о противоядии, но скрывают его.

В документах, найденных археологами, были отражены эти последние вспышки активности, последние погромы, лишь ускорившие всеобщую гибель.

Те, кто выжил, лишились рассудка и превратились в человекообразных тварей и сами уже забыли, что когда-то были гигантами.

Это был великолепный пример торжества изобретений, приведших к гибели изобретателей и системы, породившей изобретателей. Очевидно, в том была определенная высшая справедливость, ибо изобретение было сделано с целью убивать людей. Убивать «чужих». Но как всегда бывает на войне – не хватило времени для того, чтобы как следует подумать. И убили всех.

* * *

Начальник археологической экспедиции Тимофей Браун был, разумеется, обеспокоен

отсутствием связи, но серьезных оснований для тревоги не было, потому что «Шквал», как им сообщили раньше, должен был прибыть еще только через два дня. Поэтому в тот день работали как обычно. С утра начали обследовать подземелье в мертвом городе, которое, судя по всему, обещало интересные находки. Во время последней войны там находился штаб фронта и арсенал.

К обеду археологи вернулись к себе в купол. Эльза, жена Тимофея, принялась готовить обед, а механик Львин решил наконец починить археоробота Гермеса, который в своей восьмой экспедиции что-то начал барахлить. Сам Тимофей принялся разбирать бумаги, привезенные из подземелья. Именно в это время в трех километрах от купола и опустился «Шквал». Опустился беззвучно, мягко, словно подкрался. Браун ощутил, как вздрогнула земля, и решил, что это толчок землетрясения. Он не удивился, потому что эта область была сейсмичной.

– Ты слышал, Тима? – спросила Эльза из камбуза. – У меня чуть чашка не упала.

– Здесь нам ничто не грозит, – отозвался Тимофей.

* * *

Пруг не хотел терять время даром. Как только «Шквал» опустился на поляну, где всегда опускались посадочные катера, и локаторы определили, что их никто не встречает, он приказал выкатить вездеход, взять на него Фотия ван Куна и десять воинов. Вездеход должен был первым делом захватить жилище археологов, а затем, не теряя времени, направиться к арсеналам. Командовать экспедицией он решил сам.

И все прошло бы, как того хотел Пруг, если бы не неожиданный поступок Фотия ван Куна. Его вывели к открытому люку. Воины стояли у входа, тихо переговариваясь. Тишина, владевшая миром, приказывала им быть осторожными, как охотникам в незнакомом лесу. Пустошь, покрытая редкой травой, уходила к низкому серому лесу, за которым поднимались тоже серые, голубоватые холмы. Странная тишина, безветрие, низкие облака, сгущавшиеся перед дождем, – все это наполняло пейзаж тревогой.

Фотий ван Кун стоял в стороне, в полутьме, на расстоянии вытянутой руки от крайнего воина. Он тоже смотрел наружу, но видел совсем иное. Он видел знакомую уже поляну, за которой будет пригорок, поросший корявыми колючими деревьями, затем, если обогнуть пригорок узкой дорожкой, будет другая поляна у скал. Там купол и служебные помещения экспедиции, где домовитая Эльза Браун, неразговорчивый Тимофей ждут его, где Львин сейчас напевает неразборчивую для европейского уха бирманскую песню и что-нибудь, как всегда, мастерит и не подозревает, что корабль, которого ждут с таким нетерпением, – оборотень, таящий внутри себя смертоносные микробы вражды. И эти существа, которые вполголоса разговаривают рядом, через минуту могут обернуться жестокими чудовищами...

Один из воинов вдруг сказал что-то громче. Остальные после паузы засмеялись. Фотий ван Кун глядел на их босые ноги. Смех показался ему зловещим. Он неправильно понял причину смеха.

ДрокУ, старший воин, из благородных, желтоволосый исполин с тщательно завитыми и смазанными жиром усами, сказал, что хорошо бы было, если бы гиганты вымерли, но их женщины остались. Над этой шуткой и засмеялись воины.

Разумеется, если писать о представителе великой и мудрой галактической цивилизации, то приятнее полагать, что такого человека не могут сломить побои и пытки. Что истинная интеллигентность воспитывает внутреннее презрение к боли и мучениям. Разумеется, этот идеал вряд ли достижим. Фотий ван Кун был напуган, унижение и боль жили в его теле. Но в то же время в нем росла ненависть к тем, кого он предпочитал называть существами, так как был приучен с детства к определенным правилам, признакам, отличающим людей от иных неразумных существ. Ненависть была бесплодной, она питалась озлобленными мечтами выпоротого мальчика. Планы мести были грандиозны и невыполнимы. Фотий ван Кун старался верить, что наступит момент, когда он властно

заговорит с мучителями, раскидает их, беспомощных и испуганных, в разные стороны...

А пока что его использовали как приманку, и все произошло так быстро, и вот, никому не нужный, он стоит за спинами здоровенных горцев, которые смеются над ним.

Он понимал, что три археолога – последние свободные люди на планете. В ван Куне росло нетерпение, обязательность действия. Неизвестно, как остановить пиратов, но и бездеятельность была невыносима.

Начался мелкий занудный дождик. Капли взбивали пыль на пандусе и затягивали туманной сеткой недалекий лес и холмы. Вездеход стоял совсем близко от пандуса, в нескольких метрах. Фотий ван Кун смотрел на вездеход и удивлялся: как же они не сообразили, что вездеход нужно охранять? Ведь кто-нибудь может добежать до него, влезть внутрь и умчаться в лагерь. И тут же он спохватился: а кто сможет это сделать? Пилоты заперты по каютам. И тогда он понял, что когда рассуждает о «ком-то», то имеет в виду себя самого. Это он может добежать до вездехода, прыгнуть в открытый боковой люк и помчаться к лагерю...

Он мысленно добежал до вездехода, пригибаясь и виляя по полю, чтобы в него не могли попасть из духовых трубок, прыгнул внутрь и даже мысленно закрыл люк. Он вздохнул с облегчением и только тогда понял, что на самом деле он никуда не бежал, а по-прежнему стоит рядом с воинами.

За спиной археолога в глубине коридора слышались голоса – к выходу спешили горцы, чтобы отправиться в лагерь экспедиции. И этот шум как бы ударил Фотия ван Куна в спину. Он отчаянно оттолкнул ДрокУ, чуть не свалил с ног другого воина и кинулся вниз по пандусу. Он забыл о том, что надо вилять и пригибаться, потому что оказалось, что до вездехода куда дальше, чем казалось. И все силы ван Куна ушли на то, чтобы добежать.

От неожиданности воины не сразу начали стрелять. И не сразу погнались за археологом.

Ван Кун уже карабкался в открытый люк, когда одна из стрел настигла его, но, к счастью, лишь пронзила рукав. Фотию показалось, что кто-то держит его, и он закричал, вырываясь, и рванулся так отчаянно, что разорвал крепкую ткань и упал внутрь машины, расцарапав щеку. Через несколько секунд Фотий ван Кун настолько пришел в себя, что закрыл и задраил люк. Тут же по люку ударил боевой топор ДрокУ.

Фотий ван Кун перебрался на сиденье водителя и включил двигатель. Стрела влетела в приоткрытое окно вездехода, ударилась о стенку над головой ван Куна и упала рядом с ним. Пригнувшись, ван Кун рванул машину вперед, вездеход подпрыгнул. Он не был приучен к такому обращению. Но вездеход был прочной машиной. Он выпрямился и шустро пополз, отбрасывая гусеницами траву и прибитую начавшимся дождем пыль.

ДрокУ пробежал несколько шагов за вездеходом, потрясая кулаком, затем уже бесцельно пустил стрелу вслед и остановился. Вездеход мчался к деревьям. Еще через две минуты он скрылся в чаще.

* * *

ВосеньУ включил интерком и сказал Пругу Брендийскому, что археолог убежал. Он говорил быстро, повторив несколько раз, что это случилось до того, как он подошел к выходу.

– Я тебя убью, – сказал Пруг. – Как его догнать?

– Я выведу второй вездеход с корабля.

– Я сам поеду.

Пругом Брендийским владело холодное бешенство, которое не мешало ему трезво думать. То, что случилось, могло провалить все как раз в тот момент, когда он был близок к цели. Обратного пути нет. Он поставил на карту все, и проигрыш означал смерть и бесчестье. Бешенство поддерживалось еще и сознанием того, что его помощники ненадежны. ВосеньУ, хоть и привязан к нему общей судьбой, принадлежит к другому клану.

Он всегда докажет, что был жертвой... хотя и трудно будет доказать, если у него такой кровник, как агент Космофлота ДрейЮ. Это хорошо, что ДрейЮ кровник ВосеньУ. Это хорошо... ДрокУ, старший над воинами, хоть и надежнее, чем ВосеньУ, потому что он горец, тоже опасен. Где он был эти годы? В городе. Что делал? Кому служил?

Стена транспортного отсека медленно сдвинулась с места и отъехала в сторону. ВосеньУ добился своего.

– Садись, повелитель, – сказал ВосеньУ хрипло.

Как он меня ненавидит, подумал Пруг. Лучше не поворачиваться к нему спиной.

– Прости меня, ВосеньУ, – сказал Пруг, хотя и не должен был так говорить с низким человеком. – Сейчас решается все. Если мы не успеем, мы с тобой погибли. Если мы возьмем их, то мы с тобой господя всей Пэ-У.

– Слушаюсь, господин, – сказал ВосеньУ, открывая люк вездехода.

* * *

Тимофей, выглянув в окно, увидел, как к станции несется вездеход. Вездеход был незнакомый, взяться ему было неоткуда.

– Львин, Эльза, – сказал Тимофей. – У нас гости.

Он отложил пленку и быстро направился к двери.

– Как же мы не увидели корабль? – всполошилась Эльза. – А у меня обед не готов. Фотий, наверно, голодный.

Они выбежали наружу, когда откинулся боковой люк и из вездехода вывалился Фотий ван Кун. Он был странно одет. Без куртки, в рваной фуфайке, босиком. Лицо его было в крови.

Поняв, что Фотий один, Тимофей подбежал к нему. За ним Львин. Эльза, которая тоже успела к дверям, увидела, как они подхватили Фотия ван Куна и тот начал быстро и невнятно бормотать:

– Скорее, они за мной... скорей же, я говорю! Чего же вы, да отпустите меня...

Тимофей и Львин повели Фотия к станции. Эльза подбежала к вездеходу и заглянула внутрь – ей показалось, что там кто-то остался. Там никого не было. Когда она догнала мужчин, те уже втащили потерявшего силы Фотия внутрь. Тот был почти невменяем.

– Что с тобой? – ахнула Эльза.

– Скорее, – пробормотал ван Кун, потянулся к столу, схватил пышку с блюда и начал жадно жевать.

– Они совсем не кормили... – сказал он. – Чего же вы сидите? Они сейчас будут здесь!

– Его надо перевязать.

Фотий вскочил, он говорил из последних сил:

– Через две минуты они будут здесь! Забрать карты и схемы – больше ничего! И оружие. И на вездеходе в лес, потом будем промывать раны. Корабль захвачен бандитами. Все в плену...

И тут он, поняв, что его слова дошли до остальных, мягкой куклой осел на руках у археологов.

– Что он говорил? Что он говорил? – спросила Эльза. – Он бредил?

– Эльза, немедленно собирай схемы раскопок, все ленты с данными – и в вездеход, – сказал Тимофей. – Львин, на тебе аптечка и припасы...

Львина уже не было рядом. А Эльза все не отходила. Как и другие участники этой истории, она не могла поверить в то, что происходит нечто вне ее опыта, вне ее понимания.

– Что случилось? – спросила она. – Он болен? На него напали?

– Разберемся потом. Если тебя не будет через две минуты на борту вездехода – уходим без тебя.

Но Эльза и тут не ушла. Потому что она знала своего мужа ровно двенадцать лет, она знала его и в добрые моменты, и в беде. Но никогда не слышала этого голоса.

– Тимофей, я умоляю!

Но Тимофей словно перестал ее замечать. Он потащил Фотия ван Куна наружу, к машине.

– Нельзя так! – крикнула Эльза. – Он истекает кровью. Его надо перевязать.

Эльзе ни разу в жизни не приходилось попадать в ситуации, значения которых понять было нельзя. Она была гордой женщиной. Она не умела кланяться. Ни Львин, ни Тимофей не сталкивались с пиратством в космосе. Но Тимофей Браун провел полгода на планете, где песчаные ураганы налетали неожиданно и страшно, и видел, как его близкий друг, не поверивший в то, что надо бежать, прятаться, опоздал и погиб. Львин был альпинистом, тихим, упорным, отчаянным, который ради победы научился отступать и не видел в этом ущерба своей гордости. То есть у них был жизненный опыт, опыт встреч с настоящей опасностью. И они поверили Фотию, хотя никогда не слышали о Пруге, наследнике Брендийском, и его правах на престол.

Тимофей втащил Фотия в открытый люк и положил на пол кабины. Он тащил его один, спешил и потому задел ногой о приступок. Фотий вскрикнул, не приходя в сознание.

Тут же Тимофей метнулся обратно к люку и еле успел отпрыгнуть – Львин швырнул в люк контейнер с медикаментами.

– Где Эльза? – крикнул Тимофей.

Львин бросился к двери, подхватил там второй контейнер – с аварийным запасом продовольствия.

– Она идет, – ответил он.

К счастью, Эльза не заставила себя ждать. Она выбежала с охапкой лент и блокнотов – документацией экспедиции, листки и ленты падали на землю. Тимофей побежал навстречу ей, чтобы помочь. Львин тащил к люку контейнер с продуктами. И в этот момент сквозь громкий стук собственных сердец они услышали шум двигателя – к станции шел другой вездеход. Внезапно шум двигателя оборвался.

Они замерли на секунду, затем, помогая друг другу, полезли в люк, захлопнули его, и тут же Тимофей включил двигатель. И если бы они могли слышать, то услышали бы, как через полминуты зашумел двигатель и второго вездехода. Все объяснялось просто: ВосеньУ, который вел вездеход по следам первой машины, потерял след на каменной сыпи, но, когда он услышал, как заревел, срываясь с места, вездеход археологов, он уже уверенно бросил свою машину вдогонку.

Вездеход трясло. Эльза села на пол и положила голову Фотия себе на колени. Львин раскрыл аптечку и обработал рану на его щеке.

Браун повернул машину направо, въехал в неглубокую быструю речку и пошел вверх по течению, хотя понимал, что это вряд ли собьет преследователей со следа.

Черт возьми, думал он, стараясь обходить крупные камни, чтобы машина меньше дергалась. Кто они? Взбунтовался экипаж? Невероятно. Космические пираты? Достояние приключенческой литературы... Может, что-то случилось на Пэ-У? Он где-то читал, что там есть изоляционисты. И тут он понял, куда ведет машину. Он вел ее туда с самого начала, но подсознательно. К новому раскопу в мертвом городе.

Старые раскопы, с так называемыми кладовыми, были ближе, и до них он бы добрался уже минут через десять, чтобы скрыться в хорошо знакомых лабиринтах. Но от этого его остановили два соображения. Во-первых, слова Фотия о том, что надо взять с собой все схемы и материалы раскопок. У ван Куна были с собой данные по разным раскопкам. Если они попали в руки тех, кто за ними сейчас гонится, значит, они знают план лабиринтов не хуже самого Брауна.

Поэтому метров через двести Браун свернул в известное ему русло заросшего канала. Машина сразу погрузилась до половины в воду. Дно канала когда-то было выложено плитами, на которые наплыл толстый слой ила. Гусеницы пробуксовывали, нижняя половина иллюминаторов стала зеленой...

Они катили по бывшей улице. Кое-где в зелени виднелись фундаменты, а то и стены

небольших строений. Затем была большая воронка с оплывшими краями, на дне ее зеленела вода. На краю воды сидели три амляка, сидели сурками, ничего не делали. Один из них поднял голову на шум машины и проводил ее равнодушным взглядом.

Въезд в подземелье – бывшее убежище или подземный завод – был как раз за скелетом какого-то громоздкого строения, схожего со скелетом ископаемого динозавра. Они еще не знали, насколько глубоко оно тянется. Браун рассудил, что это лучшее укрытие – масса металла вокруг скроет вездеход надежнее, чем любая крепость.

* * *

Пруг потерял след археологов в мертвом городе. Груды развалин, переплетение ржавых металлических конструкций, полузасыпанные воронки... в этом лабиринте не мог помочь ни один локатор. И все же из упрямства, из надежды на чудо, на везение Пруг заставлял ВосеньУ крутиться по бесконечным улицам. Воины сидели молча, они оробели. Такого города они никогда не видели. Им уже казалось, что отсюда никогда не выбраться. Наконец, когда вездеход в третий раз оказался на площади с громадной затопленной воронкой посередине, Пруг приказал остановиться.

Пруг вылез из вездехода и долго стоял, принохиваясь. На большом холме, образовавшемся от разрушенного холма, успокоенные тишиной, появились амляки. Пруг знал об амляках от Фотия ван Куна, он знал, что они неопасны, что они – жалкие вырождаки, потомки гигантов. Поэтому, чтобы успокоиться, Пруг выпустил по ним заряд из автомата. С вершины холма донесся писк – так плачет маленький ребенок.

Пруг усмехнулся.

– Все равно мы победим, – сказал он. – Богиня УрО не оставит нас.

– Богиня не оставит, – нестройно поддержали его воины.

ВосеньУ молчал. Больше всего на свете он хотел бы вернуться на неделю назад. Хотя бы на неделю, в тихий дом Космофлота. И никогда бы не встречать Пруга Брендийского.

– КрайЮ, пойди сюда, – сказал Пруг.

Старый могучий воин, лучший следопыт гор, выбрался из вездехода.

– Ты останешься здесь, – сказал Пруг. – Ты будешь моими глазами и ушами. Возьми оружие и рацию. Ты понял? Как только услышишь подозрительный шум, как только увидишь их, сразу сообщи мне.

– Я понял, вождь, – сказал старый воин.

– Ты не боишься?

– КрайЮ не боится.

Воину было страшно. Но худшим, чем смерть, позором было признаться перед своим вождем в страхе.

– Господин, – из вездехода высунулся младший брат КрайЮ, – можно я останусь тоже?

– Нет, – сказал Пруг. – Ты будешь нужен.

Вездеход медленно уполз. КрайЮ осторожно взобрался на развалины. Он ждал. Он слушал.

На обратном пути Пруг приказал остановиться на старых раскопках. Он знал о них по фотографиям и планам, отнятым у Фотия ван Куна. Когда-то бомба попала здесь в подземные склады, и перекрытия рухнули. Археологи вскрыли подземелья. Там было много интересного именно для археологов, но то, что интересовало Пруга, оказалось в весьма плачевном виде. В разбитых ящиках, сплавившись в слитки металла, лежали пули, ржавые изогнутые стволы пушек торчали из земли, бесформенные куски металла когда-то были боевыми машинами.

Гнев Пруга сменился усталостью. Когда Фотий ван Кун говорил ему, что оружие из арсеналов Ар-А бесполезно, Пруг относил эти слова за счет хитрости археолога. Теперь он убедился в том, что археолог прав.

– Но это ничего не значит, – сказал он, трогая носком золотого башмака изогнутый

ржавый ствол.

– Простите, господин? – не понял его ВосеньУ.

– Здесь плохое оружие. В другом месте хорошее оружие.

Пруг показал в сторону мертвого города.

– Мы возвращаемся? – спросил ВосеньУ.

– Воины! – воскликнул Пруг, который любил, чтобы все знали, что он блюдет древние обычаи. – Завтра мы найдем большие богатства. А сегодня вы можете взять все, что вам нравится в этом доме.

И широким жестом он направил воспрянувших духом воинов к куполу археологов.

* * *

– Что им здесь нужно? – спросил Львин, стоя у входа в подземелье и глядя, как мелкий дождик стучит по неровным плитам и мостовой. – Чего прискакали?

– Они верят в арсеналы Ар-А, – сказал Фотий ван Кун.

Эльза принесла им по куску пирога.

– Я правильно сделала, что взяла пирог, – сказала она. – По крайней мере, поедите как люди. Ты говоришь, что они дикие?

– Относительно, – сказал Фотий ван Кун. – Ведут себя как варвары. А знаете, я там, на Пэ-У, нашел солдатиков. Боюсь, что они их потеряют.

– А, солдатиков! – понимающе откликнулся Львин.

– Ну что же мы стоим! – вдруг взорвался Фотий. – Я же повторяю: они варвары! Они на все способны!

Несмотря на то что он побывал в руках у горцев, за часы, проведенные на воле, он как бы забыл о собственном ужасе и унижении. Сейчас он горел желанием немедленно отомстить Пругу.

– А что ты предлагаешь? – спросил Тимофей Браун.

Он аккуратно доел кусок пирога, собрал крошки на ладонь и высыпал их в рот.

– Я? – Ван Кун уже знал, что надо делать. – Мы сейчас едем к кораблю. Как только стемнеет, берем его штурмом. Снимаем охрану и освобождаем наших. Это так очевидно!

– Корабль стоит на открытом месте, – сказал Браун. – Вход только один. Разбойники вооружены.

– А что? Стоять и ждать? Да? Стоять и ждать? А они там избивают их! А тебе все равно? – разбушевался ван Кун.

– Спокойнее, Фотий, – сказала Эльза. – Ты же знаешь, какой Тимофей разумный. Он обязательно что-нибудь придумает.

Но Браун ничего не мог придумать. Кроме того, что отсиживаться глупо. Но, наверное, сначала надо вернуться на базу, поглядеть, уехали ли они с нее, а там заpastись всем необходимым. Они бежали так быстро, что многое забыли.

– Так поехали, – сказал Тимофей. – Выводи вездеход, и поехали.

– Пожалуй, Эльзе лучше остаться здесь, – сказал Тимофей. – И одному из нас.

– Я бы поехала с вами, – сказала Эльза.

– Нет, дорогая. – Браун был тверд, и Эльза кивнула. Она привыкла ему подчиняться, потому что была той счастливой женщиной, которая уже двенадцать лет убеждена, что ее муж – самый разумный и серьезный человек в Галактике. Если это и было не так, то Эльзу с ее позиции не смог бы сбить никто.

– Кто останется с Эльзой?

Он посмотрел на Львина. Маленький бирманец отрицательно покачал головой.

– Я не хотел бы оставаться, – сказал он.

Львин знал, что Браун умен и рассудителен. Но в отличие от Эльзы он мог ставить под сомнение окончательность его решений.

Браун хотел было сказать, что он сильнее Львина, что он лучше его обращается с

оружием и водит машину. Но эти аргументы были условны и неубедительны. Просто Браун не представлял себе, как он останется здесь и будет в бездействии ждать. Ему было страшно оставлять Эльзу. Но куда опаснее брать ее с собой. Они уже знали, что живут с Пругом и его спутниками по разным законам. Настолько разным, что даже нет точек взаимопонимания. В мире без войн, в мире установленных законов Пруг был вызовом не только галактическому обществу вообще, но и комплексу морали каждого из тех, кто с ним сталкивался. Одно дело – Галактический центр. Ему приходилось иметь дело с существами и ситуациями куда более драматическими и опасными, чем Пруг – в общем, мелким явлением даже в масштабах его собственной планеты. Требовалось сочетание экстраординарных обстоятельств, чтобы из воробьиного яйца вылупился коршун. Но уж раз коршун вылупился, обращаться с ним можно было лишь как с хищником. И всем участникам этой драмы пришлось внутренне перестроиться. Хотели они того или нет. Если можно сравнивать, а любое сравнение приблизительно, археологи были, скорее всего, жителями города, в котором прорвало дамбу и приходится вставать ночью, идти к реке и таскать мешки с песком, потому что стихию нельзя уговорить или умолить. И именно серьезность того, что происходило, заставила Тимофея Брауна оставить Эльзу в подземелье, что было нарушением всех инструкций. Но Браун знал, что волки в подземелье не заходят и по-настоящему опасные хищники находятся на корабле. В то же время Браун понимал, что не имеет достаточной власти над археологами, чтобы оставить здесь кого-либо из них.

– Я прошу тебя, – Браун старался говорить сухо и буднично, словно отправлялся на раскоп, – далеко от укрытия не отходить.

– Может, все же разрешишь...

Эльза криво улыбнулась. Ей не страшно было оставаться, об этом она в тот момент не думала, она очень боялась за Тимофея.

– Я приготовлю ужин к вашему возвращению, – сказала она.

И все согласились, что это очень правильное решение.

* * *

Они довольно долго, спрятав вездеход за деревьями, наблюдали за станцией, чтобы выяснить, не оставлена ли на ней охрана. В конце концов ожидание стало невыносимым, и Львин перебежками добрался до купола. Остальные следили за ним, готовые бежать ему на помощь.

Львин подбежал, пригибаясь, к окну станции и заглянул в него. Затем поднялся во весь рост и уже смело пошел к двери. Дверь была приоткрыта. Он исчез внутри, через минуту вышел вновь на порог и крикнул:

– Идите. Только не пугайтесь.

Когда Фотий и Браун подошли к станции, Львин сказал:

– Какое счастье, что Эльзы нет. Она бы умерла от горя.

Тимофей, зная, какой чистюлей была его жена, согласился с Львином. Мало того, что на станции все было перевернуто и разбито, словно там веселилось стадо слонов, но создавалось впечатление, будто налетчики нарочно гадили там, запугивая ее обитателей. Особенно досталось кухне. Жалкие остатки праздничного обеда, который так изобретательно и тщательно готовила Эльза, были разбрызганы по комнате, а затем кастрюлями кто-то играл в футбол...

– Что ж, – сказал Браун, – теперь к кораблю. Уже темнеет, и лучше нам подобраться поближе, пока не стало совсем темно.

Они вернулись к вездеходу и поехали к посадочной площадке, но не прямым путем, а по длинной, похожей на ятаган ложбине, которая должна была вывести к кораблю с фланга, где их вряд ли ждали.

Наступил теплый вечер. Из тех сказочных, мирных вечеров, что бывают на Ар-А в конце лета. Небо, темно-синее над головой, алело к закатному солнцу, а облака, которые

слоями плыли в той стороне, были зелеными, с очень светлыми, оранжевыми краями. Пэ-У уже поднялась в небо, как большая луна, она была желтой, и видно было, как по лицу ее океанов завиваются вихри циклонов. Редкие птицы – генетическая война сильно разрядила и их мир – кружились над осторожно ползущим вездеходом, потому что, разбуженные его гусеницами, взлетали перепуганные жуки и бабочки.

* * *

Старый КрайЮ, лучший охотник Брендийского клана, который попадал из духовой трубки в глаз птице, летящей под облаками, и мог выследить горного медведя по следу, оставленному три дня назад, услышал, как по улице ползет вездеход. Он не видел, откуда вездеход выбрался, и не смог найти по следам подземелье, потому что вездеход не оставлял следов на каменных оползнях и мостовых, но смог перебраться к подземелью ближе, чем те развалины, в которых его оставили. Оттуда он и сообщил на корабль, что археологи что-то замышляют.

– Хорошо, – сказал ВосеньУ, – я доложу князю.

– Хорошо, – сказал Пруг, узнав об этом. – Мы пойдем кушать. Когда они будут близко, сообщу.

* * *

Вездеход археологов запеленговали в километре от корабля.

Возвращаясь после неудачной охоты на археологов, Пруг был удивлен, что смог подъехать к самому пандусу «Шквала» и никто его не заметил. Поэтому он приказал ДрокУ включить на темное время прожекторы и пеленгаторы и посадить на пульте управления ВосеньУ – на всю ночь. А рядом воина позлее, чтобы не дал ВосеньУ заснуть.

Сам наследник Брендийский в это время как раз откушал в обществе ДрокУ, и настроение его куда как улучшилось. Его сладко тянуло в сон, и он дал бы волю этому благородному желанию, если бы не остались еще дела.

Отодвинув площадки и курильницу, Пруг склонился над картой археологических раскопок, чтобы определить дела на завтра. В этот момент и вызвал его ВосеньУ.

– Вождь, – сказал он, – мы видим машину, которая медленно едет к кораблю.

– Далеко? – спросил Пруг.

– Они сейчас примерно в тысяче шагов. Едут не прямо, а лесом, стараются не выходить на открытое место.

– С какой стороны едут?

– С той же, куда ездили вы, господин.

– Все правильно. – Пруг улыбнулся, и улыбка утонула в толстых щеках. – Они думают просто. Их действия обычны. Хорошо, что мы дали убежать этому сумасшедшему. Он сказал им, что мы – дикие люди, совсем дикие, почти как звери. Что мы не знаем, как управлять кораблем. Мы не знаем, как смотреть из корабля наружу. Они приедут и возьмут нас спящими. Какие молодцы! А ну, выключить лампы! Пускай будет темно! Открыть дверь, убрать часовых...

Пруг даже захлопал в ладоши от возбуждения. ДрокУ согласно кивнул.

– Вы правы, вождь, – сказал он. – Но есть одна опасность.

– Говори.

– А вдруг они взяли оружие гигантов?

– Я и это предусмотрел, – сказал Пруг. – Поэтому я и приказал потушить лампы. Когда враг видит, что крепость готова к бою, он готовится к штурму и настраивает катапульты. Когда враг видит, что крепость спит и защитники ее глупы, он смело входит внутрь. В темном коридоре оружие гигантов не поможет.

* * *

Издали Тимофей увидел зарево над кораблем.

– Плохо, – сказал он. – Они нас ждут.

– Пускай ждут, – ответил Фотий ван Кун. – Мы подождем, пока они лягут спать. Лес подходит к самому кораблю. Мы подползем к люку и ворвемся внутрь.

Львин молчал.

– Нас только трое, – сказал Тимофей Браун.

– Мы освободим пленных, – упрямо сказал Фотий ван Кун.

Вездеход подполз к опушке. Тимофей снизил скорость до минимума. И в этот момент свет погас. Корабль, угадываемый ранее лишь по цепочке огней, вдруг стал виден – верхний абрис чечевицы чернел над деревьями.

Тимофей резко затормозил.

– Видишь, – сказал Фотий ван Кун, не скрывая сарказма. – Дикари легли спать.

– Оставайтесь здесь, – сказал Тимофей, быстро открывая люк и выскакивая наружу. Пригибаясь, он пробежал к краю кустарника и остановился, вглядываясь в темноту. Он успел вовремя.

Глаза уже привыкли к темноте, и Тимофей различил, как двинулся в сторону, открываясь, главный люк, как, словно приглашая в гости, выкатился, разворачиваясь, серебристый пандус. Какая-то фигура тенью мелькнула в отверстии люка и исчезла.

Корабль молчал. Он ждал гостей.

Тимофей Браун вернулся к вездеходу. Захлопнул люк. Фотий ван Кун выжидающе смотрел на него.

– Нас ждут, – сказал Браун. – Капкан готов. Можно заходить.

– Откуда они могут знать? – возмутился ван Кун.

– У них есть локаторы, – ответил Львин. – Это логично.

– Вы их не видели! – нервно засмеялся Фотий ван Кун. – Это же гориллы. Они не представляют, как их включить. Они же босые!

– Прожектора горели, – тихо сказал Львин. – Прожектора потухли.

– Они открыли люк и спустили пандус, – добавил Тимофей.

– Я думаю, что нам пора возвращаться, – сказал Львин.

– Ни за что! – воскликнул Фотий. – Я остаюсь. Я один пройду внутрь! Дайте мне пистолет.

Тимофей сидел, положив руки на рычаги управления.

– Идет война, – сказал он, будто не слыша криков Фотия. – В войне нужно оружие.

– У нас нет оружия, – сказал Львин.

– У нас есть оружие, – ответил Тимофей. – В подземелье. Просто нам не приходило в голову, что оно когда-нибудь вновь сможет убивать.

– По крайней мере, оно не должно попасть им в лапы, – сказал Львин.

– И мы так все оставим? – спросил Фотий, уже сдаваясь.

– Мы ничего так не оставим, – сказал Браун. – Но сейчас мы возвращаемся в город.

* * *

Пруг наблюдал за тем, как зеленая точка вездехода на экране локатора, постояв несколько минут неподалеку от корабля, медленно поползла вдаль.

– Догадались, – сказал он разочарованно. – Не надо было сразу выключать лампы. Вызови КрайЮ.

ДрокУ включил связь.

– Ты не спишь, КрайЮ? – спросил он.

– Я не сплю, – ответил далекий голос.

– Эти люди на машине сейчас возвращаются в город. Ты услышишь их. Они едут

медленно. Ты должен понять, где они прячутся. Ты понял?

– Я понял.

– А теперь спать, – сказал Пруг Брендийский. – Всем спать, кроме тебя, ВосеньУ. И закрыть вход в корабль. Если кто-то из них остался рядом, я не хотел бы, чтобы он залез внутрь. Завтра большой день.

Через час КрайЮ сообщил на корабль, что выследил, как машина археологов спряталась в большую черную дыру.

* * *

Корабль Космофлота «Вациус», изменив курс, шел к планете Пэ-У.

Связи с планетой все еще не было, но капитан «Вациуса» знал, что через день или два они войдут в сферу действия планетарной связи. А такая станция была в консульстве Галактического центра. И если консульство цело, то они получают необходимую информацию.

* * *

Эльза смотрела, как вездеход переваливает через пригорок и скрывается среди скелетов зданий. Даже когда он совсем исчез и стало очень тихо, она продолжала стоять у входа в подземелье и смотреть в ту сторону.

Ей еще никогда не приходилось оставаться здесь одной. Совсем одной. Нет, бывало, конечно, что она оставалась одна на станции, если дежурила по кухне или накапливалось много камеральной работы. Но это было иначе. Она была дома. Она могла закрыть за собой дверь и, если нужно, связаться с Тимофеем. А тут еще так глупо получилось: все были одеты по-домашнему, никто не надел рацию – браслеты тяжелые, граммов по двести – кто их будет носить дома? А когда бежали со станции, попросту забыли о них. Некогда было думать...

Когда вездеход отъехал далеко, мир разрушенного города, испуганный вторжением людей, стал постепенно оживать, будто не хотел замечать, что Эльза осталась здесь.

По мостовой, изрытой дождями и ветрами, среди травы, пробивающейся между плит, пробежали вереницей серые зверьки – целая семейка, мал мала меньше, летучие крысы тяжело поднимались из-за огрызков стены, наступало их время – сумерки, они беззвучно кружили над Эльзой, словно разминаясь после дневного сна. На обвалившейся каменной башне возник силуэт волка, и Эльза вздрогнула, отступила в тень входа в туннель.

Но этот короткий страх, хоть и быстро миновал, родил в Эльзе настороженность, осознание того, что ее некому защищать и что она должна стать такой же осторожной и тихой в движениях, как остальные обитатели города.

Самое разумное было заняться делом – готовить ужин к возвращению археологов и забыть, что те поехали к врагам. Именно к врагам, а это означало, что есть люди, которые могли избивать милейшего и нервного Фотия ван Куна, которым нужны какие-то арсеналы или сокровища... Можно провести всю жизнь на раскопках, вскрыть множество погребений или раскопать несколько умерших городов, но так и не осознать, что эти предметы могут иметь какую-то иную, кроме научной, ценность. Даже видя их в музее, под стеклом, мягко освещенные, на бархате, вспоминаешь лишь хмельное чувство удачи, которое пронзает, если вдруг из серой спекшейся земли, из черных прогнивших стволов, из каменного крошева блеснет точкой обещание чуда, камень или обломок металла, появится горлышко амфоры или стеклянного сосуда...

Археология, выйдя в космос, неизбежно изменилась. Если на Земле ее объектом был древний мир, ну в крайнем случае Средневековье, то космоархеологам пришлось столкнуться с иными площадками. Раскапывали не только древности на обитаемых планетах, хоть это и оставалось основной работой, но и следы цивилизаций, достигших достаточно больших высот технологического развития, столицы государств, погибших в войнах, когда в

братских могилах находили пулеметы. Еще удивительнее было раскопать жалкие и величественные останки музея, в которых когда-то другие археологи, столетия назад, свозили, тщательно реставрировали и выставляли под стеклом на бархате при мягком освещении сокровища их древнего мира.

Археология, хоть и с некоторым запозданием, обзавелась техникой и приборами, которые позволяли ускорить поиск и сам процесс раскопок и датировки. Даже небольшая экспедиция имела локаторы на дерево, металл, кость и камень с проникающей способностью до тридцати метров. Были в экспедиции и два археоробота – машины, приученные работать не только лопатой, но и кистью, конечности которых не повредили бы и пушинку и в обширном чреве которых таились консервационные лаборатории. Цены этим роботам не было. Один из них, Гермес, был испытан, надежен, но стар и ленив, а второй – Ксилофат, чудо современной техники, страшно капризен. Эльза не знала, что Гермес лежит поверженный и разбитый камнями, которые метали в него горцы, а чудо современной техники валяется под обрывом в ложе пересохшего ручья.

Небо, которое вначале показалось Эльзе таким красивым, постепенно темнело и теряло краски заката. Из-за развалин потянуло сырым холодком. Эльза мысленно ехала вместе с мужем. Сейчас они уже у станции. Они осторожны, они должны быть крайне осторожны, у них ведь всего один пистолет. Что же они будут делать – штурмовать корабль? А если их заметят и пристрелят? Мысль эта была неожиданна и даже для нее самой прозвучала дико.

Эльза поежилась и отмахнулась от летучей крысы, которая пролетела так близко, что от ветерка шевельнулись волосы на голове. В городе могли таиться неизвестные твари – археологи почти никогда не выходили в темноте и мало знали ночную планету. Эльза решила вернуться в подземелье, зажечь фонарь, там все же стены, спокойнее.

Эльза вошла в широкий туннель, повернула направо, миновала открытые двери. Здесь у стены они и сложили добро, взятое со станции. Здесь лежала коробка с документами раскопок, аптечка, неприкосновенный запас еды, канистра с водой, два одеяла, фонарь.

Эльза ощупью нашла сваленные вещи, нащупала фонарь, зажгла его. Туннель уходил дальше, полого углубляясь вниз. Так были устроены здесь все подземные убежища.

Просто так сидеть было тяжело. Сразу начинаешь мысленно следовать за вездеходом и воображать, а воображение пугает. Все как в дурном сне, и все время ждешь – скоро ли можно проснуться. И не просыпаешься.

Эльза поднялась и решила пройти в глубь подземелья. И тут она услышала далекий человеческий плач.

* * *

– Нас не было два часа, – сказал Тимофей Браун, когда вездеход выбрался на дорогу и покатил к станции. – Как там Эльза?

– Странно, – подумал вслух Львин. – В масштабах Галактики, в масштабах нашего времени это такой маленький эпизодик, что о нем даже в новостях сообщать неинтересно. Какой-то князек с какой-то отдаленной планеты захватил корабль, чтобы поживиться сокровищами, которыми якобы владеет какая-то маленькая археологическая экспедиция. Через три дня прилетел патрульный крейсер, и этого князька связали... Вот и все.

– Ты не прав, – сказал Браун. – Они уже убили нескольких человек и готовы убивать еще. А если им удастся в самом деле заполучить современное оружие, они убьют много людей. И это будет уже не мелкий случай и не отдельный эпизод. Мы сейчас единственная плотина между маленькими преступниками и большим преступлением.

– Но он же должен понимать, что в этом нет смысла! – возразил Львин. – Это дело дней. Никто ему не позволит...

– А что, если к тому времени, когда ему не позволят, мы уже будем мертвыми? И другие люди погибнут. Со стороны все это мелкий эпизод. А для нас это и есть жизнь. Так что нам придется и дальше принимать решения, к которым мы не готовы.

Львин прибавил скорость, вездеход покатыл по улице. Скоро подземелье. Дорога была ярко освещена Пэ-У, сверкавшей в небе. Выбоины казались черными пропастями, сверху экзотическими занавесями свисали метровые тонкие листья.

Вездеход мягко перевалил через груду камней и оказался в широком туннеле, ведущем в подземелье.

Браун помигал прожектором. Выключил двигатель. Откинул люк. Было очень тихо.

– Эльза, – позвал он.

Только отдаленное эхо откликнулось на голос. Браун выскочил из вездехода и пошел вперед. Львин сказал:

– Мы посмотрим снаружи.

– Только осторожнее, – сказал Браун. – Там волки.

Через несколько шагов он миновал сложенные у стены вещи. Видно было, что Эльза распаковала их, собиралась готовить ужин. Но что-то ее отвлекло.

Браун, стараясь ступать тихо, пошел дальше, в глубь туннеля.

* * *

В то время как ночь в мертвом городе на Ар-А начала клониться к рассвету, «Вациус», первый из кораблей гражданского флота, спешивший к Пэ-У, приблизился настолько, что его сигналы уловила несильная планетарная станция связи в консульстве Галактического центра.

Консул Ольсен только что заснул. Он спал у себя в кабинете, не раздеваясь, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

В то время спали и космонавты, которые до двух часов старались привести в порядок станцию на космодроме, спал и господин ВараЮ, начальник стражи. Не спали лишь в доме ПетриА. До того момента, пока тело погибшей насильственным путем не будет предано очищающему огню, в доме должны бодрствовать, чтобы злые духи, привлеченные несчастьем, не захватили душу девушки. Семья сидела в той же комнате, и под руководством сонного жреца все бормотали заклинания.

Сигнал прошел слабо, но явственно и включил зуммер в кабинете консула. Тот вскочил с дивана, не сразу сообразив, что происходит. Затем бросился в соседнюю комнату, где работала рация.

Через минуту прибежала и жена консула, суетливая и говорливая Елена Казимировна, которая исполняла обязанности связиста, когда уходили домой местные сотрудники консульства. Нильс суетился у аппарата, никак не мог настроить его на передачу.

– Нильс, – сказала Елена Казимировна, отстраняя мужа, – это не мужское дело.

– А что мужское? – искренне удивился Ольсен, с радостью уступая место жене.

– Политика, – ответила Елена Казимировна. – Высокие материи. В этом можно натворить куда больше, чем в связи или домашнем хозяйстве.

– Пожалуй, ты права, кисочка, – согласился консул. – Но, правда, чудесно, что это теперь кончится.

– Чудесно, если на связи Космофлот или патрульный крейсер. Хуже, если это сообщники твоих бандитов.

– Ну, откуда же им быть... – Консул потер виски. Он готов был поверить во что угодно.

– «Вациус», – раздался голос в приемнике. – Говорит корабль Космофлота «Вациус». – Дальше шел код корабля, его позывные.

Елена Казимировна уверенно включила информаторий. Зеленые огоньки подтвердили источник связи.

– Вот теперь, мой дорогой, ты можешь поговорить о политике, – сказала Елена Казимировна. – К нам на помощь летит Космофлот.

* * *

Чем глубже заходила Эльза в подземелье, тем очевиднее был упадок, который свидетельствовал о последних месяцах или днях жизни арсенала. Таясь все глубже, солдаты и офицеры старались закрыться от заразы, от разбуженного демона так же наивно и безрезультатно, как в четырнадцатом веке в годы «черной смерти» французы отгоняли чуму молитвами и шествиями. Все грязнее были коридоры – свидетельство того, как падала дисциплина и опускались руки. А вот и последняя, наспех сделанная баррикада, за ней они окончательно замкнулись от мира – они уже никому и не были нужны. Оружие, которое они так тщательно хранили, тоже никому не требовалось. Хотя нет... вот следы боя: разбитая дверь, пулевые выбоины в стенах – кто-то пытался пробиться внутрь, может быть, последний отчаянный командир нуждался в снарядах и бомбах и послал за ними вездеход – разбитая боевая машина проникла глубоко за баррикады и была подожжена уже здесь, неподалеку от сердца арсенала.

А вот и следы последних трагедий подземелья. Груда костей, оружия, тряпок у высохшего питьевого крана. У них стало плохо с водой. Они дрались за воду. Вот еще одна схватка, бой у небольшого зала, где находился пульт связи. Эльза подобрала с пола яркую металлическую брошь. Может, это был орден, может, знак различия. Но уже никто не узнает, зачем и почему так отчаянно они сражались между собой. Здесь не выжил никто – никто не вышел. Те, чьи потомки стали амляками, оставались где-то в иных местах, снаружи.

Археология в принципе своем оптимистическая наука. Даже если она ищет следы погибших цивилизаций, то это не означает, что эти цивилизации погибли без следа. Они успели слиться с иными культурами, генетически они продолжились в человечестве.

Здесь все было куда трагичнее, хотя вряд ли многие тогда осознавали окончательность гибели, ту окончательность, которую можно создать лишь собственными руками, которую приносит стремление к взаимному уничтожению и чего не достичь никакой эпидемии, никакому стихийному бедствию, потому что за смертью планеты стояли ее собственные лучшие умы, которые хотели всего-навсего уничтожить половину населения Ар-А, убежденные в том, что именно тогда второй половине будет жить не в пример лучше, что смерть одних может стать источником счастья и благосостояния остальных. Именно это убеждение, лежащее в основе каждой войны, и стало причиной смерти и тех, на кого напали, и самих нападавших.

Эльза отыскивала коридор, ведущий в сторону от жилых ловушек, от подземных казематов смерти, ей пришлось пройти мимо складов, давным-давно никому не нужных, но столь тщательно создававшихся и столь отчаянно охраняемых. Она заглядывала в гулкие залы, где на стеллажах лежали рядами снаряды и бомбы, в комнаты, набитые ящиками с патронами и другими, длинными ящиками с винтовками и пулеметами. Россыпями, как зерно в элеваторе, громоздились патроны – кое-что угадывалось по аналогии, предназначение других средств убийства было загадочно. Хотя, впрочем, фантазия человека достаточно элементарна. Нужно придумать средство, чтобы оно могло выбросить на расстояние смерть. В виде пули, ампулы, стрелы, газа – только выбросить, докинуть до врага, чтобы он умер, а ты остался жив. И оттого, что он умер, тебе станет лучше.

Эльза ощущала усталое озлобление против невероятности масштабов этого хранилища смерти. Очевидно, на планете накопилось оружия достаточно, чтобы уничтожить всех раз три. Но ученые продолжали изобретать новые средства убийства, а заводы – их производить, а бритые подростки – испытывать и изучать в действии, а мудрые политики – подсчитывать баланс сил, убежденные, что только увеличение и усложнение орудий смерти сможет сохранить их власть над прочими человечками, о которых куда проще говорить, оперируя взводами, полками и военными округами.

И тут Эльза услышала шорох. Шорох донесся спереди. Эльза почувствовала, что за ней следят.

Ее чувства были настолько напряжены, что она уловила страх и настороженность и поняла, что встреча не случайна. Что здесь есть глаза – нет, не глаза летучей крысы или

какой-нибудь другой подземной нечисти – в страхе было сознание. Разум.

Эльза замерла. Тот, кто следил за ней, тоже замер. Нужно было какое-то движение, шум, возглас, чтобы неподвижность взорвалась движением. И Эльза резко повернула фонарь в сторону того, кто следил за ней. Луч ослепил амляка. Отразился в глубоких бессмысленных глазах. Слабые руки дернулись к глазам, чтобы закрыть их. Амляк пятился, робко и беззвучно, прежде чем сообразил, что может убежать... Его шаги гулко и мягко застучали по коридору.

Эльза шла осторожно, сдерживая дыхание. Они близко. Они смотрят на нее и ждут, что она сделает. Эльза повернула луч фонаря, и он осветил глубокую нишу в стене. Даже не видя амляков, их присутствие можно было угадать по запаху – пряному, мускусному запаху. Они жались в этой нише, они не могли отступить дальше. Их было несколько особей – наверное, большая семья. Впереди тот самец, который первым увидел Эльзу. Он старался закрыть их собой и скалился по-звериному, но оскал не получался – у амляка был слишком человеческий рот, маленькие и ровные зубы.

За его спиной были остальные – десять, пятнадцать – не разберешь, так перепутались их ноги и руки. Зрелище было странным и скорее неприятным. И Эльза даже поняла почему. Они вели себя, как животные, и были, в сущности, животными. А внешне – люди. Без шерсти, голые голубоватые тела, длинные спутанные волосы, человеческие лица. Но глаза мертвые, бессмысленные, телячьи глаза.

Женщины прижимали к себе детей, дети постарше выглядывали в ужасе из сплетения рук и ног.

– Господи, – сказала неожиданно для себя Эльза вслух. – Ну до чего же вы себя довели!

В ответ было шуршание, шевеление, детский писк. Мужчина постарался зарычать – получился хрип. Потом кляканье: а-мляк-а-мляк, а-мляк...

Младенец заплакал. Только тогда Эльза сообразила, что некоторые из амляков в крови. А у ребенка, который плачет, грудь и рука в крови. Эльза не знала, что ребенка ранил Пруг. Она решила, что на амляков напали волки.

– И вы тоже воюете? – спросила Эльза с удивлением. – Что же это такое?..

Она чуть отвела луч фонаря вверх, чтобы он не слепил амляков, потом сделала еще шаг вперед, подняла руку, как бы останавливая встречное движение самца, и присела на корточки. Развела руками.

– Вот видите, – сказала она тихо и ласково, – вот видите, ничего у меня нет. Я только хочу вам помочь... не вам, глупые, а вот этому ребенку, ведь он у вас умрет, если я не помогу, понимаете, он умрет, и все тут...

Шевеление затихло. Амляки внимательно слушали ее.

Продолжая говорить, Эльза достала пакет первой помощи, вытащила из него пластырь, распылитель коллодия, дезинфектант.

– Главное, чтобы вы мне не мешали, – сказала она.

Она была в десяти шагах от них, и теперь надо было сделать так, чтобы они не испугались, когда она приблизится. Она еще некоторое время говорила, стараясь вложить в тон убежденность в своем праве подойти к ним и помочь. И, не прекращая говорить, она медленно поднялась и пошла.

Это был самый критический момент. Эльза понимала, что ей надо быть наготове, если они бросятся на нее, но в то же время она не могла думать об этом, потому что амляки, скорее всего, интуитивны и ее опасение сразу передастся им. Надо было думать только о том, как она им поможет.

Мужчина сделал неловкое и осторожное движение в сторону, пропуская Эльзу. Она наклонилась над младенцем. И тут увидела, что мать тоже ранена. Младенец и мать смотрели на нее одинаковыми умоляющими глазами слабых зверенышей.

Может, к лучшему, что мать ранена тоже. Она сначала сможет доказать ей, что может принести пользу. Эльза подняла анестезирующий распылитель, и легкое облачко эмульсии дотронулось холодком до рассеченной щеки женщины. Та отпрянула, заверещали дети.

Мужчина угрожающе двинулся к Эльзе. Но тут же эмульсия дала эффект. Женщина замерла, чуть подняла свободную руку, дотронулась до щеки. В ней шел тугой, медленный, но понятный мыслительный процесс. Все же они не совсем превратились в зверей. Женщина вдруг протянула плачущего младенца к Эльзе.

...Эльза занималась уже третьим пациентом, когда она услышала в коридоре шаги.

Их слышали и амляки. Испугались, зашипели, снова сбиваясь в кучу.

Эльза по шагам узнала Тимофея и даже поняла, насколько он устал и взволнован.

– Тим, – позвала она негромко, зная, что звуки в пещере разносятся далеко. – Не спеши. Ты всех перепугаешь. Подходи медленно, а потом остановись шагах в десяти от меня. Понял?

– Понял, – сказал Браун.

* * *

Нильс Ольсен, узнав, что корабль «Вациус» приближается к системе, решил разбудить ВараЮ, понимая, каким облегчением будет для него эта весть.

Телефон долго наигрывал мелодию вызова, Ольсен хотел было положить трубку на место, когда наконец подошел кто-то сонный и злой и сказал, что господин начальник стражи пребывает во сне.

– Я очень прошу, в виде исключения, разбудить господина начальника стражи. Сообщите ему, что его осмелился беспокоить консул Галактического центра.

– Я очень сожалею, – последовал ответ, – но господин начальник стражи не велел его будить, даже если будет землетрясение, – ответил сонный голос.

– Тогда передайте ему, как только он проснется, что консул Галактического центра сообщает, что корабль «Вациус» находится на подходе к системе, и что я поддерживаю с ним связь.

Без ответа говоривший положил трубку.

Консул вернулся в комнату связи, где Елена Казимировна вела беседу с радистом корабля, чтобы не упустить частоту. Разумеется, это лучше сделали бы приборы, но попробуйте сообщить эту истину настоящему радисту – он сочтет себя глубоко уязвленным. Люди, работа которых насыщена автоматикой, любят подчеркивать ненадежность этой автоматики, хотя сами без этой автоматики работать не согласятся.

– Ну и что вы решили, консул? – На связи был капитан «Вациуса».

– Я пытался связаться с начальником стражи, – ответил Ольсен, – однако он спит. Здесь нельзя будить. Я и так нарушил этикет.

– Этикет! – Пренебрежение к этикету и крайняя деловитость – известное всей Галактике свойство и гордыня кланов. – Поднимайте кого нужно. Речь идет о людях.

– Разумеется, я с вами согласен, – сказал консул. – И все же есть местные правила...

– Куда ушел «Шквал»?

– Вернее всего, к планете нашей же системы Ар-А. Это название должно быть в атласе. Однако это только предположение.

– Нет возможности уточнить?

– Завтра начальник стражи будет допрашивать подозреваемых.

– Значит, связь завтра? Время?

– Полдень по местному времени вас устроит?

– Меня устроит любое время, потому что я спешу на помощь кораблю, попавшему в беду. Даже если я буду спать, можете взять на себя смелость разбудить меня.

– Вашу иронию оценили, – мрачно сказала Елена Казимировна, хотя в присутствии консула радист не должен вмешиваться в разговор. Но Елена Казимировна берегла репутацию доверчивого и порой наивного Ольсена и не терпела, если кто-либо собирался его обидеть.

– До связи, – сказал Ольсен. – Надеюсь, на борту у вас все в порядке?

– Пассажиров мы высадили. Они ждут нас на планетарном катере. Вряд ли там комфортабельно, но наверняка безопасно. До связи.

Выйдя из пункта связи, Нильс сказал жене:

– Кисочка, я съезжу к космонавтам. Они наверняка очень волнуются.

– Ты можешь им позвонить. Сейчас глубокая ночь.

– Но ведь они с радостью проснутся, – сказал Ольсен.

Он был возбужден и одержим жаждой деятельности.

– Не советую, – сказала Елена Казимировна.

– Но тут же совсем рядом, – сказал консул. – Буквально два шага.

– Тогда надень куртку, сейчас дует с гор. Жена премьера говорила мне, что от этого ветра бывают жуткие эпидемии простуды.

– Это сказки, кисочка, – сказал Ольсен.

Но куртку надел, чтобы не волновать Елену Казимировну.

Он вышел на улицу. Космонавтов он разместил в обыкновенном доме, который консульство откупило специально для подобных случаев, чтобы не терзать приезжих престижной, но неудобной жизнью в новой гостинице. Дом стоял в том же квартале, метрах в двухстах от консульства.

Улица была совершенно пуста. Далеко прогрохотала телега. Донесся звон бубенчиков – сторож отпугивал воров от большого магазина на соседней улице.

Ольсен шел, глядя под ноги, чтобы не угодить в лужу или помои, которые порой еще выливали из окон прямо на улицу, хоть за это и полагался большой штраф.

Вот и дом для приезжих. Над входом звездочка – символ Галактического центра. Ольсен запрокинул голову – в одном из треугольных окон горел свет. Он толкнул дверь. Стражник, нанятый консулом, мирно спал, сидя на полу и прислонившись к стене.

Он поднялся по витой лестнице этажом выше. Из круглого холла шли двери – в комнаты, где спали космонавты.

Ольсен остановился в некоторой растерянности. Потом негромко спросил:

– Кто-нибудь не спит, простите?

Почти сразу открылись две двери, словно обитатели комнат ждали его визита.

– Что? – спросил молодой космонавт, одетый, будто и не ложился. – Есть новости?

– Корабль «Вациус» вышел на связь, – сообщил Ольсен в великом облегчении, потому что правильно сделал, что пришел, – его ждали.

– «Вациус»? Там команда с Крионы, – сказал Салиандри, вышедший из третьей двери.

– А когда «Вациус» будет здесь? Нам лучше перейти на него.

– Я ничего еще не знаю, – сказал Ольсен. – Честное слово.

– Так что же мы стоим? – сказал первый инженер. – Заходите к нам.

Ольсен вошел в комнату. Оказалось, что там сидят еще пять человек. Несмотря на усталость и на то, что они весь день возились на космодроме, стараясь привести в порядок станцию, спать экипажу, потерявшему корабль, не хотелось.

– А уже известно, где «Шквал»? – спросил второй помощник.

– Завтра узнаем, – сказал Ольсен. – Завтра ВараЮ начнет с утра допрос задержанных. Он толковый человек, и его полностью поддерживает здешнее правительство.

В этот момент раздался глухой удар, так что дом пошатнулся и стаканы на столе зазвенели.

Такое Ольсен здесь уже пережил – когда было землетрясение. Но он знал, что местные дома отлично приспособлены для таких случаев. В долине, на севере, ему пришлось побывать в городе после сильного землетрясения. Некоторые дома-тыквы валялись на боку, но ни один дом не разрушился.

Салиандри подошел к окну.

– Это совсем рядом, – сказал он. Он высунулся наружу, стараясь увидеть место, откуда донесся грохот. Потом он обернулся и сказал: – По-моему, там огонь. Пожар. Совсем недалеко. Поглядите.

Ольсен подбежал к окну. Горел его дом. Дом выглядел странно, словно яйцо, из которого вылутился птенец, проклевав верхнюю часть скорлупы. И из широкого отверстия валил дым и вырывались языки пламени.

* * *

Елена Казимировна, к счастью, почти не пострадала. Когда Ольсен ушел, ее охватило беспокойство: как он там, один на ночной улице? При его-то рассеянности. Ей представилось, что Нильс заблудился и на него напали грабители... И Елена Казимировна, накинув плащ, кинулась из дома, выбежала на улицу и направилась к дому для приезжих. «Я только спрошу у вахтера снизу, приходил ли он, – уговаривала она себя, – и тут же вернусь». То, что она сама ночью вышла на улицу, ее не тревожило. За много лет совместной жизни она привыкла к тому, что с ней ничего не случается, – все неприятности и неожиданности происходят с Нильсом.

Она была в пятидесяти шагах от дома, когда раздался взрыв.

Ударом воздушной волны Елену Казимировну бросило на мостовую, и так как падение было неожиданным и болезненным, Елена Казимировна не поняла, что произошло, – ей показалось, что на нее напали бандиты, как на того несчастного археолога, и ударили по голове. И, упав, она закрыла голову руками, спасаясь от следующего удара.

Ничего не произошло. Грохот утих, и затем она услышала, как сзади, нарастая в силе, слышится треск, будто кто-то быстро ломает маленькие палочки – тысячи палочек.

Елена Казимировна села и обернулась. Горел ее дом.

Верхняя часть дома куда-то исчезла, и из яйца вырывались клубы дыма, в которых чертенятами проскакивали языки пламени.

– Боже мой! – сказала она вслух. – Какое счастье, что Нильс ушел к пилотам.

Она поднялась, потеряла ушибленное колено. Окна в соседних домах открывались, высывались сонные головы. Дом горел быстро, он был стар, деревянные конструкции тыквы высохли. Куски штукатурки отваливались и падали на мостовую, и казалось, что гигантское яйцо на глазах уменьшается.

Елена Казимировна не пошла к дому, а поспешила дальше, к пилотам, – что ей было делать одной у пожарища? И через несколько шагов она встретила мужа и пилотов, которые бежали навстречу.

– Лена! – закричал издали Ольсен. – Ты успела! Спасибо...

Он плакал и обнимал ее, а пилоты побежали дальше, они хотели тушить пожар, но это было немыслимо, и даже пожарные, колесница которых приехала довольно быстро, ничего поделать не могли. Пожарники ждали, пока дом догорит, чтобы залить груды тлеющих бревен и штукатурки.

Вскоре приехали и различные городские чины. Событие было настолько необычным, что пришлось нарушить этикет. Его Могущество командующий войсками показался в сопровождении группы офицеров. Командующий был встревожен и даже зол. В последние дни он потерял лицо, потому что похищение корабля было совершено с помощью его боевой машины и он до сих пор не мог разыскать экипаж машины, который как в воду канул. Он приказал арестовать все начальство парка боевых машин, но это, разумеется, не помогло, хотя под пытками – а пытки пока что обычный метод допроса на Пэ-У – они готовы были сознаться в чем угодно.

ВараЮ, несмотря на ранний час и срочность, с которой он приехал, был одет в полную форму – видно, он понимал, что на пожаре окажутся высокие чины. Следом за ним явились охранники, человек пятьдесят, и ВараЮ приказал им оцепить квартал и никого не допускать к сгоревшему дому. Его эксперты тут же начали растаскивать еще тлеющие бревна, потому что ВараЮ был убежден, что взрыв и пожар – не случайность, сделано это теми сообщниками Пруга Брендийского, которые не хотели, чтобы работала рация и поддерживалась связь с «Вациусом». Он принес свои извинения за то, что не откликнулся на

первый звонок Ольсена, и сказал, что накажет своего секретаря. Но это ничего не меняло, и Ольсен сказал ему об этом.

От дома ничего не осталось, и Ольсену было очень жалко этнографические коллекции, которые он собирал здесь много лет, а также свои рукописи. Этого он уже никогда не восстановит. И в гибели того, что он делал, было глубокое оскорбление разуму, потому что те, кто устроил взрыв, менее всего думали о таких абстрактных мелочах, как разум или рукописи консула Ольсена.

Елена Казимировна вела себя как королева, и по ее лицу можно было предположить, что речь идет о сущей безделице – потерянной булавке. Ей пришлось дважды отвечать на вопросы. Сначала ее долго расспрашивал ВараЮ, которого интересовало, не проникал ли кто-нибудь в дом, ведь заряд надо пронести, установить и спрятать. Потом те же вопросы задавал пышно одетый генерал из свиты Его Могущества. Отношения между Его Могуществом и начальником стражи оставляли желать лучшего, и это было понятно – второй серьезный инцидент за три дня, даже третий, если приплюсовать исчезновение археолога. И преступники чувствуют себя в городе совершенно спокойно, словно пользуются покровительством в очень высоких сферах. Соответственно Его Могущество предполагал, что у горцев есть свои люди в страже, что снимало с него ответственность за события, а ВараЮ винил армию.

В общем, пришли к выводу, что бомба была подложена или под дно дома, или на нижнем этаже, куда мог проникнуть любой; консул и Елена Казимировна ночью оставались одни, и никто не охранял дом. А, уходя из дому, консул мог и не запереть дверь – он был рассеян. Между его уходом и уходом Елены Казимировны прошло минут пятнадцать – достаточный срок для поджога.

– Меня беспокоит другое, – сказал ВараЮ, наклонив к консулу свой острый нос и глядя ему на грудь по законам этикета. – Уж очень точно они выбрали время. Как раз после того, как вы связались с кораблем. Кому вы говорили об этом, кроме моего секретаря?

– Никому.

– Секретаря я задержал, и сейчас его допрашивают. Но ведь вы сказали пилотам?

– Нет, исключено, – ответил Ольсен. – Между моментом, когда я сказал им, и началом пожара прошло минут пять, не больше.

– Остается телефонная станция, – сказал ВараЮ задумчиво. – Я вынужден буду вас покинуть...

Он повернулся и, не попрощавшись с Его Могуществом, поспешил к своей машине.

Начинался рассвет. Поднятые ретивыми охранниками черные хлопья сажи лениво крутились в воздухе. Полуодетые и напуганные соседи, что стояли, тихо переговариваясь, за линией ограждения, начали расходиться по домам. Пожарные колесницы, разукрашенные желтыми драконами, разводили котлы, чтобы покинуть пожарище. Его Могущество еще раз выразил Ольсену и его супруге сочувствие в горе, постигшем их, и сообщил, что сегодня же премьер узнает о событии и обязательно компенсирует расходы господина консула. Консул вежливо поблагодарил за внимание – его расходы уже никто не компенсирует.

* * *

Старый воин КрайЮ, оставшийся по приказанию Пруга, провел неудобную, холодную и мрачную ночь. Он устроился на втором этаже здания, от которого остался угол, десятиметровым зубом возвышавшийся над площадкой. Оттуда черным пятном был виден вход в подземелье. До него было далеко, тысяча шагов, но ближе надежного укрытия не нашлось.

Ему было холодно, к тому же внизу несколько раз проходила стая волков. Это были крупные, сильные звери. КрайЮ не хотел, чтобы они его заметили.

Когда утром он увидел, что археологи выбрались из подземелья, он сразу сообщил об этом на корабль. ДрокУ ответил, что воины уже выехали.

* * *

Ночь археологи провели в компании амляков.

С рассветом новые знакомые покинули туннель.

– Человечество не одиноко, – сказал Львин, глядя, как амляки, осторожно озираясь, вылезают из туннеля и бредут к развалинам. – Мы обрастаем родственниками.

Фотий ван Кун взглянул в небо в надежде увидеть звездочку корабля, но ничего не увидел. Он поглядел на младенца с забинтованной и заклеенной пластырем ручкой и даже протянул к нему руку, помахал пальцами, сказал «гу-гу!», полагая, что все младенцы любят, когда Фотий ван Кун делает им «гу-гу». Младенец заверещал, его мать возмущенно забормотала.

Они вышли на открытое место, здесь амляки начали настойчиво объяснять Брауну, которого считали за вождя племени, что им пора идти по каким-то своим делам.

– Осторожно с ним, – сказала Эльза матери младенца. – Хорошо бы ты завтра принесла его ко мне.

Эльза стала показывать знаками, что младенца надо приносить на перевязки, мать ничего, конечно, не поняла и потащила обоих своих детей к купе деревьев, разросшихся на холме посреди города. Остальные, не оглядываясь, побежали за ней.

– Мы должны взять на себя заботу о них, – сказал Фотий. – Это наш долг.

– Фотий, давай отложим благотворительность на лучшие времена, – сказал Тимофей серьезно. – Неси ящики с патронами.

Они грузили в вездеход оружие, найденное и опробованное ночью в подземелье. Оружие на редкость хорошо сохранилось, потому что те, кто скрывался в подземелье, имели обыкновение очень бережно обращаться с ним.

Это не означает, что археологи намеревались убивать воинов Пруга. У них был другой план – успеть к «Шквалу», прежде чем бандиты отправятся на поиски арсенала, и устроить такой шум, чтобы те не смогли выйти из корабля.

Надолго ли они планировали эту осаду, они не могли бы сказать и сами, но рассчитывали задержать врагов до тех пор, пока не появится помощь. В любом случае это должно быть делом часов, в крайнем случае дней.

Они погрузились в вездеход как раз тогда, когда вездеход ВосеньУ уже отправился к подземелью. И если бы они задержались еще на десять минут, то наверняка события приняли бы совсем иной оборот.

Если кто-нибудь мог бы поглядеть на город с птичьего полета, он увидел бы, как один из вездеходов медленно пробирается прочь от подземелья, в то время как другой приближается к нему.

* * *

Пока на Ар-А длилось это утро, в столице Пэ-У оно уже превратилось в день.

Бесконечно усталый Ольсен поехал с пилотами в Школу Знаний. В Школе Знаний, на отделении электроники, им обещали передать приборы, которые можно использовать для восстановления связи.

– Ну ладно, – говорил Ольсен, споря с самим собой, – допустим, они знали, что у меня в консульстве есть станция. И Пруг, предусмотрительный донельзя, приказал подложить заряд... Возможно?

– Возможно, – ответил Салиандри, – но почему тогда они не взорвали вас с самого начала? Откуда им знать, в какой момент ваша станция выйдет на связь с космосом? Нет, ваш ВараЮ прав – искать надо на телефонной станции. Времени у них было мало, но достаточно. Город небольшой.

Школа Знаний была тыквой вдвое больше прочих. От нее тянулись низкие бетонные

корпуса лабораторий.

Профессора Школы Знаний в синих тогах с зубчатым знаком Высокого Знания уже ждали их под боком тыквы. Профессорам при этой церемонии делать было нечего, но сам факт обращения Космофлота к Школе Знаний за помощью был символическим актом. Школа Знаний была одним из наиболее твердых союзников Галактического центра. Не будучи кланом, она ощущала себя кланом нового типа – кланом без родственных связей, и для Школы Знаний исчезновение археолога, который был ее гостем, было глубоким оскорблением.

– Что это? – спросил один из пилотов. – У нас нет времени для торжественных собраний.

– Нет, – сказал Ольсен, который лучше всех понимал, что происходит. – Но если мы будем терпеливы, то получим все, что нам надо.

Повелитель Школы Знаний, седые завитые усы которого, к вящему изумлению пилотов, лишь чуть не доставали до пола, старый друг Ольсена, встретил его с распростертыми объятиями. Он рыдал и не скрывал слез. Он был настоящим мужчиной – лишь женщины скрывают слезы. Ольсен тут же прослезился. Как он потом объяснил пилотам, сделал он это лишь для соблюдения этикета, но на самом деле это было большим облегчением – что можно поплакать на плече человека, который понимает глубину твоего горя и разделяет это горе.

Затем всей процессией, очень напоминавшей похороны, только без покойника, они проследовали в лаборатории.

Пилоты немало удивились, увидев богатства, что хранились без действия, в расчете на будущие открытия и будущих местных Ньютонов. Даже Ольсен не знал, что удалось накопить ученым мужам на складах. И пока Ольсен в окружении стонающих профессоров рассказывал о масштабах бедствия для него лично и местной филологии и этнографии, пилоты, как мальчишки в магазине игрушек, отчаянно и со всевозрастающим оптимизмом копошились в гостеприимно открытых складах.

Когда часа через три перегруженная машина Ольсена, сопровождаемая школьной колымагой, плелась к космодрому, торжествующий Писаренко, второй помощник, сообщил консулу:

– Починим ли? Да мы из этого добра соорудим три рации.

* * *

Капитан «Вациуса» Йнвуке высох еще более за последние часы. Связь с Пэ-У прервалась, и все попытки вызвать планету ни к чему не приводили. Он собрал на мостике своих помощников и штурманов корабля.

– У консула Галактического центра, с которым я успел поговорить, есть подозрение, что корабль «Шквал» уведен похитителями к планете Ар-А в той же системе. Окончательной уверенности у него нет. После этого сообщения связь прервалась по неизвестной причине.

Помощники капитана и штурманы сидели неподвижно, вытянувшись на низких стульях. Несмотря на то что крионцы любят повторять, что они презирают условности и чужды этикету, в обыденной жизни ими руководят строжайшие правила поведения, которых они попросту не замечают и даже отрицают их существование. Поэтому ни один из штурманов (за исключением второго) и помощников никогда не откроет рта, пока капитан корабля не разрешит ему это сделать.

Они сидели неподвижно, как статуи, в своих одинаковых серых мундирах со знаками Космофлота, вышитыми их женами, они сидели под портретами великих капитанов планеты, одинаково худых, серьезных и даже мрачных.

– У нас есть два пути: изменить курс и следовать к планете Ар-А либо продолжать движение к планете Пэ-У. Я полагаю, что нам следует в этих обстоятельствах продолжать движение к планете Пэ-У, стараясь вновь добиться с ней связи. Увод корабля к планете Ар-А

является на настоящий момент лишь допущением, причем неподтвержденным. Выход же из строя второй рации за столь короткое время говорит о злом умысле на самой планете Пэ-У. Следовательно, там существует угроза жизни нашим товарищам. Так что я предлагаю пока держать курс к планете Пэ-У. Надеюсь, я высказался кратко и просто, а если у кого-нибудь есть возражения, и я надеюсь на возражения и споры, то попрошу их высказать со всей резкостью, свойственной нам. Решение тем более серьезно, потому что, возможно, нам, гражданскому кораблю, придется... воевать.

Капитан замолчал и молчал ровно три минуты, потому что, разумеется, никому не пришло в голову возражать капитану. Все они были истинными демократами и презирали этикет и условности, и потому без условностей и экивоков они были согласны со своим капитаном. В ином случае им пришлось бы немедленно его разжаловать.

Через три минуты собравшиеся одновременно поднялись, поклонились капитану, поклонились портретам великих капитанов и покинули капитанский мостик.

* * *

Андрей проснулся, вскочил, умылся, напился воды из маленького крана, что был в каюте. Есть хотелось страшно.

Он бы сейчас с наслаждением поднял страшный скандал на весь корабль, но отлично понимал, что никто этого скандала не услышит.

И вообще, помимо прочего, эта история ему порядком надоела.

Она могла бы показаться детской игрой, если бы от этого не умирали. А ведь Пругу все это кажется совершенно справедливой игрой – он не ощущает себя преступником или убийцей. Когда мы говорим о детстве цивилизаций, то оно видно не только в экономических и социальных законах, но и в психологии каждого отдельного человека. Каждый человек каменного века остается ребенком, сколько бы лет ему ни было. И реакции у него детские. Это же надо – посвятить жизнь желанию стать царем! А потом? Помереть на престоле? Разве это удобнее, чем в кресле без короны?

А ведь так, сказал он себе, нетрудно оправдать любого первобытного злодея. Нет, сказал он себе, – объяснить. Оправдывать или нет – не наша задача. Наше дело объяснить, а объяснив, ликвидировать опасность. Хотя, пожалуй, за исключением одного прискорбного случая, который стоил Андрею изгнания из летного состава, ему еще не приводилось попадать в ситуации, в которых он был бы столь бессилен.

И вот именно в этот печальный момент рассуждений голодного Андрея замок щелкнул и вошел ДрокУ. Как к себе в каюту. Спокойно и уверенно.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал он на космолингве.

– Откуда вы знаете галактический язык? – спросил Андрей.

– Я выучил, – сказал ДрокУ.

– Вы бывали в Галактическом центре?

– На стажировке, на курсах административного управления, – сказал ДрокУ, – но, честно говоря, очень давно не приходилось говорить. Четыре года я провел в горах и последний год рядом с Пругом в столице. Практически одичал.

– Вы странный человек. Кто вы?

– Вы должны мне поверить. Мне ведь тоже пришлось скрываться, пока я не убедился, что с вами можно иметь дело. Мое положение куда более опасно, чем ваше. Если узнают, что я здесь говорю с вами, Пруг убьет меня немедленно. Это я вам гарантирую.

– Так кто же вы?

– Я заместитель уважаемого ВараЮ, начальника городской столичной стражи. Мое имя вам ничего не скажет, так что можете продолжать звать меня ДрокУ.

– Что вы делали у Пруга?

– Вот видите, как соблазнительно допрашивать, – улыбнулся ДрокУ. В его движениях, в облике присутствовала некая лень, но происходило это от избытка силы, от умения быстро

собраться и превратиться в комок мышц. – Не прошло и трех минут, как вы стали следователем. Отвечаю на ваш вопрос: Пруг давно смущал нас. Он – наиболее яркая и энергичная фигура в горах. Мы решили внедрить нашего человека, чтобы он всегда был рядом с Пругом. Мне и пришлось стать таким человеком.

– И вы хотите сказать, что не заметили, как он планирует захват корабля?

– Мы не всеильны. Он оказался хитрее. На этот раз. Но его торжество недолго. Вы это знаете лучше меня.

– Мне трудно поверить, – сказал Андрей. ДрокУ поднялся:

– Я не могу быть вам всегда полезен. Мне тоже хочется жить. Но, пожалуй, завтра мы что-нибудь придумаем. Главное, чтобы они не успели забраться в арсенал. Как вы думаете, скоро придет корабль нам на помощь?

– Спросите что-нибудь полегче, – сказал Андрей.

– Спокойной ночи. Думаю, что Пругу я скоро понадобится.

– Минутку, – сказал Андрей. – Если вы в самом деле тот, за кого себя выдаете, почему вы не обезвредите Пруга?

– Я не могу его убить, мне это запрещено.

– Я не говорю об убийстве. Очевидно, есть другие пути.

– Что вы теперь намерены делать?

– Пользоваться вашими советами. И не спешить. Я полагаю, что главное сейчас – не допустить, чтобы он убил кого-нибудь из археологов. А что касается арсенала – пускай забирает что хочет. Он не успеет ничем воспользоваться.

ДрокУ улыбнулся. Зубы у него были подпилены, как положено горцу.

– Ваших археологов выследили. Они дали себя провести, как цыплята. Пруг оставил в городе охотника, и археологи привели его к арсеналу. Сейчас ВосеньУ умчался туда зарабатывать себе славу и жизнь.

– И жизнь?

– Разумеется. Он нужен Пругу только по Пэ-У, а потом... потом его нечаянно утопят. Он чужой. И может проговориться, чтобы спасти свою шкуру.

Мне его не жалко, подумал Андрей. Я должен быть гуманистом, мне положено всех любить – в этом великая мудрость Галактики – ценность и святость человеческой жизни. Но мне хочется, чтобы ВосеньУ умер.

– Вам его не жалко, – утвердительно сказал ДрокУ. – Вы думаете, что он убил вашу женщину.

– А разве это не так?

– Я не был при этом. Может, это сделал кто-либо еще из людей Пруга. Я пошел, коллега. Пруг проснулся. Он плох. Он накурился. Нервы шалют. Я запру дверь, потому что кто-нибудь мог видеть, как я сюда заходил.

ДрокУ легко поднялся.

– Погодите, – сказал Андрей, – я не знаю, какой вид смерти легче, но я должен сказать, что все ваши пленники находятся в грустном состоянии. Сужу по себе.

– А что случилось?

– Нас за вчерашний день никто не догадался покормить. И сегодня вроде бы не собирается тоже.

– С ума сойти! – воскликнул ДрокУ. Он был искренне удивлен. Он тоже забыл о том, что людям надо время от времени есть.

– Пошли, – сказал он. – Идите вперед.

Они вышли в коридор, и ДрокУ быстро повел Андрея к камбузу.

В камбузе было пусто.

– Берите, что вам нужно, – сказал ДрокУ, – немедленно к себе в кабину. Если вас поймут, отвечать придется мне. А я не могу больше задерживаться.

И он быстро ушел.

Андрей подождал, пока шаги нежданного союзника утихнут. Потом осторожно

положил свою добычу на место. От голода он не умрет.

Теперь ему нужно было незаметно попасть в библиотеку. Он надеялся, что это помещение корабля не представляет жгучего интереса для представителей клана Брендийского.

Вход в библиотеку из коридора, но там есть вторая дверь, соединяющая ее с кают-компанией. Дверью той ни разу не пользовались, и она, как заметил Андрей, была заставлена диваном, который отодвинули, чтобы освободить место для Пруга.

Путешествие до библиотеки прошло благополучно. Андрей на цыпочках пересек комнату и прижал ухо к двери.

Появление союзника показалось ему слишком неожиданным, и ему очень хотелось узнать, о чем ДрокУ будет говорить с Пругом. Хотелось доверять ДрокУ – всегда хочется быть доверчивым, если у тебя не хватает союзников. Но доверчивость могла дорого обойтись.

Андрей успел в библиотеку вовремя. ДрокУ разговаривал с наследником Брендийским. И разговор был неожиданным.

* * *

Выгружая аппаратуру из машины и перетаскивая ее к диспетчерской, пилоты галдели, как мальчишки, и Ольсен подумал, что они в самом деле страшно молоды – вдвое моложе его. Им бы в футбол сейчас погонять в перерыве между рейсами. Они были уверены, что запустят станцию в ближайшие часы, и эта задача заслонила от них все прочие проблемы, от которых сам Ольсен отвернуться не мог.

На колываге из Школы Знаний приехали и местные техники, так что Ольсену приходилось непрерывно разговаривать, так как пилотам требовалась помощь техников и он все время переводил.

Пилоты использовали поврежденный корпус разбитой рации и некоторые сохранившиеся детали и начали монтаж новой установки. Они утверждали, что рация будет работать не хуже, чем погибшая рация консула.

На космодроме время от времени появлялись гости.

Сначала приехал Премудрейший глава Школы Знаний. Он хотел убедиться в том, что работа идет нормально и его техники приносят пользу, к тому же ему хотелось еще раз выразить свое сочувствие Ольсену. Не успел он уехать, как появилась полевая кухня, самая настоящая полевая армейская кухня, похожая на старинный катафалк, только разукрашенный цветами. Ритуал принятия пищи в местной армии был весьма сложным, и присутствие походной кухни в виде катафалка в цветочках было обязательной частью ритуала. Повара, приехавшие на катафалке, были весьма огорчены тем, что пилоты поглотили все изысканные офицерские блюда, не соблюдая ритуалов. Ольсен старался за всех, но, конечно, он не мог спасти положения, и в памяти армейских поваров пилоты Космофлота остались людьми крайне невоспитанными.

Затем пожаловал и сам Его Могущество. Он приехал в бронированной машине, коротко поклонился и обошел полуразрушенную башню диспетчерской. Затем так же неожиданно уехал, оставив пятерых солдат, вооруженных винтовками. Солдаты встали по периметру площадки, где шел монтаж, и замерли. Ольсен поглядывал на них с некоторой опаской, и его опасения лишь усугубил ВараЮ, который приехал последним.

– Зачем это? – спросил он Ольсена. – Мне это не нравится. Сказать почему?

Он был похож на большую клювастую птицу, которая увидела лису, крадущуюся к гнезду, и очень удручена ее низким поведением.

– Почему? – спросил Ольсен.

– Потому что у Пруга была боевая машина. А все боевые машины принадлежат армии. Я бы хотел поймать и допросить того, кто дал Пругу боевую машину.

– Что нового? Узнали что-нибудь на телефонном узле?

– Я их арестовал. Всю ночную смену, – просто ответил ВараЮ. – Мои люди сейчас с ними разговаривают. Я думаю, что скоро все будет известно.

– А как другие подозреваемые? Мы можем точно сказать, куда улетел корабль?

– Вернее всего, это Ар-А, – сказал задумчиво ВараЮ. – Вернее всего. Хотя я не исключаю и другие варианты.

– Они есть?

ВараЮ пожал плечами.

– Есть какая-нибудь надежда починить станцию? – спросил ВараЮ, глядя на пилотов. Их фигуры мелькали в развалинах второго этажа диспетчерской.

– Они обещают это сделать скоро, – сказал Ольсен. – Нам дали очень важные детали в Школе Знаний.

– У них они были?

– Они собирались строить собственный центр галактической связи, но не афишировали своих намерений.

– А я ничего не знал, – сказал ВараЮ и развел руками. – Значит, я плохо работаю. Меня пора гнать.

– Вы должны радоваться, – сказал Ольсен. – Вы же всегда были сторонником нового.

– Но за новым надо следить. Больше чем за старым.

– Сейчас у нас неприятности из-за старого.

– Завтра будут из-за нового, – сказал ВараЮ убежденно. – Новое у нас появляется слишком быстро. Вы поглядите на них, – ВараЮ показал на неподвижно стоявших солдат. – У них новое оружие. Наши Могущества очень спешат использовать оружие, которое изобретено не здесь. А что они будут делать с этим оружием завтра? А может, они уже сейчас его используют не так, как надо. Почему боевая машина была у корабля? Кому нужнее всего арсеналы? Его Могуществу. Каждая организация – это живое тело, каждое хочет занять как можно больше места.

– Разве у армии есть соперники?

– Хотя бы я, – сказал ВараЮ. – Я беспокоюсь о безопасности государства. И если опасность исходит от армии, я буду спорить с армией.

– Значит, вам тоже нужно новое оружие?

– Мне хватит того, что есть, – ответил ВараЮ. – Давайте посмотрим, как дела у ваших пилотов.

Они поднялись к пилотам. Те встретили их весело.

– Смотрите, – сказал Салиандри, – должно же когда-то повезти.

Станция приобрела деловой вид. Она казалась запутанной и даже неопрятной. Удивительно, как пилоты могли разобраться в этом лабиринте.

– И будет работать? – спросил ВараЮ недоверчиво.

– Приезжайте через два часа, – ответил Салиандри уверенно.

* * *

Каждый мальчик из благородной семьи в возрасте пятнадцати лет проходит церемонию инициации. Он не может считаться истинно благородным мужчиной, если не знает наизусть священных текстов, тех текстов, которые в незапамятные времена принесли с собой титаны с Ар-А и оставили предкам людей с Пэ-У. Если на Земле воспоминания о пришельцах так и остались в области мифологии и ничем не доказаны, а вернее всего, они лишь проявление мечты о существовании во Вселенной братьев по разуму или даже Высшей силы, то для жителя Пэ-У это часть истории. И знание их языка, перешедшее со временем в сферу магических ритуалов, не пустой звук. Именно в этих текстах, над которыми теперь корпят умные головы в Школе Знаний и которым посвятил большую, к сожалению, погибшую при пожаре в консульстве статью Нильс Ольсен, сохранились в зашифрованном виде многие знания, которые затем легли в основу здешней цивилизации.

Разумеется, горцы проходили другую церемонию инициации, нежели благородные жители долины. И не читали ни на каком языке. Но ВосеньУ знал язык гигантов. И его не удивило то, что надписи в подземелье ему понятны. Его скорее удивило то, что далеко не все он может прочесть.

ВосеньУ уверенно шел к складам, зная, что у него две задачи. Задача первая – найти Бомбу. То великое оружие, о котором знали предки и которое могло погубить целый город. И найти ручное оружие, для себя. И еще неизвестно, что было нужнее. А может, одежду из легкого и не пробиваемого пулями металла – об этом тоже говорится в легендах.

ВосеньУ спешил, он шел на несколько шагов впереди, и луч его фонаря метался по стенам, замирая на белых и желтых надписях, разыскивая двери и повороты, заглядывая в комнаты и быстро шаря по ним. Воинам, шедшим следом, казалось, что слуга небесного господина отплясывает колдовской танец, призывая духов, живущих под землей, – им хотелось бы уйти оттуда, но это было бы большимслушанием, так как они должны были забрать в темнице великое оружие и великую власть.

«Особая секретность» – было написано над дверью, замыкавшей коридор. Но дверь была приоткрыта. Прямо за ней, как будто хотел выйти, лежал скелет человека в остатках одежды. Скелет рассыпался от дуновения воздуха, когда ВосеньУ рванул на себя дверь. Воины отпрянули – в неверном и путаном свете фонарей им показалось, что скелет пытался убежать от них.

Здесь, в святая святых арсенала, хранились бомбы.

* * *

Андрей слушал разговор ДрокУ с Пругом Брендийским. Разговор не соответствовал табели о рангах.

Пруг сидел нахохлившись на своем троне, как сонная жаба. Казалось, что ему плевать на все, что происходит вокруг.

ДрокУ мерно ходил по кают-компании, совершая сложные, но повторяющиеся движения – вокруг шахматного столика, к роялю, вокруг рояля, вдоль кресел, сзади трона, вокруг трона... И, не останавливаясь, говорил:

– Ты забываешь, что не сделал бы ничего, если бы не наша помощь. Ты бы остался живым претендентом. И, наверное, тебя давно бы уже нашли убийцы. Ты существуешь только потому, что ты нам нужен. И это тебе выгодно. В первую очередь тебе. Не забывай об этом.

– Без меня вы бы тоже ничего не сделали.

– Это еще неизвестно. В худшем случае мы бы нашли другого. Жадного до власти и славы вождя.

– Другого такого нет.

– Думай как знаешь.

– А что нужно вам? Та же власть и та же слава.

– Нет. Нам нужна другая власть и другая слава. Настоящая, без барабанов. Барабаны, троны и шумиху мы оставляем тебе. Пользуйся. Пускай дикие певцы исполняют в честь тебя бравые песни. Хватит разговоров. Я буду говорить с господином ВараЮ. Я скажу ему, что арсенал найден. Времени в обрез. Ты должен быть всегда трезвым, всегда сильным и готовым к бою. Не думай, что все так просто.

ВараЮ, повторил про себя Андрей, влиятельный человек, начальник государственной стражи. Как интересно бывает в истории – всегда находится фигура для первого плана. И она шумит и машет оружием. А за ее спиной стоят те, кто не любит вылезать наружу...

ДрокУ вышел из кают-компании. Пруг Брендийский последовал было за ним, но остановился и задумался, постукивая сильными пальцами по крышке рояля.

* * *

Желая выбраться из города коротким путем, Браун ошибся улицей и попал в тупик. Минут десять он упрямо вел машину по развалинам, но был вынужден повернуть обратно. А тут как назло амляк.

Амляк стоял на пути вездехода. Упрямо, как самоубийца.

Тимофей затормозил. Высунулся из люка.

– Отойди, – сказал он.

Амляк нудно и монотонно заговорил, повторяя одинаковые сочетания звуков: а-ля-мля-мля...

Эльза подбежала к нему. Она не понимала, что амляку хотелось довести до сведения этой богини, что пришли другие люди, которые вошли внутрь подземного дома. И эти люди пугают амляков своим запахом, своими угрожающими злыми мыслями. И амлякам страшно.

Амляк хотел, чтобы богиня вернулась в подземный дом и выгнала тех людей. Для этого он совершал странные движения, пританцовывал, отбегал, возвращался вновь.

– Он куда-то зовет? – спросил Браун.

Фотий подошел поближе, но остановился, потому что Эльза предупредительно подняла руку.

– Они чувствуют, – сказала она. – Они чувствуют эмоции.

Амляк отпрянул от Фотия. Постоянное беспокойство Фотия его испугало. Он старался как-то донести до Эльзы, что за люди пришли в подземный дом, но у него не было слов и было слишком мало мыслей. Он и так совершил подвиг разумности – пришел к этим людям.

Амляк понял, что они не хотят идти за ним. И тогда он сообразил, что надо сделать. Там, в развалинах, совсем рядом сидел один из тех, тревожных людей. Он прятался там давно, и амляки знали, что он не имеет отношения к их богине и ее людям. И амляк сообразил, что надо показать того человека, который давно сидит в развалинах и смотрит на богиню, и тогда люди поймут и пойдут в подземный дом. И он, не переставая верещать, быстро побежал к руинам дома, где на остатках площадки второго этажа сидел КрайЮ. Он бежал быстро, забыв об осторожности, потому что только хотел показать и не желал ничего дурного. Он почти добежал до развалин, когда вдруг до него докатилась волна страха, ненависти.

КрайЮ увидел амляка, голого, худого, маленького, и понял, что этот маленький его выследил и сейчас выдаст его врагам. Он был не из тех, что отступает и бежит. Ему приходилось рубиться в десятках сражений и стычек, из всей его семьи остался лишь один младший брат, который прилетел сюда вместе с ним. И, мысленно пересчитав врагов, он поднялся во весь рост, и от машины его было хорошо видно. Он держал в руке боевой топор, в другой – духовую трубку. Он готов был к последнему бою и мысленно попрощался с младшим братом, призвав того к мести.

Амляк остановился, натолкнувшись на гнев и бешенство, как на стену. Он стоял, запрокинув голову, длинные редкие волосы дергал поднявшийся ветер. Он был как бы загипнотизирован, потому что знал о желании существа убить его, но не понимал, почему двуногое существо должно его убивать. Только что он убедился в том, что двуногие не убивают.

КрайЮ издал боевой клич клана; это был очень громкий и особенный клич – его сразу отличишь от кликов других кланов. Клич пронесся над жужжащим воздухом города и долетел до выхода из подземелья, где воины осторожно грузили в вездеход бомбы и оружие. Он был слабым, этот крик, но младший брат КрайЮ узнал голос. Он схватил нож и кинулся было на помощь брату. Но ВосеньУ сказал ему:

— Стой.

– Я должен идти, – сказал младший брат. – Там бой.

– У твоего брата свое дело, у тебя свое дело.

– Я не буду слушаться тебя, слуга, – сказал младший брат.

– погоди. – ВосеньУ был очень осторожен, и он хотел жить. Он включил браслет связи

– на маленьком экранчике появилось лицо Пруга. Пруг был насторожен.

– Что случилось? – Голос его из динамика звучал тихо и тонко.

– Господин Пруг, – сказал ВосеньУ, – мы нашли оружие. Надо срочно грузить его и везти, но младший КрайЮ слышит, как его старший брат, оставленный сторожить археологов, зовет на бой. И он бросает все и хочет бежать к брату.

– Если он посмеет сделать это, – сказал Пруг медленно и зло, – ты убьешь его сам. Есть большое дело и есть долг. Ни один из воинов моего клана не посмеет нарушить долг.

– Ты слышал? – спросил ВосеньУ смиренно. – Так сказал твой вождь.

Боевой клич КрайЮ донесся снова. Издалека.

– Стреляй в него, – приказал ВосеньУ ближайшему воину. Тот сделал вид, что не слышит.

– Ну что вы? – пищал тонкий голосок Пруга из браслета.

ВосеньУ поднял пистолет, найденный в подземелье. Его как раз можно было испытать.

И ВосеньУ выстрелил младшему брату КрайЮ в спину.

Новый пистолет действовал отменно.словно не прошло столетий. Он был отлично смазан и отлично сохранился. Смерть могла поджидать свою жертву семьсот лет и догнать ее.

От удара пули младший брат КрайЮ полетел вперед, будто его сильно и резко ударили по спине. Он упал и лежал неподвижно, и по развороченной выстрелом спине разливалось кровавое пятно.

– Я исполнил твой приказ, господин, – смиренно сказал ВосеньУ.

– Тогда скорее, скорее! – крикнул Пруг. – Каждая минута дорога.

– Скорее! – сказал воинам ВосеньУ, и они побежали внутрь, в хранилище, чтобы притащить еще одну бомбу.

А у вездехода археологов все происходило как в замедленном фильме.

КрайЮ поднес к губам духовую трубку.

– Это смерть! – закричал Фотий ван Кун. – Я знаю. Браун, стреляй!

Пистолет был у Брауна, и Браун не выстрелил. Он не был готов к тому, чтобы выстрелить в человека. И Фотий ван Кун, поняв это, бросился к Брауну, чтобы отнять у него пистолет, но в этот момент КрайЮ выстрелил из духовой трубки, и амляк сложился, медленно опускаясь на землю, – яд действовал быстро.

Фотий вырвал у Брауна пистолет и начал стрелять по горцу, но до КрайЮ было больше ста метров, а Фотий никогда раньше не стрелял и потому промахнулся.

КрайЮ понял, что он убил врага. Теперь он может отступить, потому что в него стреляют, а отступление в бою – это не бегство. Воинский этикет горцев был строгим, но гибким.

Пригнувшись, КрайЮ отпрянул назад, скрылся с глаз археологов и прыгнул вниз. Он не знал, гонятся ли они за ним, но побежал прочь, подальше от них, виляя между горами камней, и потом, увидев кущу деревьев, за которой начинался пологий спуск в овраг, он нырнул туда.

Кусты хлестали его по лицу, но КрайЮ был доволен. Он расскажет брату о том, как сразил голого дикаря и как в него стреляли люди неба. Надо лишь немного переждать, затаиться, пока не уляжется погоня.

И КрайЮ присел среди камней за кустами и стал слушать.

Браун отнял пистолет у Фотия вана Куна.

– Успокойся, Фотий, – сказал он. – Мы не можем убивать.

– Каждое живое существо может убивать зверя, если он нападает на человека.

Амляк, чуть вздрагивая, лежал в пыли, лицом вниз, скорчившись, как заснувший ребенок. Браун смотрел на него и молчал.

В двух километрах к западу, у входа в подземелье, где воины торопливо грузили оружие на вездеход, лежал младший брат КрайЮ. Он тоже лежал лицом вниз, но вытянувшись.

Перед отъездом остальные воины подошли к телу КрайЮ, и каждый высыпал ему на спину пригоршню земли. Большого они сделать для него не могли. ВосеньУ тоже высыпал на него пригоршню земли, так как он не был убийцей, а выполнял приказ повелителя. Но когда он протянул руки с землей, все воины отвернулись от него и отошли.

Возвращаясь к вездеходу, ВосеньУ старался идти так, чтобы не оставлять воина за спиной. Он не доверял горцам.

Один из них взял духовую трубку и топорик КрайЮ-младшего, чтобы отдать его брату.

ВосеньУ сел за руль вездехода и повел машину из города к кораблю. Он чувствовал враждебные взгляды горцев. Но знал, что сейчас никто из них не посмеет его тронуть.

* * *

– Но как же это могло быть? Я еще понимаю, что в авантюры влезает горный князь. Дикий человек. Но этот ВараЮ – он же ответственное лицо, у него все есть, – удивился доктор, к которому Андрей пришел из библиотеки.

– В табели о рангах он далеко не первая фигура, – сказал Андрей. – И по происхождению семей сто в нашем городе куда знатнее его. Он выскочка, он добился поста с помощью своих способностей. Еще лет пятьдесят назад он не мог бы и мечтать о такой власти. Но власть его не очевидна, и ему часто указывают на место. В то же время он проникает в святая святых общества. Он сам по себе – порождение новой эры, раньше в таком не было нужды. И он понял, что его власть далеко не предел. И неплохо придумал – сделать все руками горного князя. Гордого, но беспомощного.

– Но на что он рассчитывает?

– Точно сказать нельзя, но можно предположить. Появляется корабль. Наш корабль. Вооруженный достаточно, чтобы уничтожить столицу. Я уже давно понял, что в планы Пруга входит не только его горное княжество, которое и на карте не отыщешь. И для второго действия драмы обязательно нужен человек в столице, который мог бы воспользоваться паникой. В ином случае, даже запугав правительство, Пруг все равно теряет все преимущества своего положения, как только опускается. Его уже будут ждать. Не будет же он таскать с собой бомбу. В лучшем случае он подорвется на ней. А вот если с ним есть человек или организация, способная захватить власть, пользуясь суматохой и паникой... и не исключено, что ВараЮ до конца будет выказывать себя убежденным противником анархии и попытается взять власть не как союзник Пруга, а как единственная сила, способная ему противостоять. Может, я и не прав. К тому же мы не знаем, насколько Пруг послушен ВараЮ.

* * *

ДрокУ вошел в узел связи. Он был не новичком в узле связи и знал, что делать. Он запер за собой дверь, подошел к креслам связистов, кинул в соседнее топорик, с которым не расставался, как и положено горцу, включил аппаратуру, проверил ее. Задал программу. Пока станция настраивалась, он включил приемник. И почти сразу пошел вызов с «Вациуса». Вызов был автоматическим – вызов, когда откликнулась Пэ-У.

– Начинаю сеанс, – сказал ДрокУ. – Это ты, ВараЮ?

– Ты опоздал на три минуты, – сказал ВараЮ. – Что случилось?

– Хорошие новости, – сказал ДрокУ. – Нашли.

– Когда сможете стартовать?

– Как только они будут здесь.

– Поторопитесь.

– У вас что-то изменилось?

– Они восстанавливают станцию связи. На подходе корабль Космофлота «Вациус». Пока они не знают, где вы. Но армия уже знает. Если восстановят связь, вас перехватят.

Армия послала солдат охранять космодром.

– Они подозревают?

– Они всегда меня подозревают. Они выследили моего человека, который организовал угон боевой машины. И он, конечно, сознается.

– Его нельзя убить?

– Они его охраняют. Но я попытаюсь.

– Мы стартуем, как только они будут на борту. Ты должен сделать так, чтобы Космофлот не успел нас перехватить. Иначе все зря.

– Знаю лучше тебя, – сказал ВараЮ.

– Он вооружен?

– Это Космофлот. Они не вооружены. Может, лишь пистолеты у команды.

– В крайнем случае будем сражаться, – сказал ДрокУ. – Может, тебе тоже пора действовать?

– Если ты уверен, что вы вылетаете сразу, я рискну. Ты знаешь, как это опасно. Все зависит от тебя, ДрокУ.

– И от Пруга.

– Поэтому я послал тебя. Остальные в порядке?

– Я им сказал, что я твой агент и их друг.

– Поверили?

– Почему не поверить тем, кто цепляется за любую возможность выжить? Они боятся умереть.

– Многие умерли?

– Некоторые умерли.

– Я жду тебя, ДрокУ.

– Я буду спешить.

* * *

Капитан корабля «Вациус» был в радиорубке. Пришла пора принимать решение – идти дальше к Пэ-У или менять курс.

Капитан был фаталистом и верил, что ему должно повезти. Он был убежден, что в космосе никто по доброй воле не останется без связи. И если было решено похитить космический корабль, то люди, которые пошли на такой шаг, должны были предусмотреть связь. И рано или поздно воспользоваться ею. Время шло.

«Вациус» продолжал идти к Пэ-У, с каждой секундой удаляясь от Ар-А.

Но капитан Йнвуке упрямо ждал.

И когда заработала станция «Шквала», разговор ДрокУ был запеленгован.

– Первая станция на планете Пэ-У, – сказал связист капитану.

– Где находится «Шквал»? – спросил капитан.

После минутного размышления компьютер дал координаты Ар-А.

Капитан вызвал подвахтенных штурманов и сообщил по интеркому, что «Вациус» меняет курс.

Капитан был фаталистом и даже несколько гордился этим. Но он был доволен тем, что его не подвела логика.

К сожалению, компьютер на «Вациусе» не имел лингвистической приставки, и содержание разговора осталось в тайне. И капитан жалел об этом, ибо полагал, что связь означала то, что противник принял решение.

* * *

Экипаж «Шквала», пообедав на скорую руку, вернулся к монтажу станции.

В городе пошла вторая половина дня, было жарко и пыльно. Солдаты, которые

охраняли поле, казались рыжими столбиками.

Ольсен сидел у полевого телефона. Два раза звонили от Его Могущества, потом звонил Мудрейший из Школы Знаний. Три раза звонил ВараЮ. Всех интересовало одно – когда будет связь.

События на космодроме уже стали достоянием самых отдаленных городов планеты и вызвали различную реакцию. Были те, кто опасался мести Галактического центра и того, что люди из Центра уйдут. Были такие, кто гордился подвигом Пруга Брендийского. Хоть официального сообщения и не было, царила убежденность в том, что Пруг отправился именно на Ар-А, к великим гигантам. Куда еще мог полететь столь знатный вождь?

Ольсен каждому звонившему терпеливо объяснял, что работы завершаются, потом поднимался на второй этаж. Разбитые окна были затянуты листами пластика, там было душно, но снять листы было нельзя, потому что тут же ветер намел бы тучи пыли.

Пилоты устали – они не спали ночью и работали отчаянно. Но они понимали, что Ольсену хуже, чем другим, и они успокаивали его и говорили, что осталось совсем немного.

* * *

Офицер, который еще три дня назад командовал отрядом боевых машин и исчез сразу после захвата «Шквала», был задержан в долине за озером ночью. Он молчал все утро. Днем с ним стал говорить сам Его Могущество. Он обещал ему жизнь и жизнь его клану. В противном случае погибнет весь клан. И Его Могущество не шутил.

Офицер попросил воды. Он устал и хотел спать. Он сказал, что все скажет. Он сделал это от страха за жизнь клана.

Его Могущество покинул помещение, велел своим помощникам продолжать. Ему было достаточно одного имени, которое сказал офицер, – ВараЮ.

Теперь требовались доказательства. Офицера надо, как только он расскажет о заговоре, отвезти во дворец правительства.

Солдат принес воды и поставил стакан на стол. Офицер жадно отхлебнул из стакана и почти мгновенно умер. Генерал еще не успел покинуть помещение казармы, где проходил допрос. Тут же был схвачен солдат, который принес воду. Он сказал, что воду ему дал дежурный в коридоре. Дежурный был мертв. Зная, чем все это кончится, он высыпал остатки яда в другой стакан и выпил сам.

* * *

Ольсен еще сидел у телефона. Не желая того, он задремал, сидя на низком стуле. И ему начал сниться приятный сон – мозг хотел утешить себя хотя бы во сне. Ему приснилось, что пожарные разгребают пепелище и там находят его рукописи, целые и даже не смятые.

– Ольсен! – позвал его, откинув угол пластиковой шторы, помощник Салиандри. – Можете подниматься к нам. Через несколько минут мы будем испытывать нашего монстра.

– Бегу, – вскочил Ольсен.

И в этот момент снова зазвонил телефон.

– Это ВараЮ. Что нового?

– Я должен вас обрадовать, – сказал консул. – Связь есть. В это трудно поверить, я сам боялся поверить, но они обещают, что через несколько минут связь будет налажена.

– Поздравляю, – сказал ВараЮ. – Я, к сожалению, не смогу к вам приехать, очень занят, тут обнаружили новые данные... но надеюсь, что вы справитесь без меня?

– Разумеется. Счастливо. Мы все сделаем.

ВараЮ говорил не из города. Его машина с телефоном стояла в сухом лесу в двух километрах от космодрома. Деревья стучали длинными сухими иголками под ветром, казалось, что множество маленьких барабанчиков возвещает начало боя.

ВараЮ позволил себе еще минуту расслабиться. Он думал. Расчет времени должен

быть совершенно точен. Чем позже он начнет отчаянную акцию, тем меньше останется времени до возвращения «Шквала».

ВараЮ очень хотел жить. И очень хотел победить. Он был игроком. Игроком с холодной головой и крепкими нервами. Он побеждал во всех играх и во всех спорах еще со школы. Его никогда не любили – тоже со школы, так как никто не любит людей, которые побеждают в любом споре и уклоняются от драки на кулаках, предпочитая, чтобы кто-нибудь дрался за них. Его не любили и в службе охраны, которая как раз переживала решительную перестройку в тот год, когда молодой незнатный ВараЮ пришел туда рядовым охранником.

Стража, которая должна была противостоять отрядам кланов, ненадежным и буйным, и заменить собой городских охранников, которых содержали торговцы, перестраивалась солидно. И нуждалась в специалистах. ВараЮ был очень способным молодым человеком и имел склонность к систематическому мышлению. И поэтому неудивительно, что когда в Галактический центр на стажировку посылали стажеров из различных ведомств, от стражи помимо четырех знатных офицеров попал и один незнатный – ВараЮ.

Когда он вернулся через три года, изменившийся, серьезный, даже солидный, его назначили заместителем к одному из его коллег по звездной поездке. Тот был родственником самого премьера. Начальник не любил ВараЮ, но вынужден был признать его способности. Постепенно в отряде стражи, которым фактически руководил ВараЮ, привыкли обращаться по всем вопросам к заместителю. Начальник же отряда купил большой дом и задавал вечера. А когда он вскоре перешел на более почетную службу, то как-то получилось, что в борьбе за место начальника другие кандидаты так перегрызлись, что ничего не оставалось, как назначить незнатного ВараЮ.

Он медленно продвигался вверх. Его карьеру тормозили происхождение и тот прискорбный факт, что ВараЮ недолюбливали начальники и не любили подчиненные. Но той же карьере способствовали досье, которые ВараЮ, изучивший историю секретных служб, завел на власть имущих города и всей страны.

К сорока годам он стал начальником столичной стражи, и это было пределом его возможностей, даже учитывая деловые качества и досье. Предков можно было бы купить, но все равно люди, от которых зависела его судьба, отлично знали о его происхождении. И, кроме того, его не любили. Хотя ВараЮ никогда и не стремился к тому, чтобы его любили.

У нас любят тебя, только если ты мертв и никому не страшен, говорил ВараЮ, который порой придумывал афоризмы и записывал их в секретную тетрадь, которую не показывал даже самым близким людям, потому что близкие люди тоже его не любили.

Дальнейшая карьера ВараЮ зависела только от его собственной энергии. Никакое его трудолюбие не помогло бы ему войти в узкий круг благородных, которые и правили планетой. Пруг слишком высоко ценил свою исключительность. Значит, следовало свергнуть круг, разорвать его. Для этого был лишь один путь – путь насилия.

Поднять войну ВараЮ был не в силах. Армия бы его не поддержала. Горные кланы, хоть и недовольные городским правительством, – тоже. Путь к власти открывала идея, которую подсказал ДрокУ – единственный по-настоящему близкий человек к ВараЮ. Их связывало чувство взаимного уважения. И взаимного страха. Они познакомились в Галактическом центре, молодыми честолюбивыми провинциалами.

Именно ДрокУ обратил внимание ВараЮ на то, что на Ар-А прилетела археологическая экспедиция. Казалось бы, ничего не было более далекого от дел и вожделений двух офицеров стражи. Археологическая экспедиция на соседней планете.

Но ведь для всех жителей их планеты Ар-А была не просто космическим телом, луной в небе. Ее жизнь определила зарю жизни на Пэ-У, а смерть ее цивилизации была столь недавней, и костры пожаров и взрывов на ее лице были ярки и очевидны. Мощь и мудрость гигантов были реальностью. Но нужно было иметь трезвую и в то же время авантюрную голову ДрокУ, чтобы связать эти события к своей выгоде.

В то время ДрокУ был при дворе Пруга Брендийского, наследника престола. Он

нанялся к нему на службу, пользуясь отдаленными родственными связями, потому что надеялся использовать этого человека в качестве амбициозного союзника.

Но захват престола не удался. Пришлось Пругу бежать в столицу. Пруг отошел в резерв, но формально ДрокУ не оставил службы у горного князя.

Два фактора – существование амбициозного, готового на все и легкого на подъем князя и археологические работы на Ар-А – соединились в уме ДрокУ еще до прилета Фотия ван Куна, так как первые известия об успехах археологов достигли Пэ-У за несколько недель до прилета ван Куна. Именно ДрокУ принадлежала инициатива двух следующих шагов. Первый заключался в том, чтобы внедрить в голову Пруга Брендийского идею о том, что следовало бы отправиться на Ар-А и завладеть сокровищами, которые иначе попадут в лапы Галактического центра, имеющего на них меньше прав, чем законный наследник. Второй шаг заключался в том, что ДрокУ стал искать знакомства с не удовлетворенным жизнью ВосеньУ.

Прилет Фотия ван Куна ускорил события. С ним были карты раскопок, он сам был источником точной информации. Сам по себе он еще ничего не решал. Нужен был корабль. Кораблем оказался «Шквал». Дальнейшее было просто.

Ван Куна выследили и похитили люди Пруга. Затем включился в игру ВараЮ. Ему надо было обезвредить Андрея Брюса и капитана корабля, убедить всех, что археолога утопили в озере грабители.

Стрелял в Андрея агент ВараЮ. Только у агентов ВараЮ были стрелки со стертым клеймом. Стража нового времени не нуждается в старинных правилах чести...

За минуту, проведенную во внешнем бездействии, ВараЮ мысленно пробежал по всей цепочке событий и попытался заглянуть в будущее. Если «Шквал» стартует сейчас с Ар-А, завтра он будет здесь.

Хоть офицер, который мог дать на него показания военным, ликвидирован, все равно в ближайшие часы или минуты армия вмешается в события. Следует оттянуть выступление армии до завтрашнего утра, а если не удастся этого сделать, то хотя бы сохранить силы. А корабль «Вациус» не должен знать, где «Шквал». Пускай он идет сюда. Все вычислено. У ВараЮ тоже есть помощники, которые умеют считать. «Вациус» достигнет космодрома завтра в полдень. Он опоздает. Но если он пойдет к Ар-А, то окажется там уже к утру – так судьба расположила планеты на орбитах в тот день. Удачно расположила для того, кто выигрывает. Плохо для проигравшего. И все же – рискнем.

– Рискнем, – сказал ВараЮ и нажал на кнопку на пульте машины. – Готовы? – спросил он.

– Готовы, – ответили ему.

– Вперед, – сказал ВараЮ и велел водителю вести машину наверх, на холм Бесподобного Чуда, откуда был виден космодром.

* * *

– Он сейчас придет сюда, – сказал доктор.

– Я тоже так думаю, – согласился Андрей. – Он волнуется, он ждет возвращения вездехода. Он не знает, чем все кончится. Если провал, ему лучше, чтобы мы ни о чем не подозревали. Если трудно, лучше знать, что мы замыслиаем. Или даже...

– Что?

Андрей улыбнулся:

– Или даже помочь нам, толкнуть нас на отважные действия. Как друг и союзник.

– Не понял.

– Чего мы от него ждем?

– Подлости.

– Вы не правы, мой любезный доктор. Мы ждем от него помощи. Мы не подозреваем, кто он на самом деле и какова его роль в этой истории. Значит, мы сейчас с вами мечемся в

неизвестности и нетерпении. Терзаемся, к чему бы приложить руки, как бы вернуть Космофлоту похищенный корабль, как бы остаться живыми.

– Но сейчас его постигнет горькое разочарование, – сказал доктор, предвкушая разоблачение предателя. – Если позволите, я сам ему все выскажу.

– Не позволю, – мягко возразил Андрей.

– Вы не скажете ему?

– Знание – самое ценное добро во Вселенной. Знание тайное – одна из основных ценностей войны, мой дорогой доктор. Чем меньше он знает, чем больше мы с вами знаем, тем выгоднее наша позиция.

– Я не согласен с вами, – сказал доктор возмущенно. – И я полагаю, что ниже нашего достоинства играть в прятки с этими существами. С убийцами. Наше человеческое достоинство мы можем поддержать, лишь будучи совершенно искренними. В ином случае мы опускаемся на их уровень. И перестаем быть самими собой.

– Я, простите, на службе, – ответил Андрей. – Мне нужно сохранить имущество Космофлота и жизнь людей. Если мне для этого придется пойти на временный союз с чертом, я, к сожалению, пойду на него. Ведь я в отличие от вас не герой.

Доктору в словах Андрея почудилась насмешка. Никто не любит, чтобы над ними посмеивались.

– Я не люблю цинизма, – сказал доктор.

– Я не могу вам приказать, – сказал Андрей. – Но я обращаюсь к вашему разуму. Может быть, мой, позорный в ваших глазах, союз с ДрокУ поможет нам обрести некоторую свободу передвижений по кораблю. Мне это очень важно. Мне бы очень не хотелось сидеть взаперти в каюте, как принципиальному индюку, обреченному быть украшением на чужом обеде...

И, увидев, что доктор покраснел от обиды, Андрей быстро добавил:

– Не обижайтесь. Я не имел вас в виду. Я хочу добавить для вашего сведения, что намеревался жениться на девушке по имени ПетриА. Она уроженка Пэ-У. В день нашего вынужденного отлета ее убили. Вот эти люди.

– Кто? – спросил доктор.

– А я взял на себя смертную месть. От имени ее семьи. Есть такой дикий первобытный обычай...

– Кто ее убил? Пруг?

– Нет, Пруг был у себя... и это сейчас неважно.

ДрокУ вошел, по-мальчишески улыбаясь.

– Друзья, – сказал он, осторожно прикрывая дверь за собой и начиная играть роль тайного друга, – обстановка тревожная, но не безнадежная.

* * *

Бродяги лежали по краям поля, лежали уже давно, подползали все новые, и когда они поднялись и побежали, казалось, что из желтой стены пыли поднимаются сонмы оборванных, грязных, дико ревуших фигур.

В этой толпе большинство были и в самом деле бродягами, могильщиками, ворами, нищими, которых купили даровой выпивкой, несколькими монетами. Однако организовывали толпу, вели ее и несли взрывчатку агенты стражи. Но одеты все были по-настоящему – в рубища, обшитые ракушками у бродяг, косточками у помойщиков, камешками у могильщиков, осколками стекол у воров и обломками лезвий кинжалов у грабителей.

Солдаты, утомленные бесконечным стоянием на солнце, обалдевшие от зноя, растерялись и опоздали открыть огонь. Один из них упал, застреленный из толпы, остальные побежали к зданию диспетчерской.

С холма ВараЮ было плохо видно, что происходит. Дул ветер, поднятая ветром и

сотнями босых ног пыль кружилась над полем.

Ольсену все было видно куда лучше. Он после ночного пожара был почти убежден, что кто-то постарается обязательно уничтожить и эту радиостанцию. Более того, он был уверен, что этот человек – один из тех, кто звонил и сочувственно интересовался, как идет ремонт связи.

Ветер оторвал пластиковый занавес, и сверху были видны быстро приближающиеся фигурки. Солдаты, отстреливаясь, уже подбегали к диспетчерской.

– Врубай аппаратуру! – крикнул Салиандри связисту, который еще что-то подпаивал в схеме.

– Две минуты! – крикнул тот. – Жан, помоги.

Штурман бросился к нему.

Выглянув, Ольсен увидел, как двое солдат встали на колени перед входом в диспетчерскую и прицелились в толпу. Может, кто-то и упал от их выстрелов, глухо прозвучавших над полем и утонувших в воплях бродяг, но это не замедлило общего бега толпы.

Один из пилотов приоткрыл пластиковый занавес с другой стороны.

– Они уже близко! – крикнул он.

– Наверх! – закричал сверху Ольсен солдатам. – Идите сюда.

Солдаты слышали. Они поняли, что Ольсен прав. Они поднялись и побежали к лестнице. Один из них упал. Потом он приподнялся и пополз ко входу. Ольсен метнулся было ниже, чтобы помочь ему, но его удержал Салиандри:

– Не успеете.

Салиандри был прав – толпа уже настигла и поглотила солдата. Остальные солдаты бежали вверх по лестнице.

Салиандри крикнул Жану, который все еще не включил рацию:

– Передашь связь консулу! Я буду на лестнице.

За Салиандри побежали еще трое пилотов. Четвертый остался с Жаном, помогая начать связь.

Рев толпы приблизился и стал так громок, что трудно было говорить. Ольсен еще раз выглянул в окно и не успел увернуться – у самого уха просвистела пуля; стрелял кто-то из задних рядов. Камень, брошенный рыжим вором в серой рубаше, увешанной острями кинжалов, попал Ольсену в висок, и он, схватившись руками за голову, начал оседать на пол. Но никто не заметил этого.

В общем грохоте и суматохе каждый старался заниматься своим делом, если можно было считать делом то, что Салиандри подхватил ружье у упавшего на лестнице солдата и стрелял вместе с оставшимися в живых, целясь по ногам. Солдаты не раздумывали о том, куда целиться, – они были напуганы, но понимали, что, если они сдадутся, их тут же растерзают.

Гул нарастал – нападающие распаляли себя проклятиями в адрес трусливых крыс, но движение застопорилось, тем более что солдаты пришли в себя и их выстрелы стали куда точнее. Да и на узкой лестнице превосходство в числе пропало.

С холма ВараЮ видел, как кольцо людей стягивалось к диспетчерской. Вот оно слилось с башней и начало втягиваться вглубь. Он успокоился. Все шло по плану. Главное, не только разрушить связь, но и убедить всех, что нападение – дело городских преступных кланов. Пускай кое-кто и заподозрит, что именно он стоял за этим нападением, но нужны более веские обвинения, чем подозрения в связях с преступниками.

ВараЮ ждал взрыва. Он не спешил. Если не удастся со взрывом, бродяги должны разнести в щепки аппаратуру. Земных пилотов он не приказывал убивать. Но и не приказывал щадить их. Ему было все равно.

– Есть связь! – закричал Жан, отрываясь от передатчика. Ему хотелось, чтобы Ольсен скорее связался с «Вациусом», потому что он опоздал к первому бою и боялся пропустить второй.

И тут Жан увидел, что толстенький пожилой консул, у которого ночью сгорел дом, лежит на полу скорчившись, прижав к голове руки, а сквозь пальцы льется кровь.

– Держи связь! – крикнул Жан своему помощнику и бросился к консулу.

Он постарался оторвать его пальцы от головы, но тот сопротивлялся.

– Вы живы? Да отвечайте же, вы живы?

– Скажи ему... – Ольсену казалось, что он кричит, а он говорил чуть слышно. – Скажи ему – планета Ар-А. «Шквал» на Ар-А. Он поймет...

Жан понял, чего хочет консул. Он метнулся обратно к рации.

– Работает! – крикнул ему напарник.

Жан схватил микрофон.

– «Вациус», вы меня слышите? Дайте подтверждение связи!

Он услышал шум схватки у самой двери – головы отступающих пилотов показались на лестнице. Ему некогда было ждать подтверждения связи. Он закричал в микрофон, как будто от силы голоса зависело, поймут ли его:

– «Шквал» на планете Ар-А. «Шквал» на планете Ар-А!

И он повторял эту фразу до тех пор, пока его не сразил выстрел из духовой трубки.

* * *

Капитан «Вациуса» получил от радиста короткую радиogramму, пришедшую с Пэ-У. Он прочел ее и спросил:

– Связь оборвалась на этой фразе?

– Больше они ничего не передавали.

– Спасибо. Мы идем правильно. Вызовите ко мне инженеров, я хочу увеличить скорость.

Скорость было нельзя увеличивать, корабль шел на пределе. Дальнейший разгон не предусматривался строгими инструкциями Космофлота. Через час скорость была увеличена еще на тысячу километров в секунду.

* * *

– У меня мало времени, – сказал ДрокУ. – Вернулся вездеход с оружием. Но я могу помочь в одном, хоть это может стоить мне головы, – я могу помочь всем вам бежать с корабля.

– Зачем? – спросил Андрей, улыбаясь не менее дружелюбно, чем ДрокУ, к великому возмущению доктора, который, чтобы не выдать себя, ушел во внутренний отсек проверить приборы анабиотической ванны, в которой лежал Витас Якубаускас.

– По очень простой причине. Я убежден, что Пруг вас всех убьет до того, как корабль поднимется вверх.

– Почему вы так решили?

– Я его лучше знаю. – ДрокУ стал серьезен. – На его совести немало смертей, и если мы его не остановим, то трагедия может принять громадные размеры.

– Как мы его остановим, уйдя с корабля?

– Ни мне, ни вам это не под силу. Мы ничего не сделаем против двух десятков преданных ему охотников. У нас нет шансов. Пруга ждут на Пэ-У. Туда сейчас подходит корабль «Вациус». Охрана и армия мобилизованы. Он будет обезврежен на подлете к планете.

– Откуда у вас такая информация?

– Я слышал переговоры кораблей с Пэ-У.

Это было неправдой, и ДрокУ настороженно взглянул на Андрея, проверяя, пройдет ли ложь. Андрей сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. Вряд ли Пруг захочет терять ценных заложников. Но ДрокУ не хочет оставлять на корабле свидетелей, но и не смеет их

убить. Уведя с корабля пленников, ДрокУ подстраховывается на случай провала. Он только спасал. Он никого не убивал.

– Глупости, – сказал доктор из-за перегородки. – Брюс может уходить. Я член экипажа. У меня на руках больной.

Он показал на внутреннюю дверь.

– Когда вас убьют, – сказал ДрокУ, – больному будет все равно. Его тоже вряд ли оставят в живых.

– Я все сказал, – отрезал доктор и быстро ушел в госпиталь.

ДрокУ развел руками.

– Я сделал все, что мог, – сказал он с искренней печалью в голосе. – Вы тоже остаетесь?

– У каждого свое понимание долга, – ответил Андрей. – Я пойду к себе в каюту.

Они вышли вместе.

ДрокУ был так занят своими мыслями, что даже не обернулся, чтобы проверить, куда идет Андрей.

У двери своей каюты Андрей задержался. Он подождал, пока ДрокУ отойдет подальше, а потом пошел следом. Он поддался непростительному, но непреодолимому любопытству. Ему хотелось поглядеть на добычу Пруга.

* * *

ВараЮ первым увидел пылевую тучу – к космодрому шли боевые машины. Он лишь кинул взгляд в ту сторону. Большая часть его наемного войска уже скрылась в диспетчерской башне, и, значит, бой там кончается. Боевым машинам не успеть. В любом случае бродяги с удовольствием выполняют главную задачу – разнесут вдребезги эту проклятую станцию.

Больше ему здесь нечего делать. И чем дальше он окажется от космодрома, когда им овладеют солдаты, тем спокойнее. Тем более что формально в данный момент ВараЮ играет в мяч в доме высокопоставленного торговца, человека выше подозрений. Двойник ВараЮ, замещавший его на время отсутствия, был подобран достаточно точно, чтобы обмануть случайного наблюдателя.

ВараЮ приказал водителю ехать к городу. Но машина еще не успела тронуться, как ВараЮ, оглянувшись, замер. Этого он не ожидал. Три вертолета подлетали на бреющем полете к диспетчерской. Это были армейские машины. Во-первых, ВараЮ не ожидал, что их перегонят с армейской базы в трехстах километрах от столицы. И если Его Могущество приказал поднять машины еще утром, значит, он догадывался или даже знал о нападении на диспетчерскую.

Машина уже съехала с холма, отделившего ее от космодрома, и ВараЮ не видел, как десантники спрыгивали на крышу диспетчерской и перекрывали выходы из нее.

ВараЮ велел гнать к своему убежищу. Алиби с мячом в этой ситуации могло оказаться наивным.

* * *

Десантники успели ворваться в диспетчерскую как раз в тот момент, когда толпа бродяг одолевала последних защитников и бросилась с буйным возбуждением громить станцию. Это, возможно, и спасло пилотов и солдат, по крайней мере, отсрочило их гибель настолько, что десантники могли достичь диспетчерской и отвлечь бродяг и агентов ВараЮ.

Ольсен, сжавшийся в углу и пытавшийся стереть с глаз кровь, лившуюся из разрезанного лба, воспринял это как продолжение кошмара. Десантники были одеты в ярко-оранжевые камзолы, синие короткие юбки и высокие белые сапоги. Поверх камзолов были натянуты золотые кирасы, а остроконечные каски имели небольшие забрала, закрывающие лишь лоб и глаза. И когда они чертями, рыцарями, шутами полезли

одновременно со всех сторон, Ольсен, забыв о том, что к груди его буквально приставлен нож грабителя, закричал:

– Слава клану РасеньЮ, приходящему на помощь тем, кто терпит притеснение! – что было точной цитатой из старинного сказания «РасеньЮ и демоны жадности».

Понятие плена еще не пришло на планете Пэ-У. Об этом отлично знали и бродяги, которые значительно превосходили числом десантников. И отчаянно дрались, хотя и понимали свою обреченность. Более сообразительными были агенты ВараЮ, которые в суматохе постарались скрыться, но в большинстве скрыться не смогли, потому что, выбегая из диспетчерской, они попадали под огонь боевых машин.

Станция была вновь разрушена. Двое пилотов ранены, причем Салиандри тяжело. Рана Ольсена оказалась легкой. И Елена Казимировна сама, не доверяя местным врачам, ее промыла и обработала.

* * *

Андрей остановился в воротах грузового отсека, где разгружали большой вездеход. Он почти не таился – было не до него. Наступил миг свершения. Оружие гигантов, с помощью которого можно достичь славы и власти, было не только найдено, но и захвачено.

Пруг пришел туда как раз перед Андреем. Он подошел к самой машине, к распахнутому грузовому люку. Воины вытащили оттуда первую бомбу. Из черного металла короткий кургузый цилиндр на низкой тележке. Воины вытаскивали сокровища осторожно, причем Андрей внутренне улыбнулся, обратив внимание на то, как произошло естественное деление на причастных и случайных. Те, кто остались на корабле и не участвовал в походе к арсеналу, как бы отступили на второй план. Им даже не дали помочь в выгрузке, словно новое таинственное Знание принадлежало лишь участникам похода. Даже ВосеньУ, который никогда прежде не отличался смелостью в присутствии Пруга, на этот раз громче обычного распоряжался, подгоняя воинов, и был похож на торговца, который прибыл из дальних краев.

Андрей и сам, не отрываясь, глядел, как на пол перед вездеходом выкладываются трофеи. Там было две бомбы. Три пулемета либо схожих с пулеметами предмета. Большая труба, возможно, миномет. Несколько ящиков с патронами. Пистолеты, ружья. Две кассеты со снарядами, но неизвестно, каким образом эти снаряды пускать в действие. И еще множество вещей, явно военного, но непонятного назначения.

Победители стояли широким полукругом, обозревая сокровище, которое даст им власть над планетой. Горцы показались вдруг похожими на стаю обезьян, ограбивших библиотеку.

Андрей незаметно ушел. И пока готовились к отлету, сломал замок своей каюты. Он надеялся, что в суматохе отлета никто не вспомнит о нем. Но не хотел рисковать.

* * *

Археологи потеряли много времени, потому что амляк был жив, но тяжело ранен. Эльза отказалась оставить его на верную смерть, а мужчины не могли бросить ее без охраны, раз рядом таился убийца.

Пока Эльза с помощью Фотия пыталась спасти амляка, Браун и Львин поднялись на развалины, но никаких следов убийцы не нашли.

Потом из развалин вылезли другие амляки. Они сели в кружок и тихо скулили. Они знали, что их сородич умрет.

Амляк умер. Эльза ничем не смогла ему помочь.

Именно поэтому, когда археологи подъезжали к кораблю, он вдруг начал медленно расти, как гриб, поднимающийся из земли. Движение его ускорилося. Он взлетал.

– Что же теперь делать? – спросил Фотий ван Кун. – Мы же хотели их задержать.

– Сначала, – сказал рассудительный Львин, – надо будет привести в порядок нашу

станцию. А это нелегко сделать.

– А потом, – добавил Тимофей, – мы будем работать, как обычно, и ждать вестей.

Они стояли, глядя в небо. Корабль был красив, он был воплощением человеческого умения и таланта. Но летел он для того, чтобы убивать.

Где-то далеко завывали волки. Они вышли на вечернюю охоту.

* * *

КрайЮ вылез из кустов, когда убедился, что археологи ушли. Он был уверен, что его младший брат обязательно придет за ним, чтобы позвать обратно на корабль, но, когда надвинулся вечер, у него появилось подозрение, что о нем забыли. Он всей шкурой ощущал, что его забыли. Он несколько раз вызывал корабль, но ему не отвечали.

Предвечерний город был настороженно тих. КрайЮ хорошо ориентировался и представлял себе, в какой стороне корабль. И он пошел туда быстрыми мерными шагами охотника. Он шел так, чтобы оставить в стороне станцию археологов, и из-за этого ему пришлось переплыть реку и потом углубиться в лес. Там его и почуяли волки, которые проснулись и собирались в стаю для ночной охоты.

КрайЮ заметил их, когда пробирался сквозь лес. Он побежал. На поляне он оглянулся и понял, что если он не успеет добежать до корабля, то они его растерзают. Это были сильные звери, таких не было на Пэ-У.

Волки настигли его у опушки леса, и КрайЮ убил одного из них кинжалом. Пока волки терзали мертвого собрата, он снова оторвался от них. Они настигли его снова в полукилометре от корабля. Когда он истратил последнюю стрелку, он увидел, как корабль поднимается в небо. И он понял, что остался совершенно один и ему придется скоро умереть. Но он еще сражался. Он был живуч и крепок.

Он повернулся к станции археологов, надеясь укрыться там.

Он бежал, проклиная корабль, Пруга, ВосеньУ – всех, кто оставил его. Он проклинал даже своего любимого брата, который не вернулся за ним, совершив тем страшное преступление против кровного единства. Он не знал, что его младший брат мертв.

Волки настигли его вновь, и он убил еще одного. Но был ранен и стал слабеть.

Наконец волки накинулись на него всей стаей. КрайЮ дрался с ними руками, зубами, он сражался, даже когда любой другой человек упал бы от ран и умер. И он закричал только перед самой смертью, когда они повалили его на землю.

* * *

Подъем совершался на пределе возможностей «Шквала» – по максимальной программе. В какой-то момент Андрей даже подумал, как глупо будет погибнуть из-за того, что ВосеньУ плохо учился.

Андрей выбрался в коридор и достиг узла связи именно в тот момент, когда силы окончательно оставили его. Он чуть не рассчитал и вышел слишком рано.

Добравшись до кресла, он опустился в него и стал считать до ста, чтобы восстановить способность думать. Он надеялся, что никто еще не пришел в себя настолько, чтобы ему помешать. Медленное движение руки, чтобы включить передатчик. Второе – приемник. Стало куда легче. Первая стадия разгона завершена. «Шквал» корректирует орбиту. ДрокУ занят на мостике. Пруг еще недееспособен. ВосеньУ нечего делать в узле связи... Андрей утешал себя. От успеха его начинания сейчас могло очень многое зависеть.

Включилась автоматика вызова.

– «Шквал», – твердил «Вациус», – «Шквал», вас вызывает «Вациус».

Автомат повторял эти слова уже третий день.

Теперь настройка. Он не помнил позывных «Вациуса». Когда-то он знал наизусть все частоты грависвязи, все позывные кораблей Космофлота. Позывные меняли редко... Пальцы

его сами выбрали код. Включили передатчик. Теперь приемник. Нет, он настроен на чужую станцию – только статика. Может, это станция ВараЮ, но сейчас он нас не интересует.

Первым ожил приемник. Механическим голосом автоматического вызова:

– Корабль Космофлота «Шквал». Вас вызывает «Вациус». Корабль Космофлота...

Затем с запозданием на полторы секунды загорелся индикатор передатчика.

Мгновенность распространения гравитационных волн во Вселенной не безусловна. Запоздания в распространении связаны с кривизной пространства, и на значительных расстояниях эта связь может стать ненадежной. Но «Вациус» был очень близко, даже не в галактических масштабах.

– «Вациус», – заговорил Андрей, склонившись к сетке микрофона, – вызывает «Шквал». Вы меня слышите?

– Я вас отлично слышу! – раздался голос, и в тот же момент спиной Андрей почувствовал движение воздуха – кто-то входил в рубку.

– Запомните! – Андрей почти крикнул, потому что всей спиной, всем телом напрягся в ожидании удара кинжалом. – Не высаживайтесь на «Шквал»!

Крепкая, вся в кольцах рука ДрокУ нажала на клавишу, прервав связь.

ДрокУ был бледен – видно, перегрузки ему тоже обошлись нелегко. Он рванул на себя кресло, и то повернулось так, что Андрей оказался спиной к пульту и лицом к ДрокУ.

– Почему вы оборвали связь? – Андрей постарался подняться, но у ДрокУ было преимущество – он стоял. Коротким ударом по плечу он заставил Андрея остаться в кресле.

– Мы же договорились, – сказал он, – что согласовываем наши действия. Вы можете все погубить.

– Я не уверен, что мы с вами союзники.

– Если бы я был врагом, я бы убил вас минуту назад. Никто бы вас не пожалел. Достаточно мне сказать Пругу, что вы старались связаться с «Вациусом», – и вас не существует.

Хорошо, подумал Андрей, мы не хотим разоблачения, хоть и подозреваем неладное.

– Тогда объясните.

– Вы вышли из каюты без разрешения, пользуясь моим покровительством, – сказал ДрокУ. – И решили поставить под угрозу все предприятие. Я же говорил вам – на Пэ-У нас ждут. Ничего не выйдет у Пруга. Ничего. Ваше дело сидеть и молчать, а не вызывать смерть на себя. Ваше счастье, что появился я, а не Пруг.

Андрей чуть отклонился назад, чтобы прыгнуть. Но в последний момент его взгляд упал на приоткрытую дверь – в ней стоял воин, недвусмысленно направив на Андрея духовую трубку. Воин не понимал разговора, но знал свое дело.

– Что вы успели сказать «Вациусу»? – спросил ДрокУ.

– Вы же слышали – ничего. Вы не дали...

– Когда я вошел, вы были на связи и успели сказать несколько слов на непонятном языке.

– На их языке, – сказал Андрей. – Я сказал, что выхожу на связь – жест вежливости. Я стажировался на их корабле.

– Хорошо, – сказал ДрокУ. Он явно спешил. – Постараюсь поверить, что вы не успели ничего напортить. И прошу в будущем не мешать – это наша задача обезвредить преступников. Ясно? Если я увижу вас еще за тайными интригами, я вас не пожалею. И клянусь, что всегда смогу объяснить вашу смерть случайными причинами.

Андрей ушел без спора. И настолько быстро пошел по коридору, хоть перегрузки еще были двойными, что воин не смог за ним поспеть и прикрикнул, чтобы он не убежал.

Андрей спокойно открыл дверь в медпункт и вошел туда так, словно он там и живет. Его расчет был правильным – воины уже запутались, куда надо загонять этих беспокойных пленников.

Доктор уже поднялся с кресла и возился в заднем помещении, проверял, все ли в порядке у Витаса.

– Что нового? – спросил доктор. – Вы были у Пруга?

– Я пытался связаться с «Вациусом», – сказал Андрей, включая интерком. ДрокУ сидел в кресле, вызывая Пэ-У, но ему не отвечали.

– Зачем? – спросил доктор.

– Чтобы предупредить их. Чтобы они не сближались с нами.

– Мне ваше поведение иногда кажется буквально загадочным, – сказал доктор.

– Вы забыли о том, что отлично знаете. «Вациус» – невооруженный гражданский лайнер. Команда его – совершенно штатский народ, никогда не принимавший участия в племенных войнах. Вы хотите, чтобы их просто перебили? ДрокУ и Пругу этого очень хочется. Еще бы, захватить сразу два корабля гражданской авиации – это больше чем успех.

– Но если их не остановить... там бомбы и другое оружие...

– Давайте не думать о бомбах в грузовом отсеке. Мне кажется, что главную опасность они представляют для нас с вами. Планета Пэ-У не пострадает.

* * *

На «Вациусе» приняли две гравиграммы, которые кое-что прояснили, а кое-что запутали. А капитан «Вациуса» не выносил неясности.

Одна гравиграмма пришла с космодрома на Пэ-У. Прием был ненадежный, напряжение поля все время колебалось, словно станция была плохо настроена.

Гравиграмма сообщала лишь о том, что «Шквал» ушел к Ар-А. После этого связь оборвалась. Но так как эта гравиграмма только подтверждала то, о чем догадался сам капитан, то он отложил ее в сторону.

Вторая гравиграмма пришла вскоре после первой. Она была куда более загадочной. Ее источником оказался корабль «Шквал», находящийся, как известно, в руках пиратов. Она почему-то предупреждала, причем, что самое фантастическое, на языке капитана, чтобы он ни в коем случае не высаживался на «Шквале».

Но для целей капитана «Вациуса» вторая гравиграмма была куда более интересной и многообещающей. Она позволила запеленговать «Шквал» и убедиться в том, что корабль поднялся с планеты Ар-А и взял курс на Пэ-У. Если цель его – как можно скорее добраться до Пэ-У, а шел он по оптимальной траектории и на пределе скорости, то можно высчитать с точностью до секунды, где и когда можно будет его перехватить. Эта точка была высчитана компьютером и сообщена капитану через шестнадцать секунд после связи Андрея с кораблем. И капитан смог сообщить по интеркому своему экипажу, который в нетерпении ждал вестей, что через час двадцать минут плененный корабль «Шквал» будет в пределах прямой видимости.

Капитан «Вациуса» объявил на корабле тревогу. Он никак не мог понять, кто и почему хотел связаться с ним со «Шквала». Те, кто захватил корабль, хранили молчание и на постоянный вызов не отвечали. Поэтому вернее предположить, что в радиорубку проник кто-то из экипажа, а если так, то обрыв связи означал, что его застали в рубке. Поэтому он предпринял следующие действия:

приказал развернуть лазарет и направил к доктору корабля двух помощников;

приказал на камбузе приготовить диетический обед на двенадцать человек – во столько он оценивал число членов экипажа «Шквала»;

велел – он был предусмотрителен – очистить две большие каюты и соорудить на них внешние запоры, чтобы использовать их для изоляции бандитов, захвативших корабль;

собрал своих помощников, чтобы выяснить, что делать – на случай, если бандиты будут сопротивляться.

Гражданские пилоты Вселенной – народ бродячий, и их работа не только связана с постоянными длительными отлучками, но и с постоянной опасностью, которая не очевидна для пассажиров или случайных людей. Но, поднимаясь в космос, каждый пилот знает, что его корабль не более чем маковое зернышко в океане.

Вот эта оторванность от остального человечества, оторванность чисто физическая, рождает ощущение тесного братства между пилотами. Вряд ли найдется в Галактике категория людей, столь внимательно следящая за прочими членами содружества. Не так уж много лайнеров в Космофлоте, но все же их более ста. Многие космонавты знакомы между собой, у них излюбленные точки рандеву, свой фольклор и даже свои сплетни. И очень трудно проникнуть в этот мир пришельцу со стороны – сначала он должен пройти не один рейс звездными трассами.

Зато если кто-то из пилотов Космофлота попадает в беду, то на помощь ему сразу же придут все его собратья – все, кто в состоянии это сделать. Далеко не всегда это возможно – катастрофы в космосе чаще всего мгновенны и никого не оставляют в живых. Но бывают и исключения.

Ведь когда четыре года назад такая беда случилась с кораблем капитана Андрея Брюса, то он остался жив только потому, что корабль «Восток» под командой Витаса Якубаускаса, приняв сигнал бедствия, смог прийти тогда ровно за два часа до того срока, который был рассчитан компьютером и за двадцать минут до того, когда было бы поздно.

Неудивительно, что в минуты, когда «Вациус» подходил к точке рандеву со «Шквалом», радиоотсек буквально гремел вопросами, советами и предложениями помощи. Тем более что на «Шквале» оказалось сразу два известных всем капитана – Брюс и Якубаускас.

* * *

ДрокУ сидел в кресле пилота. ВосеньУ в соседнем кресле. Они молчали. Потом ВосеньУ спросил:

- Можно я задам вам вопрос?
 - Да.
 - Если мы прилетим и все будет в порядке, как мы кинем бомбу?
 - Откроем люк и кинем, – ответил ДрокУ быстро.
 - А если она не взорвется?
 - Важно, чтобы все знали, что у нас бомба.
 - А если не взорвется?
 - Значит, кинем вторую, – сказал ДрокУ.
- Они снова замолчали.

* * *

Боль возникла вдруг – боль от образа: ПетриА лежит на диване, и ее волосы касаются пола. Он так явственно увидел это, что зажмурился от боли и от стыда перед ПетриА, потому что он мог забыть о ней.

На корабле ее убийца. И не так важно, кто из них убил. Просто для них это убийство – маленький эпизод, о котором они завтра не вспомнят, если не будут бояться мести. И погибли другие люди, которые ни в чем не провинились перед ними, но невольно им помешали.

Власть – это убийство людей ради того, чтобы получить безнаказанную возможность убивать дальше. Власть ради власти. Потому что никто из них не съест больше трех обедов и не наденет на себя больше трех одежд. Пруг лишь игрушка в руках спокойного, улыбчивого ДрокУ...

Неожиданно зазвучал зуммер. Включился экран интеркома. На нем было лицо ДрокУ.

– Если вам интересно, – сказал он, – то в пределах видимости появился корабль Космофлота. Каталог Сомова информирует, что корабль именуется «Вациус».

- Значит, все кончено?
- Сидите и ждите... Я сообщу.

* * *

Пруг пришел на мостик через три минуты.

Выглядел он плохо — видно, не оправился от перегрузок. А может, после вчерашних эскапад.

Он долго смотрел на экран. Потом спросил:

— А что за корабль? Патрульный крейсер?

— Нет, — сказал ДрокУ. — Это корабль Космофлота, называется «Вациус», гражданский лайнер. Скорость его ниже нашей.

— Мы можем уйти?

— Да, если сейчас изменим курс, то придем к Пэ-У раньше его. Компьютер уже рассчитывает новый курс.

Зажужжал компьютер, сообщая данные о новом курсе.

— На нем нет вооружения, — сказал Пруг. — Он лезет нам в руки.

— Да, — согласился ДрокУ.

— Глупцы, — усмехнулся Пруг. — Они не знают, с кем имеют дело.

— Снижаем скорость, — сказал ДрокУ, — и передаем сигнал бедствия. Хорошо, что мы готовы к такой возможности.

— В коридорах мы сильнее. И учти, Пруг Брендийский еще никогда ни от кого не бегал... ВосеньУ, ты останешься здесь подавать сигнал и следи очень внимательно, как они будут с нами сближаться. Как только они спустят с борта свой маленький корабль, сообщишь мне. Я буду готовить встречу. ДрокУ пойдет со мной. Как только все будет готово, я вернусь сюда.

Пруг был великолепен. Он широко двигал руками, и золотая тесьма на плаще сверкала под лампами мостика. Щеки его покраснели. Он помолодел. Он был воином, коварным, но отважным. И он шел в бой.

Пруг подтолкнул ДрокУ вперед, и тот первым вышел в коридор.

— Да, — сказал Пруг, вспомнив, — а где ДрейЮ?

— В каюте, — сказал ДрокУ. — Я проверял.

— Пошли воина, чтобы его привели ко мне, когда корабль будет совсем близко. Если на «Вациусе» будут сомневаться, заставим ДрейЮ позвать их на помощь.

* * *

Андрей остановился у небольшой двери в скафандровую. Некоторое время он стоял неподвижно, разглядывая скафандры и пытаясь себя уговорить, что это только скафандры, самые обыкновенные скафандры, и ничего более, что это не палачи — не то страшное, до чего он никогда в жизни не сможет дотронуться.

А там, снаружи, уже снижает скорость «Вациус», и его капитан уже приказал спустить планетарный катер.

И пилоты — среди них может быть кто-нибудь из его знакомых — уже готовятся к переходу на «Шквал».

Они, вернее всего, осторожны, но ни один из них не сталкивался с первобытными охотниками из Брендийского клана и не встречал наследника Брендийского весом в сто двадцать килограммов с нутром дикого кабана.

Андрей выбрал скафандр по росту и автоматически проверил, все ли на месте. Он пытался убедить себя в том, что надевает скафандр на всякий случай, на минутку, а потом снимет снова.

Скафандр привычно раскрылся, впуская в себя Андрея. Как гусеница в коконе. Теперь можно сделать шаг. Андрей не мог себя заставить сделать этот шаг, знал, что за первым шагом он обязательно сделает следующий. Никуда тут не деться.

Ему показалось, что до него донесся стук, – может, кто-то заметил, как он входил в скафандровую? Времени на размышления и переживания не осталось. В конце концов сотни космонавтов выходили наружу...

Андрей опустил забрало шлема, проверил, как поступает воздух. Затем быстро поднялся по трапу, прикрепленному к стене. Откинул служебный люк. И оказался в узком пространстве между оболочками корабля. Сюда нельзя по инструкции выходить без скафандра, так как, хоть контролирующие приборы сразу же подняли бы трезвон, здесь может быть утечка воздуха.

Пока Андрей, согнувшись, шел между оболочками, он все еще мог себя утешать, что и не собирается выйти наружу. До тех пор, пока не дошел до внешнего люка.

Люк скрывался за небольшим переходником. Им можно пользоваться лишь в экстренных случаях – для внешних ремонтов.

Андрей втиснулся в переходник. Переходник был знаком. Он ему снился уже четыре года.

Андрей закрыл за собой внутренний люк и замер. И понял, что ни за что на свете не сможет открыть внешний люк...

* * *

Четыре года и четыре месяца назад Андрей Брюс, один из самых молодых и известных капитанов Космофлота, на «Орионе» крейсировал возле планетки со странным прозвищем Кастрюля. Кто-то так называл ее, вот и прижилось. Кастрюля была скопищем вулканов – плюющих, льющих, фыркающих... На орбитальной станции работали вулканологи и спускались оттуда для наблюдений и промеров.

Орбита была рассчитана верно, ничего не могло случиться, но случилось. Выброс газов с планеты достиг станции, потому что втрое превзошел допустимые величины, повредил двигатели станции, несколько человек из работавших на планете погибли – в общем, случилась беда.

«Орион» изменил курс, чтобы снять со станции вулканологов. Эвакуация прошла трудно, но закончилась благополучно. Правда, повредило внешние антенны.

В полете пришлось ремонтировать внешнюю обшивку и антенны. Капитану можно этим не заниматься, и никто от него не ждет такой работы, но народу на борту было немного, все были заняты вулканологами, среди которых было немало раненых и обожженных. Так что нет ничего удивительного, что ремонтом занимался и капитан.

Он работал вместе с механиком Браком. Они были снаружи примерно час. А потом механик Брак начал подавать сигналы бедствия. Сигналы проходили плохо, их не сразу приняли. Брак сообщил, что страховочный трос капитана лопнул по неизвестной причине и того выбросило в бездну.

Если бы Брак был внимательнее, ничего бы страшного не произошло – человек превратился бы в спутник корабля и далеко бы не отлетел. Ну, напугался бы, а потом бы его вернули домой.

На этот раз получилось так, что, когда трос лопнул, Андрея отбросило от корабля и он приобрел собственную скорость. Брак же потерял его из виду, даже не помнил направления движения капитана.

Корабль погасил скорость и начал маневрировать, стараясь найти капитана. Но размеры человеческого тела настолько ничтожно малы, что уже за несколько тысяч километров человек не регистрируется даже самыми чуткими приборами. А Андрей падал в бездну.

Он падал в бездну шестьдесят три часа. Он несколько раз умер, он пролетел невероятное количество километров и миров.

Шесть кораблей Космофлота и патрульный крейсер – к счастью, это случилось на оживленной трассе – искали его все эти шестьдесят три часа. И нашел его Витас Якубаускас.

Это была и счастливая случайность, и результат умения работать с компьютерами.

Когда Андрея подняли на борт, он был без сознания, он пришел в себя лишь на базе, через много дней, и долго не верил, что жив. Потому что слишком медленно и наверняка умирал.

После его выздоровления медики поняли, что травма настолько глубока, что Андрей уже никогда не сможет выйти в открытый космос. Даже на Земле он избегал выходить ночью, когда светили звезды.

Психически неполноценный человек не имеет права командовать кораблем и отвечать за жизнь других людей. Андрею предложили наземную работу. Он предпочел уехать из Галактического центра: ему не хотелось встречать бывших коллег, потому что он осуждал себя за этот синдром, считал его чем-то постыдным.

Именно поэтому, уже надев скафандр, потому что не мог его не надеть, он замер в переходнике, всем своим существом понимая, что не сможет заставить себя выйти наружу.

Он сосчитал до пятидесяти, потом еще до пятидесяти. Потом он подумал: «Если я сейчас выйду туда, где только звезды и пустота, я умру от страха. От позорного, липкого страха, который неведом ни одному человеку в Галактике, потому что никто, как я, не умирал в ней. Но если я не выйду, то из-за меня погибнут другие люди. И это хуже, чем смерть. Потому что у меня нет выхода».

И он открыл люк онемевшей рукой, как будто нажимал на курок пистолета, поднесенного к виску. Потом крепко схватился за скобы на корпусе корабля и по пояс выбрался наружу. Он не смотрел вверх, а только вперед, на покатуую китовую спину корабля.

Ему предстоял длинный путь. Ему надо было добраться по скобам до внешней антенны, которая контролировала подходы к кораблю и пространство вокруг люка, а затем и до люка, причем на втором участке скоб не было.

Андрей – автоматизм, глубоко укоренившийся в мозгу, не отказал – прикрепил к краю люка страховочный конец, которого должно было хватить, и пополз по скобам, не отпуская руки, пока не схватился за следующую скобу. Близко, у самых глаз, плыл металл корпуса.

Его никто не видел, потому что Пруг, который готовил засаду, еще не вернулся на мостик. ДрокУ был с ним, а ВосеньУ не включал внешний обзор. Он смотрел только на главный экран, на котором медленно вырастал «Вациус». Он увидел, прежде чем вернулся Пруг, как в бок корабля открылся люк и из него медленно выполз планетарный катер. До корабля было более тридцати километров, но на экране казалось, что это происходит совсем рядом.

Поэтому Андрей незамеченным добрался до антенны – небольшой выпуклости в корпусе корабля, прикрытой сверху прозрачной керамической крышкой. Он свинтил крышку и молотком, который был приторочен к ремонтному скафандру, одним сильным ударом разбил принимающее устройство.

Как раз в это мгновение вошедший обратно на мостик ДрокУ обругал зачарованно глядевшего на катер ВосеньУ и включил антенну ближнего вида. На секунду на экране сверкнули звезды, и тут же экран погас.

– Этого еще не хватало! – сказал ДрокУ.

Он нажимал на клавиши, стараясь понять, что случилось, потом запросил компьютер, и компьютер сообщил, что антенна разбита.

А в эти секунды Андрей уже полз к входному люку. Здесь скоб не было, и Андрей понимал, что в любой момент его может отнести от корабля, особенно если они решат совершить маневр. На полпути к люку он замер, потому что сердце колотилось со скоростью двести ударов в минуту, и Андрей понял, что он – первый трус во Вселенной. В наказание он заставил себя поднять голову. И, к собственному удивлению, увидел плывущий неподалеку, царственно могучий и сверкающий точками прожекторов, которые включили, чтобы осветить «Шквал», корабль Космофлота «Вациус». В лучах прожекторов к входному люку медленно спускался планетарный катер.

Планетарный катер был уже буквально в нескольких десятках метров от «Шквала», и

Андрей поспешил к нему, чтобы успеть предупредить пилотов о том, что им грозит.

Резкое движение оторвало его от обшивки и понесло вверх. И все началось снова... вся смерть... все шестьдесят три часа...

В этот момент его заметили с катера, и капитан «Вациуса», еще не зная, что означает появление человека на обшивке «Шквала», приказал двум пилотам встретить этого человека.

Что-то дернуло Андрея. И он пришел в себя. И даже понял, что это страховочный трос.

Открытый люк планетарного катера был совсем близко, и оттуда вылетали люди в скафандрах высокой защиты с реактивными двигателями. Двое из них полетели к Андрею.

Один из них, штурман «Вациуса», сразу узнал Андрея. И сначала даже не удивился, потому что забыл в этой суматохе, почему Андрея списали с корабля.

Андрей тоже узнал его. Он включил микрофон и сказал:

– Подождите входить. Там засада.

Он говорил совершенно спокойным голосом, как будто встречал гостей на обшивке корабля.

Капитан «Вациуса», следивший из катера, тоже узнал Андрея.

– Андрей Брюс? Ты почему здесь?

– Они подготовили засаду, – сказал Андрей.

Он непроизвольно держался рукой за рукав скафандра штурмана с «Вациуса». Он снова начал бояться. Нельзя было глядеть на звезды, надо смотреть вниз, на твердую и надежную поверхность корабля.

– Какая засада?

– Они не видят нас, я сбил внешнюю антенну близкого обзора, но они ждут. За переходником, чтобы перебить поодиночке, когда будете входить. У них топоры и бластеры.

– А как остальные? Где остальные? – спросил капитан. – Раненых нет?

– Здесь еще доктор Геза и Витас Якубаускас. Он ранен. Тяжело.

– А остальные?

– Некоторые остались на Пэ-У. Висконти погиб.

– Его убили? – Андрей не узнал голоса. Спрашивал кто-то из тех, кто был в планетарном катере. Все слушали этот разговор.

– И хотят убить вас. Вы не понимаете, что это за существа. Это другой мир.

– Тогда не будем терять времени даром. Я начинаю высадку, – сказал капитан «Вациуса».

– Вы меня не поняли?

– Андрей, – сказал капитан, – мой десант в кремниевых скафандрах высокой защиты. Мы тоже думали. Никто не снимет скафандров. Понял? Ты пробовал выстрелить в него из бластера? Или ударить топором?

– А у вас есть оружие? – спросил Андрей.

– С оружием все в порядке, – сказал капитан. – У нас на борту была группа охотников. Туристы. Мы конфисковали анестезирующие пистолеты. Валят дракона. Переходи к нам на борт, Андрей, – сказал капитан. – Будем проситься в гости.

Андрей перешел на планетарный катер.

Штурман «Вациуса», его старый знакомый, крепко взял его под руку. Второй космонавт отстегнул страховочный трос. Они резко подхватили Андрея, и он в мгновение оказался в открытом люке планетарного катера. Только потом, восстановив в памяти события того часа, он понял, что все помнили о его болезни. И штурман, и капитан, который вышел к люку, чтобы подхватить его.

И когда люк был закрыт, Андрей поздоровался с десантом с «Вациуса» – они сидели в креслах одинаковые, словно статуи, в тяжелых скафандрах. Одинаковые шлемы повернулись к нему. Капитан указал на пустое кресло рядом со своим.

Через пять минут катер двинулся вновь и, коснувшись корабля, дал сигнал прибытия.

Откроют ли? Или испугались?

Люк отошел в сторону, и магнитные захваты втянули планетарный катер внутрь

«Шквала».

Шлюзовая была пуста.

– Приготовиться, – сказал капитан, следя за приборами. В шлюзовую поступал воздух. Давление уравнилось.

Рядом стоял катер со «Шквала».

– Где же они? – спросил капитан.

– Я думаю, они ждут в коридоре за выходом. Так им кажется удобнее – они хотят вас встретить в узком месте.

Люк катера раскрылся, и капитан первым выскочил в зал.

– Принимайте гостей, – сказал он.

Тишина.

Один за другим пилоты с «Вациуса» выпрыгивали на упругий пол.

Капитан первым пошел к двери, ведущей внутрь корабля. Дверь открылась навстречу ему. Он вошел, держа в руке анестезатор.

И в этот момент по скафандру ударили сразу пять или шесть отравленных стрел. Они ломались и оставляли на скафандре темные пятна яда. Сверкнул луч бластера.

Капитан продолжал идти вперед. Теперь он видел воинов.

Выпустив стрелы и разрядив бластеры, они схватились за боевые топоры и с криками бросились на капитана. Пруг бежал в толпе воинов, размахивая своим самым большим на планете топором по имени костедробитель.

Десантники успели дать залп из анестезаторов, первые воины упали, но остальные успели навалиться, ударяя топорами по шлемам и пластику скафандров.

Схватка была неравной – повредить скафандр топор не может.

Суматоха, скопище тел, рычание, крики, грохот заполнили узкий коридор.

Пилоты обладали большими спортивными навыками, чем воины, привыкшие рассчитывать лишь на свое оружие, а анестезаторы действовали безотказно. Число воинов все уменьшалось, а люди в скафандрах медленно теснили их редющую толпу к кают-компаний.

Пруг отчаянно махал топором, ему удалось то ли силой удара, то ли массой своего тела свалить с ног двух или трех космонавтов, но в его тушу уже вонзились три анестезирующие иглы, а он продолжал сражаться, и ему казалось, что десантники поддаются его напору.

И рухнул он неожиданно. Во весь рост.

Оставшиеся воины еще продолжали сопротивляться, но в коридоре стало настолько свободнее, что Андрей смог пробиться сквозь схватку и броситься по коридору.

Один из воинов, раскрашенный, как и прочие, боевыми узорами, бежал перед ним. Видно, падение Пруга отняло у него желание сражаться. Спина воина была знакома. Андрей не гнался за ним – он спешил к медпункту. Убегавший воин обернулся, и Андрей узнал ВосеньУ. Тот тоже узнал Андрея. Сзади утихал шум боя.

ВосеньУ вдруг потерял силы. Он прислонился к стене и смотрел, как Андрей идет к нему. Он вжимался в стену, занеся топорик, как заносит камень слабый мальчик, когда к нему приближается известный во всей школе силач.

Андрей подошел к нему почти вплотную. ВосеньУ ударил его по груди топором. Топор скользнул по пластику скафандра.

– Я хотел спросить тебя, ВосеньУ, – сказал Андрей, – почему ты убил ПетриА?

ВосеньУ начал сползать по стене – как будто хотел влиться в нее, исчезнуть.

– Я клянусь небом, – заговорил он, – я клянусь жизнью матери, я клянусь самыми страшными муками в черном царстве – я не убивал ПетриА. Я чуть не убил его, когда увидел, что он сделал.

– Кто это был?

ВосеньУ сполз на пол и скорчился у ног Андрея.

– Это был ДрокУ, – сказал ВосеньУ, – это был он. Мы пришли за одеждой, и мы должны были взять с собой справочники. А она пришла и увидела нас. И услышала, как мы

говорим. Я сказал ДрокУ: пришла ПетриА, поздоровайся, она у нас работает. Я боялся, что он ее убьет... А он засмеялся и сказал...

Кинжал просвистел в воздухе и вонзился в шею ВосеньУ. Тот захрипел, сползая на пол.

За спиной Андрея стоял ДрокУ. Он подошел совсем близко и улыбнулся. Обычной своей мальчишеской добродушной улыбкой.

– Вот мы и победили, – сказал он. – И ВосеньУ тоже получил по заслугам.

– Зачем ты убил его, ДрокУ? – спросил Андрей. – Чего ты боишься?

– Мой звездный друг, – сказал ДрокУ, – ты можешь сколько угодно говорить о мести. Но так уж вы устроены, что ваши естественные чувства: ненависть, любовь, месть – все это подавлено вашим воспитанием. Ты бы до конца жизни мучился ненавистью к ВосеньУ, но убить вот так своими руками, убить живого человека ты не можешь. Поэтому кто-то должен был тебе помочь.

– Я должен тебя задержать, – сказал Андрей.

– Ты – меня? После всего, что я сделал?

– Ты сделал больше, чем говоришь. Ты в самом деле был движущей силой за спиной Пруга. Я знаю об этом и знал раньше. О тебе и твоём покровителе ВараЮ.

ДрокУ совсем не удивился.

– Логично, – сказал он. – Ты должен был догадаться. Или проговорился ВосеньУ. Или ты подслушал...

Говоря так, ДрокУ медленно продвигался вдоль стены, чтобы миновать Андрея.

– Убей меня, – сказал ДрокУ, также глядя в глаза Андрею. – Ты думаешь сейчас, что ВосеньУ, этот слизняк, ни в чем не виноват... – Движение вдоль стены продолжалось. Осталось уже немного, и можно бежать...

Интересно, куда он хочет бежать? Этот коридор сворачивает к складам. Оттуда можно попасть и к ангару, и к хранилищу, где они сложили эти бессмысленные тысячелетние бомбы. Можно спрятаться на складе среди боеприпасов и, запершись там, шантажировать остальных, покупая себе жизнь. Можно попытаться вывести планетарный катер и полететь на нем в надежде добраться до укромного места на Пэ-У... Черт знает, что у него в голове.

– Даже если я убил, – говорил ДрокУ, – даже если я. Кто ты такой, чтобы брать на себя правосудие? Ты сейчаспустишь меня и побежишь за своими... ты переложешь на них решение моей проблемы. А знаешь ли ты, звездный пришелец, что наша игра еще не закончена? «Шквал» летит к Пэ-У. ВараЮ ждет нас. Он – а не ты – будет править планетой.

ДрокУ рванулся по коридору. Он был куда легче Андрея, он был без скафандра, и, может быть, он успел бы убежать. Но Андрей был готов к этому рывку. Он прыгнул вслед за ДрокУ, схватил на лету его за ноги и повалил. Инерция движения потянула их вдоль коридора еще метра два. ДрокУ отчаянно сопротивлялся, что было бесполезно, так как повредить скафандр он не мог.

Заломив ДрокУ руку за спину и заставив его подняться и стоять согнувшись, Андрей, делая вид, что не слышит проклятий, которыми осыпал его ДрокУ, сказал:

– Пошел. Пошел вперед.

– Куда? – ДрокУ попытался повернуть голову, и Андрей дал ему подзатыльника тяжелой перчаткой.

– Ну! – сказал он.

Его голос изменил тембр в микрофоне шлема и прозвучал глухо.

ДрокУ пошел вперед.

– Послушай, – сказал он, – что ты хочешь делать?

Андрей не отвечал. Они прошли еще немного по коридору. Из-за поворота вышел капитан «Вациуса». За ним доктор.

– Андрей, я так рад, что вы живы! – сказал доктор.

– Он не имеет права так со мной обращаться! Я знаю законы Галактики. Жизнь и свобода каждого человека неприкосновенны, – сказал ДрокУ.

– Не слушайте его, – сказал доктор капитану.

– Я представитель развивающейся цивилизации и требую права на невмешательство. Я нахожусь под охраной закона о невмешательстве.

– Я его не слушаю, – сообщил капитан Андрею. – Но любопытно, что ты намерен с ним сделать?

– Открою люк, – сказал Андрей, – и выкину его в пространство.

– Наверное, ты прав, – сказал капитан. – Ты лучше меня знаешь, что это такое. В скафандре или без скафандра?

– Без скафандра, – сказал Андрей.

– Потом приходи в кают-компанию, – сказал капитан. – Пошли, доктор, осмотрите раненых.

– Стойте! – кричал ДрокУ, извиваясь в железной руке Андрея. – Я умоляю вас именем гуманности! Это ВараЮ приказал мне убить ПетриА. Чтобы подозрение пало на Пруга. Но я отказался!

Голос его стих и оборвался.

Капитан и доктор, не оборачиваясь, скрылись за поворотом коридора.

– Сначала, – сказал Андрей, – ты пройдешь со мной в рубку связи. И поговоришь с ВараЮ.

– Конечно, – быстро ответил ДрокУ, – немедленно, я не спору. Я скажу все, что надо сказать.

– Ты скажешь ему правду.

В рубке связи Андрей отпустил руку ДрокУ, и тот начал растирать ее другой рукой.

Андрей стоял за его спиной. Он вытащил у него из колчана на плече отравленные стрелы. Клейма на них были стерты.

– Вызывай станцию ВараЮ, – сказал он. – И учти, что у меня в руках твоя собственная стрела. Я в любой момент могу оцарапать тебе шею.

– Я согласен на все, понимаешь, на все, – сказал ДрокУ. – Я и не пытаюсь...

Он набрал позывные убежища.

Голос ВараЮ послышался сразу.

– Что у вас? – спросил он. – Я отчаялся. Вы скоро? Вы захватили второй корабль?

– За моей спиной, – сказал ДрокУ, – стоит ДрейЮ, звездный агент. Он приказал мне выйти на связь с тобой, господин.

Наступила длинная пауза. Очень длинная.

– Я понял, – наконец сказал ВараЮ. – Я никогда не верил тебе, ДрокУ. Я знал, что при первой опасности ты перебежишь к сильному.

– Мы сражались, – сказал ДрокУ. – Но они были в скафандрах. ДрейЮ предупредил их.

– Идиоты, – сказал ВараЮ устало. – Не могли уследить за одним человеком.

– Он вышел в космос.

– Вранье, – сказал ВараЮ, – ты, как всегда, врешь, ДрокУ. Я проверял в информатории Галактического центра. ДрейЮ лишен права командовать кораблями, потому что у него болезнь – он не может выйти в космос.

– Он вышел, – сказал ДрокУ.

– Я не буду тратить на тебя слов. Что с Пругом?

ДрокУ обернулся к Андрею.

– Пруг у нас в руках, – сказал Андрей. – Мы привезем его на Пэ-У. Наверное, он расскажет много интересного.

– Расскажет, – ответил ВараЮ. – Ты хочешь у меня что-нибудь спросить, звездный агент?

– Кто убил ПетриА? – спросил Андрей.

– ДрокУ, – ответил ВараЮ.

– По твоему приказанию! – закричал ДрокУ. – Я не хотел!

– Я даже не знал об этом, – ответил ВараЮ. – Он сказал мне об этом потом. Разве это важно?

Андрей не ответил.

– Я кончаю связь, – сказал ВараЮ. – Мое убежище окружено. Я думал, что продержусь до рассвета, но теперь мне не надо этого делать. Мы встретимся с тобой, ДрейЮ, на полях изобилия.

Поля изобилия означали потусторонний мир.

Щелкнула связь. ВараЮ прервал ее.

– Он прав, – сказал ДрокУ. – Дай мне дар сделать это своими руками, как ВараЮ.

Андрей понял, что смертельно устал. Он вывел ДрокУ из рубки связи, открыл дверь в пустую каюту радиста. ДрокУ покорно вошел туда. Андрей кинул на столик отравленную стрелу. Без клейма.

Он поступил совершенно неверно. Наверное, у него не нормально с психикой. Человек галактического века никогда не отнимет жизнь у другого человека, как бы плох он ни был.

Андрей запер дверь и пошел вниз, к кают-компани. В кают-компани на диване лежала громадная туша Пруга. Он безмятежно спал, сраженный иглой анестезирующего пистолета. Доктор расстегнул ему куртку. Доктор вдруг вспомнил, где, при каких обстоятельствах он видел в последний раз Андрея.

– А где этот, ДрокУ? Надеюсь, вы не выполнили своей угрозы?

– Почти выполнил, – сказал Андрей.

* * *

На космодроме на Пэ-У их встречал экипаж «Шквала», Ольсен, Его Могущество и много высоких чинов. Ольсен первым делом сказал, что ВараЮ покончил с собой в убежище.

Армейские боевые машины подъехали близко к «Шквалу». Пруг Брендийский первым спустился к машине, и солдаты помогли ему забраться внутрь. Он очень ослаб. Как будто из него выпустили воздух.

На космодроме была и госпожа правительница Брендийская. Она с утра требовала у правительства выдачи ей пасынка. Но ей пока в этом отказали.

Затем в медицинскую повозку перенесли Витаса Якубаускаса. Елена Казимировна и доктор Геза поехали с ним в госпиталь, где их ждали врачи. Там было оборудование, привезенное из Галактического центра.

Вместе с воинами вывели и ДрокУ. Когда после спуска открыли кабину радиста, он спал. Стрелка была изломана на мелкие кусочки.

Андрей поехал вместе с Ольсеном в дом для приезжих. Ему не хотелось ехать в собственный дом. Там бы все напоминало о ПетриА.

Ночью ему захотелось испытать себя. Впервые за много лет он вышел один и посмотрел на звездное небо. Небо было глубоким, зовущим, но не пугающим. Андрей уже знал, что он вернется в космос.

А утром Нильс Ольсен сказал ему, что ДрокУ убит в тюрьме. Убийцу задержали. Он оказался из клана Кам Петри – двоюродным братом ПетриА. Андрею никогда не приходилось его видеть.